

Си Цы

Возвращение
Прославленных

2

Вторая часть приключений Прославленных.

Когда пересекаются пути двух сил

Консунты в мастерской работали не покладая рук. Хьюго отобрал у Алаун Глаз Дракона и сутками напролёт следил за передвижением визидаров. Глаз стал показывать их чаще. Ремесленники были всё ближе и их всё больше.

А сегодня он увидел в хрусталике Дракона десять фигур, и его сердце затрепыхало. Значит, не врала старая ведьма Шильда!

...Много лет назад, сшив очередную консунту, он положил её в воскрешающий ящик. Но не заметил, что в кармане тряпья, надетом на бранных останках, остался пучок кастевидеуса — травы, дающей дар провидения. Уж как пучок запрещённой травы оказался в кармане старухи, которую Хьюго создавал всего лишь для работы на кухне, он не знал. Но когда вокруг консунты началось свечение, и трава выплыла из кармана, соединяясь с особью, Хьюго чуть не взвыл. Он, конечно же узнал замечательное растение, которое достать можно было бы только снова попав в Визидарию, но вытащить пучок уже не мог: процесс оживления шёл в полную силу.

И встала из воскрешающего ящика та, которую он назвал ведьма Шильда. Чей рот постоянно исторгал пророчества. Много времени она забавляла Хьюго предсказаниями. Была рядом с ним и давала ответы. Но чтобы предсказать, Шильде надо было коснуться предмета. А Хьюго очень хотел узнать, что случилось с Визидарией по ту сторону гор! Однажды он принёс ей камень от самой невидимой стены. И Шильда, потерев его в морщинистой руке, сказала, что Визидарию могут вернуть к жизни десять ремесленников, чья кровь осталась в миру, за пределами невидимости. Они найдут свои толпы, соберутся и придут прямо к дверям Хьюго. Десять родов с самой сильной ремесленной кровью.

— А если я убью их? — спросил Хьюго старуху, — то Визидария будет моей?

— Не знаю, — качнула она головой и закрыла глаза. — Только чувствую, что впереди страшная битва. Кто в ней победит, тот и будет владеть страной.

Хьюго тогда показалось, что Шильда что-то не договаривает. Но она отказалась продолжать беседу.

Вскоре после этого был праздник, посвящённый Алаун. Они стояли на башне, откуда Хьюго показывал потешные огни. Из огромной медной чаши, расположенной на земле, на высоту почти в милю, выстреливалось множество огоньков. Танцуя в воздухе, они оставляли длинные следы, складывавшиеся в узоры.

На башне, рядом с Хьюго и Алаун, меж их приближённых, любовалась потешными огнями и Шильда. У Хьюго было чудесное настроение, и, увидев ведьму, он попросил её напроорочить что-нибудь Алаун в подарок.

Шильда взяла девушку за руку, помедлила, вглядываясь в себя, и сказала:

— Ты несчастна. Но тебя ждёт любовь. Большая любовь. Она освободит и оживит твоё сердце. Только любовь твоя будет черна как ночь...

И все посмотрели на Хьюго, всегда одетого в чёрное. А он довольно рассмеялся:

— Вот видишь, Алаун, я говорил тебе, что ты, в конце концов, меня полюбишь. Предскажи что-нибудь и мне, Шильда. Когда мои желания исполнятся?

Шильда взяла за руку Хьюго, закрыла глаза, а потом сказала:

— Твоё сердце тёмное, Хьюго. В нём страшные желания. Хорошо, что они не исполнятся никогда.

Сначала Хьюго опешил, потом рассердился. Его лицо исказилось, и он вцепился старухе в горло:

— Ты сломалась?! Всё у тебя сегодня в предсказаниях тёмное... Скажи, что ты обманула меня, старая дура! — закричал он, — скажи это!

Он тряс Шильду, но та молчала. Тогда Хьюго ударил старуху по лицу и, перегнув её через парапет, сбросил вниз. А потом долго любовался тем, как она упала — развалившись на части, словно мешок с тряпками. Хьюго повернул к остальным довольное лицо и сказал:

— Шильда испортилась. К сожалению. И нас покинула.

И расхохотался.

Но сейчас пророчество Шильды про десять визидаров-ремесленников исполнялось. И Хьюго чувствовал — встреча с ними скоро. Он в нетерпении вскочил из комнаты и помчался в ремесленную мастерскую. Там профессор с помощниками заканчивали надевать новые латы на очередного малума. Выглядел тот устрашающе.

— Что ж, — сказал довольный Джейкоб, — команда разобралась, как работает стена защиты. Скорее всего, какой-то увеличитель находится на Башне Силы — она, по вашим рассказам, самая идеальная для этого точка, и потом защита усиливается на границах теми самыми погодными столпами, или что-то вроде них. Но принцип точно один — за короткое время ремесленники не успели бы придумать что-то новое, они воспользовались старой технологией, изменив её. Мы сейчас находимся в толще этой самой силовой стены. Поэтому не можем покинуть это место, находясь в вечном тумане. Осталось разобраться, как это поле разрушить. Тогда мы сможем проникать и в тот, и в другой мир.

— И я воплощу всё, что хочу, — кивнул Хьюго.

— Малумы усилены, — указал на стоящего рыцаря Джей, — Потому что мы не знаем, как изменились за четыреста лет визидары, какое у них оружие? Возможно, теперь малумы без лат им не так страшны? А теперь малумы готовы к бою. Единственное: они то по-прежнему не видны визидарам, а вот их доспехи мы не смогли сделать прозрачными.

— Отлично. Так малумы выглядят даже страшнее.

Хьюго взглянул на шипастый шлем рыцаря с пустыми глазницами и зияющей дырой для рта.

— Представляю рожи визидаров, — продолжил он, — когда они увидят подвижные латы, а внутри них — убивающее ничего, которое, к тому же, за секунду может их сожрать. Теперь каждый малум — за двоих.

Один из помощников поднёс и вручил Хьюго его Амулет Мощи:

— Возвращаю, — подобострастно склонился он перед хозяином. — Мы изменили его. И теперь вы сможете управлять всеми малумами вместе, только подумав об этом. Не отдавая приказов.

— Как вы этого добились? — спросил Хьюго.

Он был очень доволен. Надел на себя Амулет, который страшно не любил снимать, и любовно потёр его гладкую сторону.

— О! — Джейкоб вытер со лба испарину, — ваш Амулет и так силён. А теперь через него вы с малумами — один мозг! Мы взяли кусочек каждого из них и слили с металлом амулета. И так, как амулет подчиняется вам, так отныне подчиняются вашей мощи малумы.

— Надо проверить! — обрадовано воскликнул Хьюго. — Прямо сейчас пойдёмте, полюбуемся!

Всей компанией по извилистым коридорам они поднялись на поверхность развалин, туда, где раньше был огромный замковый двор. Здесь и сейчас, среди валунов и остатков стен, можно было увидеть площадь из брусчатки, покрытую мхом.

Хьюго встал среди площади. И поднял руки. Тотчас из земли стало вставать его войско. Малумы, блестя доспехами, выстраивались рядами, поднимаясь вверх. Вскоре в небе висел бесконечный куб, состоящий из правильных рядов солдат. На головах у них были устрашающие, усыпанные металлическими колючками шлемы. Все связующие подвижные части лат: локти, наколенники тоже были покрыты рядами металлических шипов.

Хьюго долго учился мысленно управлять армией, пока они не стали послушны. По его команде рыцари рассеивались по полю, собирались клином или окружали заданный объект.

Через пару часов довольный Хьюго ушёл вниз ужинать, и за едой не мог скрыть восторга:

— Вот увидишь, Алаун, — говорил он, возбуждённо махая руками, — это будет кое-что эпическое! О, это будет настоящая бойня! Что на свете страшнее слова «ужасный»? — задумался он на секундочку, — а, впрочем, неважно, как назовут эту битву. По тому, как будут после называть этот бой, мы это и узнаем!

— А зачем у входа в башню установили эти странные шесты? — спросила его девушка.

— Это я готовлюсь к встрече с ремесленниками. Ты не обратила внимания, дорогая, что там ровно десять шестов? На каждую голову, которую я там повешу, по одному.

Алаун перестала есть. Взгляд её, упёршись в Хьюго, застекленел. Но он, увлечённый планами будущего сражения, этого не заметил.

— Надо, — сказал Хьюго, — чтобы в нашем нападении был эффект внезапности. Это самое главное. Иначе неизвестно чего ожидать от этих уродов.

...А визидары в это время продолжали свой путь по холмам Ирландии. Довольно скоро с очередного холма они увидели большой город.

— Вот это Дублин и есть, — показал на него великан Пит.

Настроение улучшилось, ремесленники решили не делать последнего привала, чтобы пообедать уже в городе.

И уже через час их обступили дома пригорода.

Вскоре визидары вышли на широкий проспект. Здесь было шумно. По улице прогуливались нарядно одетые прохожие, мальчишки-носильщики бегали с поручениями, шумно переругивались торговки, меж экипажей мелькали новенькие авто, пугавшие лошадей шумом клаксонов. И только здесь, в пёстрой толпе, визидары, наконец, перестали привлекать всеобщее внимание. Но лишь по тому, что никто никого не замечал — так бывает в большом городе, пройдёт мимо диковинный визидарец, а ты и не увидишь. Лишь пару старомодно одетых старушек с напомаженными завлекашечками по бокам сморщенных щёк, болтавших на углу у булочной, внимательно оглядели разношёрстную компанию и, неодобрительно качая головами, громко обсудили каждого. Девушки по их словам были невоспитанными, Стурла чересчур низок, Пит и Тафари, напротив, слишком высоки. А Пинар и Янмей вообще не следовало яшкаться с такой-то компанией. Но уж такие здесь в Дублине были старушки — внимательные, дотошные и суровые до выводов. Хорошо, что они нас с вами не видели.

— Сейчас я поведу вас в особую гостиницу, — сказал Пит ремесленникам, — там поедим, выработаем план и решим, что делать дальше.

И Питер свернул в переулок, позвав всех за собой. Через пару перекрёстков на грязном двухэтажном доме, визидары увидели покосившуюся вывеску «Счастливый Лепрекон». Это был паб и гостиница одновременно. Туда и повёл их Питер.

В тёмном пабе было занято всего два стола. Сидевшие за ними тут же замолкли, оторвались от тарелок и устали на диковинных посетителей. Потом стали, перегибаясь через еду, перешёптываться. А визидарцы заняли самый большой стол и подзвали усталого владельца. Это был полный апатичный мужчина, который принял у них заказ, записывая его к себе в блокнотик, медленно, в такт словам, качая головой. Питера же он узнал. Владелец посмотрел на великана и спросил:

— Пит, тебе как всегда?

Парень кивнул.

Через какое-то время владелец принес заказы, а перед Питом положил тарелку жареного картофеля и ключ. Парень пододвинул его к себе.

— Что это? — тихо спросила Пинар, показывая глазами на стёртый ключик.

— Ешь, потом увидишь, — буркнул Пит.

Когда все поели, расплатились и встали, Питер повёл их в тёмный коридор, но не на выход и не по шаткой узкой лестнице наверх. Нет. Он дождался, пока мимо них проплыли две хохочущие дамы в пышных юбках: они медленно поднялись наверх, оглядываясь на визидаров, но не прекращая смеяться. И как только дамы исчезли на втором этаже, Пит свернул под старую деревянную лестницу и отпер дверцу, которая ему была по пояс. Он согнулся в три погибели и еле втиснулся в открывшееся пространство. Визидарцы переглянулись. Дверца была очень маленькой. Удивительно, как туда пролез такой великан? Разве что Стурла мог бы зайти через неё, не нагибаясь? Но нет, когда все последовали за Питом, даже у гнома зацепилась шишечка его шлема за верхнюю перекладину двери.

Сразу за дверцей была крутая каменная лесенка, ведущая вниз. Они оказались в узком сыром подвале. Здесь лежали метлы, тряпки и разный другой хлам. Пахло плесенью, по ногам сильно дуло. Питеру пришлось пригнать на бок голову, чтобы не сбить сиротливую лампу, а плечами он доставал до обеих стен сразу. Коридорчик был небольшой и заканчивался тёмным тупиком с двумя дверями. Янмей протиснулась вперёд и сказала, указав на одну из двух дверей:

— Нам сюда.

— Нет, — покачал головой Питер, улыбнувшись, — не отгадала. Сейчас нам сюда.

И открыл дверь напротив.

Удивительно, но за ней оказалось достаточно просторное помещение. Со столом, лавками и пыльной кроватью в углу. Стены и потолок, правда, были одинакового грязно-серого цвета с полом, в трещинах и разводах. Над столом, под самым потолком, находилось узкое грязное окно, в котором мелькали ноги прохожих.

— Это самый дешёвый номер в «Счастливом Лепреконе», — объяснил Пит ремесленникам, — но он нам нужен не за этим. За противоположной дверью начинается один из проходов подземелья. Сейчас я вам покажу на карте, где мы находимся.

Питер подошёл к столу, достал из-за пазухи кусок шкуры с картой и, разложив её, ткнул пальцем в нужный сектор.

— А добраться нам нужно вот сюда, — опять он показал, но уже в другое место.

По его плану получалось, что добираться до вождельной двери придётся лабиринтами и путь получался неблизкий — больше мили.

— Я могу стать невидимым — не впервой, и сходить на разведку, — предложил Итиро.

— Нет в этом смысла, маршрут я знаю и сам, — не согласился Питер.

— Пит, может, сначала составим небольшую группу? Разведчиков? И они сходят открыть дверь? — предложила Бёрнис, — я — готова!

Она была полна решимости. Глаза её блестели, и девушка рвалась в подвалы, словно в бой.

— Я уже думал об этом, — качнул головой Пит. — Но вот в чём проблема — там слишком много опасностей. Возможно, уйдя в разведку, ещё труднее будет вернуться. И потом, открыть дверь мы сможем только все вместе. И тогда сразу уйдём туда, в тот мир.

— В тот мир, — повторила медленно Янмей. — Да, нам нужно идти вместе.

— У нас недостаточно толков. И, наверняка нет такого, который поможет пройти через катакомбы, — вздохнул Марио, — там, наверное, как в сражении с кеатли, нужна будет только отвага.

— Ты боишься? — спросила его Мэд.

Марио взглянул на неё, но в её глазах не было презрения, лишь забота.

Рыболов покачал головой. Сначала отрицательно, потом, помедлив, утвердительно.

— Но не за себя, — уточнил он, — за вас. Как ни странно, я перестал трястись за себя. Такое бывает, когда

понимаешь, что есть ремесленники и поценнее твоей шкуры.

— Вот уж ошибаешься, — похлопал его по спине Леонар. — Бросаешься из крайности в крайность. Если говорить о ценности...

Стурла его перебил.

— Леонар, сейчас твоя пси-хо-ло-ги-я ни к чему. Так мы идём? — нетерпеливо вскочил он со скамьи. — Первое. Надо подготовить оружие, — загибал гном короткие пальцы. — Второе. Продумать тактику. Предлагаю разбиться по двое, Пинар и Янмей поставить в середину цепочки. И так передвигаться. Третье. Дубовики. Если там эти твари, это будет очень опасно. Надо смотреть в оба.

Готовились к походу недолго. Убрали лишние вещи. Оделись удобнее, проверили оружие. Пит приготовил длинный меч, а Итиро предложил закалить его Огненной палочкой.

— Вот это мощь у визидарских толлов! — восхищенно присвистнул Пит, глядя на то, как белый столп огня из палочки Итиро делает его меч иным. Металл на оружии от воздействия тола истончился, но стал звеняще острым. Питер примерился к новому виду меча и сделал пасс. Меч со свистом рассёк воздух, словно масло.

— Да, представляю, какие инструменты ждут нас в Визидарии! — помечтал Марио, — там уж мы развернёмся. А сейчас, мне кажется, у нас до конца не хватает ни ума, ни знаний порой понять, что у нас в руках и как этим правильно пользоваться.

— Соглашусь, — кивнул Леонар, — я хочу написать летопись толлов, информации отдельно по ним я так и не нашёл среди книг, но, возможно...

— Пойдём уже, — буркнула Бёрнис и Стурла одобрительно хмыкнул.

Группа встала, посмотрели друг на друга и тихо вышли из комнаты. Из верхнего коридора неслись звуки веселья, громко играло пианино. Слышно было, что в пабе народа прибыло. Над головами в такт задорной песни, которую кто-то горланил, не попадая в ноты, так стучали каблуками, что на визидаров с потолка посыпалась труха. Мэдлин раскашлялась.

И Пит отпер дверь напротив и решительно её толкнул. Но за дверью подземелья не было. Их встретила пустая каморка, отделанная старыми необработанными досками. Они были покрыты паутиной, на каменном полу скопилось много грязи, какая появляется в помещениях, если в них долго не заглядывать. Визидары в ожидании устали на Пита. Он же подошёл к одной из стен, быстро раздвинул две широкие доски в стороны и исчез в темноте, открывшейся за ними.

Стурла взглянул на Марио и юркнул за Питом. Остальные тоже полезли в дыру за друзьями.

За стенами каморки открывался проход. Он был достаточно широким, со сводчатым потолком и каменным полом. А Пит уже откуда-то взял факел и зажёл его. Тафари тоже достал фонарь, в свете которого можно было бы увидеть малумов. Пит первым шагнул дальше и Тафари, осветив его со спины, опешил. В свете фонаря из головы Питера явственно торчали оленьи рога.

— Вот это да! Пит, ты знаешь, что у тебя на голове...

— Рога? Да. Знаю, — отмахнулся Питер, — это у меня от предков. Но вообще они духовные, значит, твой фонарик видит души. То есть визидарскую суть.

Тафари осветил остальных:

— Ого, — сказал он. — Янмей, у тебя и правда на лбу глаз, он светится и моргает! А у тебя, Пинар, смотрите на неё, у тебя белые крылья и волосы на голове похожи на перья...

У каждого визидара что-то в свете фонаря появилось новое.

— Тафари, а у тебя ничего нет, — сказала Янмей, вглядываясь в него, — хотя нет, по бокам туловища...

Тафари задрал свою рубаху — под рёбрами у него явственно виднелись полосы жабр. Когда он дышал, то и жабры двигались в такт его дыхания.

— Почему я такого не видел раньше? — удивился Тафари.

— Возможно, было не до этого, ты же фонарём искал малумов, — предположил Марио.

— А ты не думаешь, — прищурилась Пинар, — что это свойство фонаря появилось только здесь, в проходах? И это значит...

— Это значит, что мы на правильном пути! — догадалась Мэдлин.

— Идёмте, — в нетерпении сказал Пит.

Проходы перекрещивались между собой. Кое-где на разных уровнях встречались дверцы и оконца. Многие были заколочены или даже заделаны кирпичной кладкой. За одними дверями была тишина, из-за других раздавались звуки жизни: то лай, то разговоры, то плач. Видимо, они вели в нижние этажи жилых зданий.

Шли визидары долго. И страх, который сковывал в начале, подбрасывая жуткие мысли в голову, постепенно отступил. Кровь в жилах успокоилась. Стурла, замыкавший процессию, расслабился и даже забурчал песенку.

— Это я когда-то разрушил, — показал Питер на пролом между двумя коридорами, — чтобы сократить путь. Но не все плиты можно было убирать. Некоторые из них пришлось ставить на место. Я боялся, чтобы дубовики и

другая нечисть не сунулись в город и не потревожили людей. Кстати, как же я забыл...

Пит повернулся к остальным визидарам и внимательно их оглядел:

— Соберите в узел или хвост волосы те, у кого они длинные. Остальные просто берегите головы. Сейчас я открою каменную дверь, в проходе за нею живут волосницы.

— Что это за волосницы? — спросила Пинар, надевая косынку.

Пока Бёрнис помогала Мэд заплетать косу, Пит поведаль:

— Волосницы — это одни из жителей подземелья. Они представляют из себя длинных очень тонких змей. Таких тонких, что и сами сойдут за волос. Цепляются за живое существо, обычно запутываются в шевелюре. И сосут себе кровь. Паразиты они.

— Вот это ты даёшь! Забыл предупредить он, — вредничал Стурла, почёсывая бороду, — а как же нам то с Леонаром? У нас волосы на лице.

— А то бы ты сбрил бороду, — ухмыльнулся граф.

— Нет, конечно, — помотал головой гном, — но забыть такое...

— Поверь, в этих проходах волосницы — самая маленькая проблема. Основная беда здесь — дубовники.

С этими словами Пит снял круглый амулет с шеи и вдавил его в плиту. Достал свирельку и, нажав на две первые дырочки, дунул. Раздался мелодичный свист. И тяжёлая каменная дверь отворилась.

Туда опасно заглянул Стурла. Но за ней открылись всё те же проходы. Пусть там было и потемнее.

— Тьфу, напугал, — сказал он и решительно пошёл вперёд.

— Здесь надо вести себя потише, — громким шепотом сообщил Пит.

Все послушались, и дальше пошли молча, внимательно глядя по сторонам.

Со временем проходы стали уменьшаться, пока не стали круглыми и тесными. Окошек и дверей наружу становилось всё меньше, пока они не закончились совсем. Дальше стены были уже земляными, ребристыми, как будто кто-то пропахал землю гигантским шгопором. Сначала стало тесно идти Питу, потом и Тафари. То тут, то там вылезли кривые корни деревьев, которые в мелькающем свете фонаря казались причудливыми конечностями. Напряжение опятьросло.

Тут вскрикнула Мэдлин, и все обернулись.

— Ничего страшного, — махнула она рукой. — У меня коса зацепилась за корень, и я испугалась.

Все расслабились, но Пит подошёл к Мэд и попросил:

— Повернись-ка ко мне спиной.

— Я же говорю — ничего страшного, — повторила Мэд, поправив причёску, — идём дальше.

— Повернись, — настойчиво требовал Пит и достаточно грубо развернул девушку, подав знак Тафари подсветить.

С волосами Мэд не было ничего не обычного: белые запутанные пряди, наскоро сплетённые в косу. Но Пит настойчиво копошился в них, пока торжествующе не схватился за один волос — толще и чуть темнее других. Он дёрнул его и волос издал пронзительный крик, от которого у всех заложило уши.

— Вот это и есть волосница, — показал им Пит извивающийся волос.

Волосницу еле было видно в прыгающем свете фонаря Тафари. Она вырывалась, пытаясь укусить Питера. Но парень крепко держал тонкую змейку. Внезапно волосница кинулась в лицо Стурлы. Она почти вцепилась ему в бороду, но в последний момент Итиро успел перерубить её на части.

Половина волосницы так и осталась болтаться на бороде оторопевшего Стурлы, а хвост упал к его ногам.

Но на это никто не обратил внимание — Мэдлин пошатнулась и стала скатываться на пол. Её еле успели подхватить.

— Что с ней? — спросила Янмей, убирая с посиневшего лица Мэд пряди.

— От волосниц визидары теряют силы, — объяснил Питер.

— Ты и это забыл сказать? — громким шепотом возмущался Стурла, глядя на закрытые глаза Мэдлин, — что нам теперь делать?

— Не волнуйтесь, — мотнул головой Пит, — у меня есть снадобье. Про волосниц было написано в тетрадь деда. Там же был и рецепт.

Питер вытащил из кармана жилета бутылёк и открутил с него крышечку.

— Но здесь не хватает одного ингредиента — крови визидара, — пояснил он.

И быстро коснувшись меча Итиро, который тот ещё не убрал в ножны, проколол себе палец и добавил в лекарство пару капель своей крови.

Потом поболтал жидкость и, приложив к губам Мэдлин, влил ей в рот. Она мгновенно порозовела и стала приходить в себя.

— А тебя кусали волосницы? — спросила Пинар у Питера.

— Да, но избавлялся я от них уже в «Счастливом Лепреконе», а потом долго приходил в себя. Но Мэд

восстановится прямо сейчас.

Так оно и вышло. Уже через минуту Мэдлин была бодра и полна сил. Видимо, Питер поделился с ней своими. Визидары продолжили путь по подземным лабиринтам.

— Вот эти проходы остались от гигантских червей, — сказал Пит, показывая на неровные стены, — и здесь надо быть осторожными. Чувствуете запах тухлятины? Так пахнут дубовики. И, боюсь, они слышали, как кричала Мэдлин.

Словно в подтверждение его слов, из двух ответвляющихся проходов, которые они только что прошли, с мерзким шумом вывалились два...то ли шара, то ли осьминога... Это были огромные комки, слепленные из сросшихся веток и корней. Они мгновенно подкатили к Стурле. Никто не успел глазом моргнуть, как шары, подпрыгивая, сделали вокруг гнома круг, молниеносно кусая его, неизвестно откуда появляющимися среди отростков зубами. Стурла ничего не успел сделать. Шары опрокинули его навзничь и один из них уже хотел прыгнуть на грудь гному, как подскочивший Тафари и Пит со всей мочи нанесли по шарам удары мечами.

Дубовики, издав неприятный высокий звук, подскочили и тут же скрылись в проходах.

— Вы видели, мечи практически не оставили на них царапин? Словно эти дубовники из какого-то прочного металла, — вставая со стоном сказал Стурла, — хорошо хоть покусали несильно, — добавил он, оглядывая, как укусы по всему телу наливаются чёрно-красными синяками.

Перед ним присела Пинар и открыла ведьмину сумку.

— Сейчас я смажу укусы, — успокоила его она.

— Это были маленькие дубовики, — предупредил Питер. — Поэтому от них и вреда не так много. Но теперь они соберутся все. И это плохо. Я всё же надеялся, что мы проберёмся чуть дальше, пока дубовики нас не обнаружат, и будем ближе к двери. Ну что ж. Просто запомните, что бить по дубовикам надо со всей силы. Только тогда им можно нанести хоть какой-то вред. Нам нужно добраться до подземного зала, где находится комната.

— А он далеко? — со страхом глядя на синяки Стурлы, спросила Мэдлин.

— Еще два длинных коридора. Но теперь мы в ловушке. Вернуться мы уже не сможем. Наш путь — только вперёд. Готовьтесь к бою.

Когда Пинар обработала Стурле самые большие укусы, и он смог подняться, все оголили оружие. Питер посмотрел на команду, покачал головой и попросил Тафари, который показался ему самым мускулистым, взять Янмей на загривок.

Девочка схватилась сзади за шею Тафари, обхватила его туловище ногами. Сам же Питер, как ни сопротивлялся гном, схватил Стурлу, легко закинул его себе за спину и скомандовал:

— А теперь бежим со всей мочи, чтобы преодолеть как можно большее расстояние. Чтобы бой не начался в подземных коридорах. Иначе шансов у нас нет вообще. Но только смотрите под ноги.

И они помчались. Каждый нёсся, что было сил. В какой-то момент Пинар казалось, что сейчас она упадёт — под туфлю попал скользкий камень, и она стала заваливаться. Но её подхватили под локти Итиро и Марио.

Завернув за очередной угол, визидарцы оказались в длинном зале, и даже увидели дверь, в нише на противоположной стене. Все сразу поняли, что это именно та дверь, которая им так была необходима. На ней чернел огромный знак визидаров. Пит даже успел подумать, что, возможно, им повезло и обойдётся без сражений. Быстрее бы только сообразить, как открывается эта дверь. Успел подумать, но не сказать. Пол трянуло, и из стен, стали порастать огромные дубовики.

Они были раз в десять больше тех, которых визидары видели до этого в подземном коридоре. И всё сыпались и сыпались из стен. Вскоре весь зал наполнился живыми комками чёрной плоти, обросшей корнями.

Дубовики медленно шевелили ветвями, покрытыми мхом и жухлыми травами, словно разминались. Иногда они раскрывали многочисленные пасти, внутри которых виднелось красное нутро покрытое рядами чёрных острых зубов. Нестерпимо завоняло гнилью и падалью. Визидарцы, не сговариваясь, встали в круг, окружив Пинар и Янмей.

Один дубовик неожиданно подпрыгнул и сходу попытался попасть в середину компании ремесленников, чтобы раскидать их. Но визидары подняли мечи, напоминая ощетинившегося ежа.

Дубовики вмиг завелись. Закрутились, размахивая отростками, и стали напрыгивать на добычу. Они проголодались, и каждый хотел откусить сладкого мяса живой плоти. Начался бой. Не на жизнь, а на смерть. Летали корни, отрубались ветки, то тут то там взметались длинные перепутанные конечности дубовников и отовсюду раздавался разноголосый рык. Противные твари двигались хаотично и быстро. Порой они слеплялись меж собой в огромные кучи и становились гораздо опаснее.

Пинар, прижала к себе Янмей, чтобы та не видела, как у визидарцев от каждого, даже самого мимолётного, прикосновения зубастых пастей дубовников, рвались одежды, мгновенно появлялись раны, брызгала кровь, пропитывая собой всё, как будто по телу провели гигантской тёркой. Но даже Пинар старалась отбиваться длинным кривым ножом, который дал ей накануне Тафари, хотя могла перерубить лишь самые тонкие ветки.

Пинар видела, что Леонар выставил перед собой искусанную руку и, прикрываясь ей, как щитом, рубил другой, в которой держал меч. Он со всей мочи махал налево и направо. Стурле кровь заливала глаза, но он быстро на ходу стирал её рукавом и снова бесстрашно рвался вперёд.

Отчаянно сражались Марио и Итиро, налетая на какого-нибудь одного дубовника сразу с двух сторон. Непереставая громил страшилищ Питер, нанося мощные удары дубовникам сверху в гладкий небольшой пенёк — их затылок. И именно от этого удара, они, наконец, ослабев, падали и больше не шевелились. Видно, в этом месте была точка их слабости. Только как её определишь? Из-за их шаровидной формы и подвижности, найти в бою её было не так то просто. Только когда дубовники раскидывали ветки и открывали рты, на мгновение становилось видно, где их макушка. Видно, это же поняла и Бёрнис. Она вскочила на ближайшего дубовника, когда тот раскинул корни. Она ловко взобралась по ним до верху, вцепилась своими зубами в его макушку. Дубовник взвыл и, последний раз крутанувшись вокруг своей оси, повалился на пол. Бёрнис повернула к визидарам испачканной чёрной кровью врага лицо, выплюнула большой кусок коры и заскочила на нового дубовника.

«Настоящая Волчица», — промелькнуло в голове у Пинар.

В какой-то момент, показалось, что дубовники побеждают — визидарцы устали и ослабели. Но тут, нанося очередной удар, Итиро выронил из-за пояса Огненную палочку, подхватил её на лету, и сам не осознавая до конца что делает, крикнул: «Адолебит!» Тут же вырвался сноп белого огня, попавший дубовнику в рот. И тот вспыхнул. Через 5 секунд от него осталась лишь обугленный искорёженный остов. Итиро стал быстро уничтожать врагов, остальные визидарцы их добивали. И ещё через десять минут наступила тишина. И лишь зажмурившись и намертво вцепившись в юбку Пинар тихо плакала Янмей. Сейчас она выглядела простой напуганной маленькой девочкой.

Визидарцы стояли посреди корней, веток, забрызганных требухой дубовников и окропленных их собственной кровью. Марио посмотрел на Итиро, хотел сказать: «Мы победили». Но сил даже улыбнуться другу не было. Итиро качнул головой, показывая, что понимает.

Попытались успокоить Янмей. Пит снова взял её на ручки, вытащив для неё из своего кармана невесть откуда взявшись там имбирный пряник. Переступая через воняющие кучи на полу, визидары двинулись к двери. Они подошли вплотную, и Мэд коснулась её ладонью. По двери пробежала волна, и раздался звук жужжания.

— Но к ней невозможно было подойти! — удивился Пит, — вокруг было что-то вроде защитного поля!

— Возможно, потому что мы должны были собраться вместе?

— Наверняка, — устало кивнул Пит, — как я и говорил.

— Разойдитесь. Пустите ключеносца, — сказал остальным Итиро. Его лицо было перепачкано кровью. Засунув руку за пазуху, он вытащил ключ, прихрамывая, подошёл к двери. Итиро посмотрел на неё и с удивлением повернулся к остальным, — как же так, братцы? — растеряно спросил он, — куда его вставлять?

— Видно, твой ключ понадобится где-то дальше, — похлопал Итиро по спине Тафари.

— Да где же дальше?! Это же самая важная дверь... В Визидарию. А я — ключеносец. А тут, такое дело.

И он развёл руками, указав на дверь.

На её шершавой поверхности не было не то что скважины для ключа — ни одной дырочки, ни одного просвета. Только огромный знак визидара: колесо с тремя пересеченными глазами, от которых отходили десять лучей, заканчивающихся треугольниками. Этот знак отличался лишь тем, что в каждом треугольнике здесь тоже был нарисован глаз без зрачка. Или лодочка?

— Может, приведём себя в порядок? — спросила Мэдлин, выжимая подол от слизи дубовников.

— А ты уверена, что они не вернуться в большем количестве? — спросил у неё Пит, а потом обратился к остальным, — какие есть версии?

Стурла разбежался и попробовал выбить дверь плечом. Но она стояла, как влитая.

— Думаю, что толпы здесь не нужны, — наклонившись над дверью, непривычно грязный Леонар внимательно рассматривал рисунок, потом поскрёб одну выемку пальцем. Дверь снова завибрировала.

Он указал на знак и подытожил:

— Борозды этого рисунка очень глубокие. На дне каждой идёт медная канва. Её плохо видно из-за того, что со временем она окислилась. Значит, это не просто знак. Он и есть ключ.

— А заметили, как дверь реагирует на наши прикосновения? — спросила Мэдлин. — Может, в этом и есть отгадка?

— Конечно! Мы должны были собраться все, чтобы открыть её. Значит, и открыть её надо вдсятером! — предположила Пинар.

Она подошла и положила на один из треугольников ладонь, предлагая так же поступить другим.

— Подожди-подожди, — сказал ей Леонар, схватив Пинар за рукав.

Он облокотился на стену и прикрыл глаза, собираясь с мыслями. За время битвы что-то в нём изменилось. И это не его взлохмаченная перепачканная борода, не взъерошенные волосы. Нет. Заострились скулы, чуть больше легло морщин в уголках глаз, но не это было главным изменением. А само выражение его взгляда. Вдруг в его

глазах отразилась вся его усталость. Он посмотрел на остальных и тихо сказал:

— Братья и сёстры. Ибо смею я вас так называть после того пути, что прошли мы вместе, — он помолчал, а потом продолжил, — мне страшно. Не боюсь вам признаться, но мне дико страшно... Там, — он кивнул на дверь, — нас может там ждать что угодно. И не чудовищ я боюсь. С вами они мне не страшны. И не сражений. Я боюсь ... ничего там не найти. Ведь может статься, что нашей родины больше нет. Вы готовы увидеть руины собственной цивилизации?

— В любом случае, Леонар, мы не узнаем этого, пока туда не зайдём, — положил ему на плечо тяжёлую руку Питер. — И нам на это никто не ответит. Мы должны увидеть всё собственными глазами. Прикладывай руку, друг.

Все подошли плотнее к двери и каждый выбирал себе треугольник. Маленькая Янмей прижала свою ручку рядом с лапищей Пита — он всё ещё держал её на руках. Дверь вибрировала всё сильнее. Когда последним, к самому нижнему треугольнику, прикоснулся Стурла, она легко открылась.

За дверью оказалась... стена. Она была закруглённой, грубо сложенной из камней и уходила вверх.

Но размышлять было некогда. Стены зала за визидарами опять зашевелились, предвещая приход новой партии дубовников. Питер быстро стал вталкивать визидаров в проём, и зашёл туда последним. Вернее, втиснулся, ибо места почти не оставалось. И дверь за ними захлопнулась. В самый нужный момент. Потому что через секунду на неё посыпались удары разъярённых дубовников.

Сначала визидары стояли тихо, ибо даже вздохнуть полной грудью в такой тесноте не было возможности. Хуже всех было Стурле, который застрял между ног остальных. Если поднять голову, то было видно, что они оказались на дне колодца. Там, вверху где он заканчивался, был виден кусочек неба по которому неслись низкие плаксивые облака.

— Ну и вонища, — наконец, сказала, принюхиваясь, Бёрнис.

Она еле вытащила руку и зажала себе нос.

— Ну извините, — забурчал снизу Стурла, — может, это и от меня. Я давно не мылся.

— Нет, — покачал головой Леонар, это от стен. Видимо, сюда сбрасывали тела, но они давно истлели, а запах остался.

После его слов все обратили внимание на хруст под ногами. И это явно был не снег.

— Кости, — отметил Стурла, глядя вниз, — но очень старые.

— Я хочу скорее выбраться отсюда, — запаниковала Мэд.

— Как будто мы не хотим, — опять подал голос Стурла.

— Может, попробовать достать мой рыболовный крючок? — спросил Марио.

— И как он поможет, господин Рыболов? — уточнила Бёрнис.

— Ну, размахнуться и попробовать закинуть его наверх, — пожал плечами Марио.

— А ты уверен, что он с первого раза зацепится за край? Здесь же развернуться негде, — размышляла Пинар, — и крючок упадёт обратно. Кому-нибудь из нас в глаз.

— С чего сразу в глаз? — почему-то обиделся Марио.

— Неважно куда. Но он у тебя жутко острый, — ответила ему Пинар.

— Предлагаю выбрать самых здоровых и сделать пирамиду, — сказал, глядя вверх Леонар. — Если мы соберём пирамиду из трёх-четырёх визидаров, то последний, ближайший к краю, сможет попытаться забросить тот самый крючок наверх.

Под глухие удары дубовников в дверь, в колодце началась возня. Тафари достаточно быстро залез на Пита и встал ему на плечи. Потом, на эту пирамиду поднялся Итиро. И устроился на плечах Тафари. Дальше по ним пытался вскарабкаться Стурла. Но он был тяжёл и неловок. Пару раз падал на остальных визидаров, стоящих внизу. Когда он скатился очередной раз, маленькая Янмей, словно обезьянка, забралась по спине Пита, потом по Тафари, он только успел её подхватить. И через секунду девочка уже стояла на плечах Итиро.

— Подавайте мне крючок, — скомандовала она.

Теперь внизу стало значительно свободнее, и Марио без труда достал крючок с верёвкой из сумки. От Янмей до верха было ещё примерно два ярда, и с третьей попытки девочка зацепила крюк за край. Проверила, чтобы тот держался прочно и, мгновенно забравшись по нему, скрылась за краем колодца.

— Не смей, — кричали ей вслед. — Опасно!

Но её довольное личико показалось сверху. Оттуда она оглядела окрестности и сказала:

— Не волнуйтесь, здесь ничего опасного нет.

Начался подъём наверх остальных. Труднее всего было поднять Пинар и Леонара из-за их травмированных рук. Их вытащили последними, просто обвязав вокруг тела верёвку и вытянув.

Колодец, из которого они вылезли, находился посреди поля. Рядом росло кривое высохшее дерево, чуть левее — груда камней, которые, видимо, когда-то были домом. Жухлые травы, сырые камни всех видов и мастей... И до серого горизонта мрачные холмы-холмы-холмы. Если где и торчало деревце, то выглядело оно больным и хилым.

Слева вдали из рваных ветром туманов возвышалась горная гряда.

— Это наша родина? — спросил Леонар.

Он ежесекундно поправлял волосы, падавшие на глаза.

— Что будем делать дальше? — задал вопрос Марио.

— Я не знаю, — ответил сразу обоим Пит, — но думаю, что надо найти место для ночлега, залечить раны и подумать.

Устроить лагерь решили у маленького ручья в низине между двумя холмами. Конечно, здесь терялся стратегический обзор с двух сторон, но зато и их мало кому было видно.

У хлипкого дерева, которому бесконечный ветер давно оборвал все листья, поставили две палатки. Марио почудил над ними своим увеличительным стеклом, и палатки стали больше и просторнее. Холодало, и Марио пришла в голову прекрасная мысль — размножить единственное одеяло и меховую жилетку Питера. Её копия стала уютной лежанкой для Янмей. Замотавшись в одеяло, она устроила на ней домик, напоминая птенца камышевки, высовывающего голову из гнезда.

Итиро за это время разжёл костёр. Пока Стурла с Марио готовили еду, Бёрнис помогала Тафари перевязывать больных. А Питер отправился в разведку. Он вернулся через час, когда в лагере все были отмыты и перевязаны. А из чугунок Стурлы восхитительно пахло похлёбкой. Глядя на удручённое лицо Питера, Бёрнис спросила его:

— Ну как, что видел?

— Да, собственно, то же, что и вы. Бесконечные холмы. Никаких знаков или дорог, — он пожал плечами, — ума не приложу, что делать дальше.

— Давай сейчас просто отдохнём, — предложил ему Леонар, — у нас был трудный день. И нам нужно подкрепиться.

Разлили по мискам похлёбку, а Бёрнис, как всегда, жевала сырую рыбу.

Сначала ели в тишине, размышляя. Кто-то должен был что-то предложить. И это оказалась Мэдлин.

— А, может, — несмело высказалась она, — спросить совета у куклы Мэй?

— Точно! — кивнула Волчица.

Она вытащила куклу. Но Мэй, к сожалению, ничего не знала, и помочь ничем не могла. Все наперебой предлагали варианты вопросов для куклы. Но чего бы у неё ни спрашивали о следующих действиях, Мэй отвечала пространно и глупо. После бестолкового сеанса спиритизма вокруг куклы, лица у всех опять потухли. Вновь наступила тишина, только Стурла стучал ложкой по дну котелка, доедая похлёбку.

Леонар, задумчиво жуя корку хлеба, рассуждал:

— Я вспоминаю наше страшное сражение в подземелье. Теперь кажется, всё так просто: дубовники — они жежили на деревьях. Значит, боятся огня и им уничтожаются. А если бы Итиро не выронил Огненную палочку? Страшно подумать. Ну почему в приключенческих книгах все ответы приходят вовремя? А у нас постоянно всё как-то глупо. В романах герои в самый решительный момент просто находят гениальный ответ. Как же так?

— Но ведь у нас получилось точно так же, — успокоил его, потирая бок, Итиро.

— Нет, — возразил Леонар, — страшит то, что у нас это была счастливая случайность. Какие же мы самые умные визидаеры — ремесленники, если через раз нам помогает простое везение? Будучи героями какого-нибудь французского романа, у Жуля Верна, например, мы поняли бы про Огненную палочку и дубовиков на десять минут раньше, или даже в подвале «Весёлого Леприкона». Иногда после наших приключений я лежу и думаю о том, как здорово бы применил все наши толы и ауксилы, словно разгадываю шахматную партию, когда уже всё позади. И порой это изматывает меня.

— Все умные задним числом, — кивнула Пинар.

— Леонар-Леонар, я так тебя понимаю, — закутываясь в плащ по сильнее, задумчиво сказал Тафари, — меня и самого порой мучили такие же мысли. Иногда в жизни самое главное — эта та самая счастливая случайность. Но я не называл бы её везением. Сначала ты изучаешь тысячу вещей, читаешь тысячу книг, а потом, в тяжёлой ситуации, в самый последний момент, твой мозг выкидывает тебе спасительную мысль. Но он бы не сделал этого, если бы в голове ничего не было. Порой мне кажется, что самый главный тол — это голова. Недаром при мастерских ремесленников были классы. Учение, как известно — свет.

Тафари помолчал, глядя на огонь. Он, отражаясь, плясал отсветами в его больших зрачках и добавил:

— А насчёт применения толлов и ауксиллов — ты прав. И мне порой кажется, что мы могли бы пользоваться ими поактивнее и как-то... грамотнее что ли... Но я думаю, что мы к ним ещё не привыкли. С одной стороны — мы всегда были для людей чем-то вроде колдунов и ведьм, с другой — мы слишком долго жили среди них. Люди же истребляли всё, что хоть чем-то напоминало им волшебство. И мы от волшебства отвыкли. Поверь, мне кажется, это может сыграть с нами впереди ещё не одну злую шутку.

— Так что нам делать дальше? Куда идти? — доев и отбросив котелок, взобрался на камень Стурла.

Он оглядел темнеющие дали и разочарованно подытожил:

— Ни огонька, ни здания нормального не видно. Может, невозможно найти Визидарию, потому что всё, что мы видим вокруг — это есть наша разрушенная родина? Её останки?

— Тогда мы должны найти Медикат и почтить память героев. Они сражались, чтобы мы жили, — сказал Тафари, — пойдёмте спать.

— Я посижу у костра, пороюсь в книгах. Может, там найду ответ? — ответил ему Леонар, и Мэдлин молча протянула ему Бездонную сумочку. А сама забралась в палатку и свернулась рядом с Янмей и Пинар. За ней туда залезла Бёрнис. Спать вместе было теплее.

— Я с тобой посижу, — сказал Пит Леонару. И подсел рядом с графом.

И засыпая визидары в обеих палатках, слушали их тихий спор о вселенной, Визидарии и визидарах. Ох, и любители оказались поболтать эти двое. Особенно Пит.

Утром обнаружилось, что выход найден. И очень легко. Он пришёл сам собой, но никто этого даже не заметил. Вернее, Питер не заметил. Когда уже все спали, а они с Леонаром так и не нашли чего-нибудь путного в книгах, Пит решил поискать какие-нибудь сноски у себя на карте.

— Я, конечно, знаю её наизусть, — шептал он Леонару, — но вдруг что-то пропустил, или сейчас взгляну на планы с новой точки зрения.

Питер развернул шкуру и опешил — карта пропала.

— Такой я и нашёл её в пещере, — тряс он шкурой, показывая её Леонару.

— Дело поправимое, сейчас мы вновь проявим твою карту, — успокоил его Леонар.

Он достал проявляющую солонку и посыпал ею поверхность шкуры. Но карта не проявилась. Леонар засыпал кожу толстым слоем соли. Но нет, ничего.

— Видно, здесь она должна была исчезнуть, — расстроено сказал Пит, стряхивая соль.

Он отчаянно сколачивал соль с кожи, но она осыпалась только частично.

— Гляди, — привлёк Питер внимание Леонара, ткнув в островки соли.

Да уже будто и не соль это была. Кристаллики помутнели, растаяли и слились меж собой так же, как это делают шарики ртути. Постепенно лужицы вещества затянули всю шкурку и затвердели. Словно на неё нанесли слой металла.

В скудных отсветах костра Питер и Леонар разглядывали шкуру.

— Что это? — пробормотал Леонар, ощупывая стальную поверхность кожи, — Похоже. на серебро...а у нас Стурла по нему специалист.

Питер кивнул в ответ:

— Дождёмся утра и попросим поколдовать над исчезнувшей картой Стурлу.

...Как только гном с утра вылез из палатки и хотел потянуться, к нему обратился Пит:

— Старина, не мог бы ты произнести заклинание серебра над шкурой?

И он протянул гному затвердевший лоскут кожи теперь больше похожий на мохнатую пластину. Стурла, рассерженный тем, что ему не дали власть размять косточки, насупился, небрежно махнул в сторону шкуры рукой с браслетом, произнёс: «Аргентум» и решительно направился к ручью умываться. Он и не видел, что от его заклинания шкурка поднялась в воздухе, плавно покружилась и легла на колени Питеру. На серебряной пластине обозначились линии и маршруты. Это и была новая карта. Карта Визидарии.

Обступившие карту ремесленники, сразу нашли изображение колодца, из которого вылезли. Там, где они вчера видели руины, на карте был нанесён дом. Ориентируясь по рисункам и обозначениям, стало понятно, что надо было идти к горам. Где-то там должно было быть ущелье. Через него они бы пробрались к Медикату.

Внизу карты было выведено: «Верь в себя. И твои ноги приведут тебя туда, где осталось твоё сердце».

Пинар присела, схватившись за грудь. На её лице отразились переживания.

— Как же всё это волнительно, — сказала она, — не верится до сих пор, что Визидария осязаема.

Как раз умывшись от ручья возвращался Стурла, он был бодр и весел. Увидев выражение Пинар и, мельком оглядев остальных, он мимоходом заметил:

— Вижу по лицам, что вы что-то нашли. Значит, пора завтракать и отправляться в путь.

И скрылся в палатке.

— У него не только железный шлем, но и железная выдержка, — глядя Стурле вслед, произнёс Леонар.

...За завтраком возбужденно обсуждали план.

— Судя по карте, через сутки, самое большое — двое, мы увидим первый город Визидарии. Как там его называли, Пит? — обращался повеселевший Тафари к парню.

— Город Чудотворцев, — сказал, сверяясь с картой Пит, — только как же целый город помещается в таком узком ущелье?

— Вот там и глянем, — улыбнулся Марио, с аппетитом уплетая ломоть хлеба с сыром, — сколько до него идти вы говорите?

— Сутки. Может, двое, — напомнил Стурла.

...Но не через сутки, и даже не через трое, путники не увидели никакого города. Ориентируясь по карте, они дошли почти до самой горной цепи. Это были грозные горы, стоящие стеной до самого неба. Казалось, ещё пару холмов, и визидары подойдут к ним вплотную. Но сколько бы они к ним ни двигались, горы не приближались.

Путники блуждали уже неделю, и теперь им казалось, что ходят они по кругу.

За холмом открывался новый. Потом ещё один. И так до бесконечности. На каждой стоянке они в отчаянии сверялись с картой, но яснее не становилось. Слишком сильно изменились ландшафты. Они не встречали ни одного жилого дома, кроме пары разрушенных остовов старых хижин. Все вымотались. Даже песни Стурлы уже не утешали.

Как-то, на очередной стоянке, Тафари, наблюдал за завтракавшими друзьями. Все ели молча. Даже некогда весёлая Янмей теперь повесила нос и смотрела лишь в миску, ковыряясь в каше. За эту неделю визидарцы неуловимо изменились.словно в каждом потихоньку выключили надежду: в глазах отражались недоумение, каждого начал точить червячок сомнения. Хотя они ещё и не решались высказать тревожные мысли. Но то, что происходит в их душах, было очевидно.

Стурла стал сердит. Пинар всё больше напоминала средневековую колдунью — на стоянках она варила зелья из рецептов, которые находила в своих тетрадочек. Иногда, когда все отдыхали, она ходила вокруг лагеря, собирая камешки и корешки. Оглянись, когда все прилегли, и издали можно было заметить её фигуру, склонившуюся над какой-нибудь очередной кучей. Она была сосредоточена и молчалива. Пит тоже стал менее разговорчивым. Всё чаще он сидел, погружённый в себя. Леонар на каждой стоянке, кусая карандаш и сдвинув брови, делал записи в блокнот.

Тафари, который как-то незаметно стал предводителем группы, и теперь чувствовал на себе особую ответственность за их миссию, окинул взглядом команду. Он видел, что друзьям нужна поддержка.

— Скоро всё будет хорошо, — сказал он твёрдо. — Вот увидите.

Визидары подняли на него глаза. В них загорелась надежда.

— Правда? — по-детски спросила Мэдлин, — ты обещаешь?

Тафари помедлил, а потом решительно кивнул:

— Обещаю.

И ему поверили. Это были нужные слова и вовремя. Все снова заулыбались. Собрались в дорогу и двинулись дальше в путь, перекидываясь шутками, как раньше.

Опять шли до темноты.

Поднявшись на очередной холм, они увидели заброшенную ферму. Подошли ближе. Лучше всего на ферме сохранился полуразрушенный каменный сарай. У его стен шло какое-то движение. Приблизившись, ремесленники увидели белые кости крупного животного с остатками шкуры, которые доклевывали вороны. Птицы стаей кружили над добычей, и безжалостно дрались за последние куски. Много ворон валялось вокруг, безжизненно раскидав чёрные крылья.

Марио разогнал птиц палкой, накрыв останки несчастного животного куском паруса, который нашёл в сарае. Визидары разбрелись осматривать руины дома и сарай, а Пинар ковырялась в куче погибших ворон, снова что-то выискивая и собирая в узелок.

— Ты как всегда оригинальна, — буркнула, увидев это, Бёрнис, — даже спрашивать не буду, что ты там ищешь. Чтобы меня не стошнило.

— И не осмеливайся, — беззлобно ответила ей Пинар, продолжая работу.

— Здесь можно остановиться на ночь, — похлопал прочную каменную стену сарая Леонар.

Все с ним согласились и стали разбивать лагерь. После ужина, когда визидары заснули, а у костра остались дежурить Тафари и Пинар. Старуха опять затеяла варить зелье. Она доставала из своего мешка травы и корешки, клала их в маленький котелок, помешивая палочкой. Три раза в него плюнула. Сыпанула туда горсть чего-то, что собрала накануне.

— Что ты варишь, Пинар? — спросил её Тафари, принявываясь к едкому запаху из котелка.

— То, что нас спасёт. Зрячее зелье, — спокойно ответила она.

— Зрячее зелье? Что оно делает? — удивился Тафари.

— Помогает найти дорогу. И увидеть то, что нельзя увидеть. Я добавила туда глаза воронов — это главный ингредиент.

Тафари наклонился над котелком. Там булькало нечто напоминавшее керосин.

— Ты думаешь, это кто-то будет пить? — засомневался он.

— Только тот, кто захочет найти путь, — сказала Пинар, продолжая помешивать массу, — ведь ты видишь, что мы ходим кругами.

И варила она это зелье до утра, пока в котелке не осталась густая кровавая жижа, тянущаяся, словно кисель.

Задремавший Тафари открыл глаза тогда, когда Пинар переливала Зрячее зелье в пузырьёк. Запах от него теперь был ещё нестерпимее.

Как только над серым горизонтом забрезжили первые лучи солнца, из палаток стали вылезать сонные визидары. Потягиваться, разминаться. Когда все собрались у костра, то Пинар разлила ещё дымящееся Зрячее зелье по девяти кружечкам.

— Знаю, гадость, — сказала она. — Но если вы хотите увидеть путь, то надо выпить. Кто решится?

И она отхлебнула из своей кружечки. Пить согласились все. Только Янмей кружки не дали.

— М-м-м, как вкусно, — протянула, отхлебнув первой Бёрнис.

Мэд покосилась на неё, поднесла кружечку к губам, выпила залпом и закашлялась.

— Бёрнис, ну какая же ты врушка! — схватившись за грудь и давясь, сказала она.

— Не знаю, а мне понравилось, — подняла бровь Бёрн и иронично изогнула губы.

— У вампиров странные вкусы, — прокомментировал Стурла, прищурившись.

Но тоже выпил до дна свою порцию, добавив:

— Я вообще тебя, Бёрнис, побаиваюсь после битвы с дубовниками.

Последним протянул к кружке руку Тафари. Следопыт долго внутренне собирался — в конце концов, он единственный видел, из чего это варилось, но всё же пригубил. Зрячее зелье обожгло гортань, камнем упало в желудок и быстро разлилось по жилам. Тафари большими глотками осушил кружечку.

— Теперь надо забраться повыше и смотреть по сторонам, — приказала Пинар.

— В сарае есть лестница на крышу, — вспомнил Марио.

Все двинулись в сарай и вскарабкались по остаткам лестницы на широкие балки крыши. Она во многих местах обвалилась, зияя дырами. Вот из этих дыр и высунулись девять визидарских голов и закрутились в разные стороны.

Отсюда, сверху, было далеко и хорошо видно. И блёклые сиреневые холмы, усыпанные крупными камнями, и далёкое скалистое побережье справа и редкие кривые деревья.

Но ЭТО они увидели одновременно. Мэд и Бернис закричали:

— Вы видите?! Вы видите?!

Переглядываясь они, показывая на одну точку. Туда, где в низине меж двух небольших скал от земли поднимался голубой столп света.

Янмей внизу подпрыгивала от нетерпения: что же там увидели остальные?

Быстро слезли, собрали вещи, и, воодушевлённые, отправились туда, к двум скалам. В этом месте они уже точно были раньше — при подходе к утёсам нашёлся гребень Янмей, который она потеряла стуки назад. Но когда в прошлый раз они проходили мимо этой расщелины, то видели лишь разбросанные валуны. А сейчас на одном из камней светились вензеля и буквы. И именно от этого валуна поднимался свет. Когда группа подошла ближе, то увидела, что в столпе, в фуге от земли светится воин в рыцарских доспехах. Он висел над камнем и чуть колыхался, словно огонь свечи от ветра. Воин глядел на них печальными глазами и указывал рукой путь.

— Что это? — спросила растерянная Янмей, показывая на камень с надписями.

— Это старинный кенотаф визидача, — перевёл древние письма на валуне Тафари. — Тело воина рассыпалось, хоронить было некого. Кенотафы — это надгробные плиты над могилами, в которых никого нет. Иногда там зарывали вещь, которая принадлежала погибшему, но чаще всего — ничего. Здесь, в этом камне осталась его душа.

Призрак опять поднял руку и указал путь. Когда они посмотрели, на что рыцарь показывает, то увидели ещё один светящийся столп на горизонте.

— Спасибо, тебе, воин, — сказала Бернис и положила к кенотафу маленький букет вереска.

Воин поклонился им и погас. А они двинулись к тому, который светился и словно звал к себе. Так, по светящимся кенотафам, которые встречались то группами, то поодиночке, они, наконец, вышли на новое место.

Ландшафт стал ровнее, горы слева приблизились. Они стояли чёрной неприступной стеной, поддерживая собой небо. На горизонте, утонув в вечернем тумане, горная гряда заканчивалась. Слева вдаль у подножия чернел лес. Справа, у самого горизонта — на фоне затухающего неба вырисовывались очертания руин замка. От него осталась одна высокая башня. Может, добраться до неё и попробовать залезть наверх? Наверное, с неё хорошо было видно окрестности. За развалинами замка виднелась полоса океана.

— Слишком быстро темнеет, — сказал, опершись на трость, Леонар, — надо устроить ночлег. А завтра с утра решить, куда двигаться дальше.

Сидели у костра, и впервые за эти дни от души смеялись. Стурла балагурил, Леонар сыпал историями... Все предвкушали изменения. Чувствовалось, что завтра они, наконец, что-то поймут, узнают.

В крошечной темноте с улыбками на лицах, разошлись по палаткам, леги, закутавшись по сильнее от сквозняка, как вдруг откуда-то раздался прекрасный звук — словно кто-то играл на арфе. Или это так мелодично завывал ветер в горах? Только Тафари хотел поднять голову и спросить у Стурлы или Леонара — не слышат ли они

эти звуки? Но увидел, что в палатке все уже крепко спят, и самому ему тут же захотелось спать, как никогда в жизни. Кажется, он на секундочку закрыл глаза и провалился в крепкий сон.

С утра звуки арфы в ночи показались Тафари миражом, выдумкой. Тем более, что и подумать об этом ему было некогда — проснулся он от того, что кто-то колотил палкой по камню. Это оказалась Мэдлин. Она встала раньше всех и таким образом будила остальных. Когда Стурла, зевая, вылез из палатки, Мэд уже стояла у костра, полностью собранная в дорогу.

Пока все просыпались, Мэдлин ходила туда-сюда по лагерю, беспокояно заламывая руки. На щеках её играл нервный румянец. Выглядела Мэд серьёзной и встревоженной. Уселись завтракать, но Мэд опять вскочила.

— Да что с тобой?! — недовольно взглянул на неё Стурла.

— Действительно, чем ты так взволнована? — кивнула Пинар, — сядь, поешь, ведь ты не притронулась к миске.

Мэд же нахмурилась и сказала:

— Дорогие мои, мне приснился сон, из которого я поняла, что мы в большой опасности.

Говорила она медленно, глядя под ноги.

— Но я знаю, как выйти отсюда, — продолжила девушка. — В этом сне мне явилась дева, которая указала путь. Но она предупредила, что нужно добраться до ущелья как можно быстрее. Иначе с нами случится страшная беда. И мы должны идти без перерыва и отдыха, пока не дойдём до заветной цели.

Все перестали жевать и молча смотрели на неё. Было что-то в облике и словах Мэд непривычное и неестественное. Словно её заморозили: напуганный, остекленевший взгляд, будто она видит неведомых чудовищ, которые вот-вот нападут.

— И всё это из-за сна? — поднял лохматые брови Стурла, — да ты просто переела на ночь сушеной баранины.

Он отмахнулся и продолжил есть. Другие к её словам отнеслись более серьёзно.

— А раньше ты видела пророческие сны? — спросил Итиро.

— Нет. Никогда, — качнула Мэдлин головой. — Но этому видению я верю.

— Ты думаешь, что и мы должны начать верить твоим снам? — бросил через плечо Стурла. — Не думаешь ли ты, что это, как говорит Леонар, о-про-мет-чиво, а попросту глупо?

— А какая беда нас ждёт? — спросил Леонар.

— Не знаю, — мотнула она головой.

— Угу, — скривился Стурла, — Надо идти за тобой, но ты не знаешь, что нам угрожает. Очень ло-гич-но.

Мэд закусила губу и замолчала. Но разрядила ситуацию Янмей. Она подошла к Мэдлин, взяла девушку за руки и, заглянув ей в глаза, сказала:

— Ты правильно рассказала про своё видение. Мы услышали тебя. Я обещаю идти и не жаловаться. До конца.

Потом девочка повернулась к остальным и серьёзно добавила:

— Мы срочно должны идти туда, куда укажет Мэд.

И после этих слов все как-то разом стали спешно собираться. А Мэдлин подгоняла остальных, глядя на горизонт.

— Может, Зрячее зелье ещё действует? Давайте дойдём до той башни? И поищем путь оттуда? — предложил Марио.

— Нет! — ответила резко Мэд, потом добавила уже мягче, — я же сказала, что знаю дорогу.

И первой быстро пошла по направлению к горам. Мэдлин даже не шла, а скорее бежала. Визидары еле за ней успевали. По дороге ещё встречались кенотафы, но Мэд не обращала на них внимания. Лишь по сто раз в час глядела на маленькие часики, висевшие на шее. Правда, успокаивало то, что кенотафы показывали именно то направление, по которому команду вела Мэд.

Всех быстро накрыло утомление, но никто не жаловался. Сбивалось дыхание, поэтому по большей части шли молча, глядя под ноги. Только Леонар отдал свою трость Пинар, которая стала прихрамывать. Мэд не разрешала делать привалы. А если они и останавливались попить, то Мэд с опаской глядя за спины ремесленников нервно их подгоняла. Она так страшно вращала глазами, что даже Бёрнис стала оборачиваться, но сзади никого не было — всё тот же знакомый унылый пейзаж.

В конце концов, Стурла уже хотел возмутиться, не свихнулась ли Мэд часом. Он шёл позади всех и продумывал речь. «Скажу сейчас, — думал он, — что, мол, мы слушаем эту дурёху? Четыреста лет ждала Визидария, а сейчас за часы что-то там случилось из-за видений Мэд. И ждёт их страшная беда, какая правда, непонятно ей самой... А где доказательства, братцы, доказательства где, что Мэд, из-за её впечатлительной натуры, всё это не привиделось и не показалось?!» Нет, ну а вы бы разве не стали возмущаться на месте Стурлы? И только он хотел уже высказаться, только остановился, залез на плоский камень, чтобы произнести подготовленные слова, как поднял глаза и что есть мочи заорал:

— Есть! Есть!!! Мы нашли!!!

Стурла указывал на то, что увидели и другие. Из-за скалы, которая до этого сильно выдавалась вперёд, вдруг открылось ущелье. И сразу стало понятно, что это особое ущелье. Визидарское.

До самых облаков узкое пространство между двух скал было покрыто необычными круглыми домами. Разрушенными, во многих местах обвалившимися. Но всё же, по постройкам было видно, что когда-то здесь был большой город.

— Город Чудотворцев... — замороженно произнесла Пинар, задрав голову.

Внизу несла свои воды бурная порожистая река. А город прилепился с двух её берегов и карабкался всё выше и выше. Пока не скрывался за облаками.

Вскоре визидарцы вступили на первую улочку. Шли аккуратно, глядя по сторонам. Какое здесь всё было ветхое, но удивительное! Меж оставшихся домов разрослись необычные лианы, странные, цепляющиеся за скалы, деревья, покрытые мхом и папоротником. Эти влажные джунгли, перемешанные с клочками тумана, почти победили город, наполовину скрыв его под своим покровом.

Ремесленники вышли на одну из террас, которая в прошлом, видимо, была, красивой площадью. Ещё можно было разглядеть часть поблёкшей плитки и резные фонари. Но некогда красивый парапет, ограждавший площадь, почти весь обвалился. Зато отсюда открывался фантастический вид на ущелье. И стало видно, что дорога, ведущая из города, идёт по другой стороне. Туда как-то надо было перебраться.

Над ними, среди руин и обрушившихся переходов, виднелся один достаточно прочный мост. Ну, по-крайней мере, так казалось на первый взгляд. В любом случае, больше выбора попасть на другую сторону, они не видели. И по узким улочкам, каменным лестницам, часто выдолбленным прямо в скале, визидары стали карабкаться выше, чтобы подобраться к мосту. Вокруг начали виться новые незнакомые растения со странными плодами. Пинар с Леонаром хотели было остановиться, чтобы разглядеть их, обсудить и зарисовать, но Мэд, увидев это, опять стала резкой:

— Нет, надо спешить! Хватит смотреть по сторонам!

— Какая она сегодня грубая, — тихо сказал Леонар. Но задержаться у плодов не решился.

По лабиринтам улочек стали взбираться дальше. Прошли мимо нескольких разрушенных мостов.

Иногда с верхних улиц что-то с шумом отваливалось и летело, стучась о выступы, вниз, пока не падало в воду, поднимая огромные фонтаны брызг. А эхо гулко разносило этот шум в узком ущелье и становилось не по себе. Когда же, наконец, вышли к мосту, выглядевшему издали целым, то оказалось, что не так уж он и прочен. Перил с одной стороны не было, и как только Тафари попробовал его первую плитку ногой, она обвалилась вместе с третьей моста. Следопыт еле успел отскочить.

Визидарцы зачарованно наблюдали, как плитки посыпались вниз, на стаю красивых чёрных птиц, похожих на ящериц, с крыльями-перепонками и необычными красно-жёлтыми хвостами в виде стрелок. Стая увернулась, заголосила, покружила над остатками моста и, поднявшись, скрылась в облаках. Туда, куда они улетели, горы сильно сближались, и сейчас стало видно, что там, через ущелье перекинута лиана, сетки и верёвочные лестницы.

Марио, Итиро и Тафари поднялись к ним и попробовали натянутые канаты на прочность. К удивлению, они оказались весьма надёжными. Под верёвками были натянуты сетки. Тафари схватился за один канат, разбежался и ловко перепрыгнул на другую сторону ущелья. Он закрепил верёвку и, держась за неё, ступая по сетке, вернулся обратно к остальным.

Начали перебираться. Мэд, трусиха, но зажмутив один глаз, молча прошла по сетке, не глядя вниз. Только стала совсем белая, как мел. Перенесли Янмей, помогли перебраться Пинар и Бёрнис. Сами перешли Пит, Итиро и Марио. Потом через пропасть полез Леонар. В какой-то момент одна его рука вдруг сорвалась с лианы, а ноги соскользнули с сети. Несколько секунд Леонар висел на одной руке над пропастью, с плеча съехала сумка и из неё вывалились носовые платки, карандаши и тетрадь. Всё это в полной тишине полетело вниз. Но не жалко было вещей. Сейчас было важно, чтобы Леонар смог снова зацепиться второй рукой за канат. У него была всего лишь одна попытка, ибо на две у него бы не хватило сил.

Он разогнулся и, схватившись за верёвку, подтянул ноги и снова встал на сеть. Когда он добрался до другого края, его крепко обняла Янмей и Пинар:

— Милый наш, славный Леонар, — сказала женщина, — как же было за тебя страшно!

А Леонар посмотрел назад и грустно произнёс:

— Записи жалко...

— Ничего, ты напишешь ещё. У тебя же всё в голове! — попыталась успокоить его Пинар.

Пришла очередь перебираться Стурле. Но он запаниковал: только Стурла ступил на сетку, как его маленькая ножка провалилась вниз. Он её еле выдернул, отскочил обратно и отказывался на эту, как он вопел — «а-ван-тю-ру!» Его долго уговаривали, увещевали и задабривали. А Стурла кричал остальным с той стороны:

— Нет, и не подумаю!!! Я не дурак.

Мэд совсем изнервничалась, глядя на свои часики. «Мы можем не успеть, и все погибнем. Если бы только он

знал, если бы только знал, что нам угрожает, он бежал бы сюда по воздуху», — подумала она, прикусила губу, чтобы не расплакаться. И тут она встретилась взглядом с Питером. Он внимательно посмотрел на неё. «Пожалуйста, придумай что-нибудь», — сказала она ему одними губами, тут же понимая глупость своих слов — что зависело от Питера? Не он же сопротивлялся. А Пит, ещё раз поглядев на огорчённое лицо Мэдлин, быстро, в два скачка, почти не держась за лианы, перебрался на другую сторону, схватил вырывающегося Стурлу ногами вверх и в мгновение ока перетащил его к остальным.

Гном вопил, но испугаться не успел.

— Пожалуйста, скорее, — твердила Мэд.

Теперь уже никто не сомневался в её пророческом сне. И все спешили за ней. Янмей несли на руках и загривках по очереди. У Пинар были сильно стёрты ноги, один её ботинок наполнился кровью, но она, глядя в спину спешащей Мэд, не смела жаловаться. Бёрнис стала задыхаться, но тоже держалась.

Город Чудотворцев закончился, и теперь визидары пробирались по узкой дороге над обрывом. Мэдлин объяснила — дева во сне говорила, что это самый короткий путь в Медикат. Но было страшновато: в некоторых местах заросшая, еле видимая тропка сужалась настолько, что пройти по ней можно было только прижавшись спиной к скале. Иногда из-под ног вываливались большие куски грунта и, скатываясь, падали в воду. Часто им встречались небольшие водопады. Возможно, они выглядели красиво, а в тёплую погоду и освежающе, но сейчас и так стыли пальцы, а тут ещё приходилось пробираться под струями воды, руки скользили по мокрым камням, холодные брызги летели за шиворот.

Но, наконец, горы закончились. Впереди показался выход из ущелья. Дорога расширяясь, пошла под уклон. Но за ущельем ничего было толком не разглядеть — всё было словно в мареве — расплывчато, закрыто плотным зеленовато-серым туманом.

Идти стало тяжелее, воздух пульсировал, сгущался и не пускал их. Как будто они не шли вниз, а поднимались вверх. Но чем ближе они подходили к выходу из ущелья, тем сильнее бились их сердца — теперь в дымке всё чётче проступали огромные решётчатые ворота. Они одиноко стояли на дороге. Закрытыми, хотя казалось, что можно спокойно пройти мимо них. Ведь забора не было. Вместо него на некотором расстоянии друг от друга стояли уже знакомые им кенотафы. Над ними край тумана становился видимой плотной стеной. Ремесленники повеселели и стали идти медленнее.

Вдруг кенотафы одновременно засветились и плавающие в воздухе души рыцарей стали показывать визидарам за спины. Они обернулись — с востока на них надвигалась мощная серебристая туча. Она была похожа на огромный косяк рыб с чёрными плавниками.

Косяк был правильной кубической формы. Когда он приблизился чуть ближе, то стало понятно, что это летящие рыцари в чёрных развивающихся плащах. Они медленно надвигались ровным строем. Сколько их было? Сотни, тысячи? Первые ряды рыцарей, долетевшие до широкой части дороги, опускались на землю. Твёрдо встав на ноги, и, оголив мечи, они решительно шли к визидарам. А за ними появлялись новые и новые ряды. Один из рыцарей поднял забрало, но там не было лица. Лишь страшная зияющая пустота.

...Визидары побежали. Леонар и Марио подхватили подмышки Стурлу. Они толпой неслись к воротам.

Итиро всё понял первым. Он уже видел ту самую заветную скважинку. В горле был привкус крови, в правом боку колело, но Итиро был сосредоточен лишь на маленькой резной дырочке в чугунных воротах. Сейчас был самый главный забег в его судьбе. И от него зависела жизнь остальных.

Итиро вырвался вперёд, на ходу вытащил из-под рубахи ключ, снял его с шеи, зажав в потной ладони. Он боялся только одного — не попасть с первого раза, потому что понимал, что попытка у него лишь одна.

Всё случилось в одно мгновение: ключ влетел в ржавую прорезь и сам повернулся. Визидары вкатились, прыгнули, ввалились кувырком внутрь, и решётка закрылась, лязгнув от последовавшего в неё мощного удара сотни лат одновременно.

Стена тумана была для летучих рыцарей прочным барьером. Они вдавливались в неё, пытаясь протиснуться, но не могли этого сделать. И этот странный туман, пусть искажая, проявил лица нападавших: сквозь поднятые забрала стали видны тени, словно застывшие в кошмарном крике. Рыцари, которых было несметное множество, облепили решётку и прилегающее пространство на полмили вверх. Они бились в невидимую преграду, но не сломили её.

...Накануне этого дня Хьюго Хармус был весел и сосредоточен. Приближался исход, которого он ждал четыреста лет.

Сегодня, ненадолго задремав, он проснулся от запаха смерти. Осязаемого и осязаемого на языке. Концентрированного. Возбуждающего. У Хьюго даже волосы встали дыбом, а по спине пробежали мурашки. Настолько это было явственно: пульсирующий аромат крови. Она выбрасывается из вены жертвы и смешивается с её животным страхом. Хьюго сразу вспомнил его — этот запах. Как же давно он не чувствовал этого тонкого приятного дыхания чужой смерти.

Когда же он ощутил его впервые остро? Так, как сейчас? Нет, не тогда, когда умерла мать. Не тогда, когда малумы терзали Визидарию. Позже. Когда? С Алаун. Да. Именно с ней. Четыреста лет назад, коснувшись тогда, у башни, её остывающих губ и слизнув с них проступившую кровь, он почувствовал его впервые. Хьюго смотрел в её стекленеющие глаза, видел, как заостряются черты, застывает на её лице маска, делая его ещё прекраснее... И тогда вокруг неё витал именно этот запах. Но сегодня...

Он облизал губы от волнения. Только бы малумы выполнили его желание и не убили ремесленников. Он это сделает сам. Причём начнёт с младшей. Как её там? Да неважно. Смерть девочки заставит сильнее биться сердца остальных, разгоняя по жилам ужас, который пропитает каждый их мускул, хотя бы они этого или нет. И тогда он сполна насладится духом смерти и чужого страха. Это придаст ему сил довести начатое когда-то до конца.

Визидары приближались. Он убедился в этом ещё раз, взглянув в Пророческий Драконий глаз. Теперь его хрусталик показывала их рожи почти всегда, и это не могло не радовать. Хьюго не волновался — всё было готово. Как только визидары сойдут с холмов к дороге, ведущей к ущелью города Чудотворцев, малумы накроют их. Они ждали лишь его команды. Спешка здесь была не нужна.

Хьюго присел на секунду в кресло. В полном обмундировании — в плаще, надетом на новые латы, украшенные тонким рисунком. Только шлем с головы снял ненадолго. И всего лишь закрыл глаза, не выпуская Драконова глаза из рук. На секунду.

Когда он их снова открыл, то точно понимал — прошло всего лишь мгновение. Но в шаре увидел: визидары уже шли по узкой тропе к воротам, преодолев город Чудотворцев. Как это произошло??!! Хьюго взревел и выскочил в коридор. Он бежал по подземелью и орал. Все, кого он встречал по пути: слуги и помощники, Алаун, всё его войско на плацу, валялись, где упали, словно опьянённые.

Хьюго мысленно приказал малумам подняться. Они, дрогнув, воспарили. Но были вялыми и беспомощными. Не было времени разбираться, что случилось. Ещё можно было бы попытаться догнать ремесленников и разбить их у самой защитной стены. И Хьюго отдал приказ. Малумы чёрной тучей двинулись к ущелью.

А Хьюго отправился спасать консунтов. Он привёл в себя Джейкоба и его команду. Те, шатаясь, будили остальных. Лишь Алаун не приходила в себя и выглядела неживой. Хьюго потряс её, в отчаянии похлестал по щекам. Потом Хозяин схватил её на руки и потащил в мастерские. Там он положил её в оживляющий ящик.

— Если Алаун погибнет, каждый из ремесленников поплатится дважды! — зло сказал он, стукнув по крышке. Но через какое-то время девушка стала приходить в себя.

А потом Хьюго принесли ужасные вести, что малумы не успели...

Это и была та самая страшная битва, которую предрекала старая Шильда?! Сейчас он бы хотел убить её во второй раз. Хьюго схватил первую попавшуюся по рукам увесистую деталь и стал громить мастерскую.

— Хозяин... — позвал его Джейкоб, — Хозяин!

Хьюго, остановился, глядя мутными налитыми глазами на профессора.

— Хозяин, — продолжил тот, — у меня для вас есть очень важное известие. Думаю, оно вас утешит.

И Профессор пригласил Хьюго в другую комнату, где среди склянок, заставленных чугунами полками, бутылочками и прочей дрянью, над одним из столов висела грифельная доска. Она была покрыта чертежами. В один из них и ткнул пальцем Джей.

— Знаете, что я заметил за последнюю неделю своих наблюдений? Я много лет наблюдаю за давлением защитного поля от тумана, — сказал он. — Посмотрите сюда и сюда. И если так будет продолжаться дальше...

Хьюго и Джейкоб переглянулись.

— Так это точно? — спросил Хозяин.

— Да, — кивнул Джей, — не хотел говорить, пока не убежусь окончательно, но сейчас как раз такой момент...

— Точно, сейчас был именно нужный момент! — радостно воскликнул Хьюго.

— И ещё, — Джейкоб оглянулся на дверь, — Малыш придумал кое-что гениальное! Послушайте его...

Позвали Малыша. Он, медленно переваливаясь вошёл, медленно уселся, медленно и обрывочно стал говорить:

— Помните ли вы... что малумы питаются принесёнными Кармами пороками? Мы не только можем сделать латы малумов полностью прозрачными, о... мы придумали способ сделать их страшнее. Гораздо страшнее! В ваших подвалах мы нашли одно средство. Сделали из него зелье, скрестив его с той массой, что приносят Кармы. И теперь... для каждого, на кого они нападут, это будет личным адом... потому что... У любого живого существа есть только один непобедимый враг... и это...

И далее Малыш поведал такой гениальный план, от которого даже у Хьюго отвалилась челюсть. С каждым словом большого, нелепо сшитого консунта, и пояснениями Дрея у Хозяина повышалось настроение. То, что они изобрели и, правда, было невероятным. Как он не додумался до этого сам?!

— Чудесно! — приговаривал Хьюго, поднимаясь после этого разговора в зал, — с таким средством мы не сможем не победить.

Долина Сиреневых ветров

Итиро лежал, уткнувшись носом в тёплый мох. Перед его глазами плыли красные круги. Сердце так сильно колотилось, что Итиро не мог думать ни о чём, кроме этого стука. Сердце заняло всё его тело и отзывалось везде: в каждой мышце и в каждом пальце. Когда зрение Итиро немного прояснилось, он чуть повернул голову и увидел остальных. Они тоже лежали, кто где, среди кочек и не могли отдышаться. Кочки на вид были восхитительно уютными.

«Как хорошо, — подумал Итиро, — вот так бы лежать и лежать. И вдыхать этот восхитительный острый запах прелой земли, от которого кружится голова и успокаивается боль в висках».

...Янмей вскочила раньше всех. Она вздрагивала от ударов рыцарей в невидимую стену.

— Кто это? — спросила она, указывая на них.

— Это малумы. Которые уничтожили почти весь визидарский род, — чётко сказала кукла Мэй, выпавшая из сумки.

— А почему мы их видим? — приподнявшись, пытаясь унять сбивчивое дыхание, спросила Мэдлин, — они напились крови?

— Мы видим не их, а латы, — ответил за Мэй, отряхиваясь Леонар, — ну, и этот защитный туман, по видимому, проявляет их сущности.

Тени за стеной побились ещё немного, а потом, как по команде, отступили и растворились в ущелье.

Стало тихо. И ремесленники воспряли духом. Они поднимались с земли и приводили себя в порядок. Янмей подняла упавшую куклу и, играя с ней, сидела поодаль на камешке. Девочка что-то тихо спрашивала у Мэй на ушко, а та отвечала.

Итиро огляделся.

Перед ним простирались холмистые вересковые пустоши. Справа на огромной поляне возвышалась крутая горка. На самой её вершине стояло мощное раскидистое дерево с кривыми толстыми ветками и такими сильными корнями, что они, словно жилы, заволокли собою всю поверхность горки. В местах пересечения корней скопилась вода — видимо, недавно был дождь. Словно порывом ветра, откуда-то принесло стайку длинноногих птичек с вытянутыми клювиками. Они налетели на лужи и, подняв щебет, стали из них пить.

Тафари подошёл к ним ближе и обратился к птицам. Но они ничего ему не ответили — лишь вспорхнули на ветки и удивлённо смотрели на Следопыта. Рядом пролетали большие зелёно-коричневые шмели — такие огромные, словно мохнатые воробьи. Тафари протянул к ним руку, но они облетели его ладонь и направились дальше.

— Как же так? — растерялся Тафари, — я чувствую, что больше не понимаю языка животных. И не могу ими управлять.

— И я не понимаю этих птиц...и я, — раздалось со всех сторон от других ремесленников.

— Может, здесь перестали работать наши ауксилы? — предположил Марио.

— Стурла, а ну скажи что-нибудь на норвежском, — попросил Леонар.

Гном пробурчал какую-то фразу.

— Что он там говорит? — спросил Тафари.

— Он сказал на норвежском «отстаньте», то есть переводные ауксилы работают, — крикнул Леонар, — значит, Тафари, здесь ты, действительно, потерял свой дар управлять животными и понимать их язык.

Следопыт покачал головой.

— Неприятное открытие, — сказал он, — но ведь мы в Визидарии. Она полна чудес. Здесь мы будем сильнее, и скоро инструментов у нас будет больше.

— Мэй сказала, что твой ауксил был сделан в древности для жизни визидаров в мире людей, — пояснила Янмей, — а это, — девочка показала на дерево, — священный ясень Биле Ушнег.

Ремесленники обступили дерево и, задрав головы, рассматривали могучий ствол, покрытый дуплами.

— А визидарцы то живы? Остался ли кто здесь? Мы встретим кого-нибудь? — спросила Пинар у Янмей.

— Вот этого кукла не знает. Говорит, сами скоро всё увидите.

От большого ясеня между вересковыми холмами начинала петлять песчаная дорога. По ней визидарцы и отправились дальше.

Как только они зашли за первый холм, перед ними предстало странное место: дальше дорога пролежала через топь. Из болотной жижи то тут, то там торчали исполинские деревья. Они были необычными — толстый их ствол был почти голым, из него торчали редкие сгнившие ветки. Зато расширяясь кверху, он заканчивался огромным хаотичным клубком ветвей.

Словно какой-то великан вырвал дерево из земли, и поставил корнями наружу. И там, наверху, меж этого

беспорядочного сплетения, напоминавшего гигантское гнездо, из всего, что было под рукой, построил домишки и накрыл их конусовидными черепичными крышами. Внизу каждое дерево веером раскинуло вокруг себя узловатые сочленения похожие на кривые пальцы, которыми оно цеплялось за кочки топи. Меж этими отростками в каждом стволе была дверца, которая, видимо, и вела в дома на деревьях. Одни домики-деревья были разрушены, другие казались заброшенными и нежилыми. Но самый крепкий был рядом с обочиной.

Прямо к его двери от дороги, вел широкий настил. В доме явно кто-то жил — над дверью светился фонарик. На каждом корне этой постройки, нависающем над окошками, были развешаны многочисленные ленточки, связки колокольчиков, кружки, ложки, погремушки и кучи других предметов. И к тому же ствол много раз обвивала странная медная труба, которая расширяясь, уходила наверх, поднимаясь над крышей.

— Немного напоминает твой дом, Стурла, — сказал Итиро, показывая на качающиеся ленты.

— Вот ещё. Ничего общего, — обиделся гном, — это дом какого-то старьёвщика. А у нас с Дэгни уютная ферма.

— Не время ссориться, — торжественно объявил Леонар.

Он прочистил горло и с придыханием добавил:

— Вдумайтесь в примечательность момента! Кажется, сейчас мы увидим первого жителя Визидарии. Каков он? Что за вести он нам принесёт?

Так говорил граф, приближаясь по настилу к домику. Ремесленники совсем уж было подошли вплотную к двери, но Леонар снова обернулся, положил руку на грудь и добавил:

— Как же бьётся сердце! Очень-очень важный момент. Как говорил Руссо...

Питер протянул руку над головой Леонара и позвонил в один из колокольчиков. Леонар мгновенно закрыл рот, вытянулся, одёрнул пыльный пиджак и выразительно оперся на трость, сделав лицо задумчивым.

За дверью зашуршало, заскрипело, она распахнулась, и на них выпрыгнуло... жуткое чудище.

С двумя чёрными головами — одна над другой. Шерсть его была дыбом, и венчали головы большие жуткие рога. Чудище страшно взвыло: «Хочу крови!!! Хочу крови!!!» И протянуло к ним лапы испачканные алым.

— Господи, — схватился за грудь Леонар, — я, конечно, понимал, что за четыреста лет наши братья изменились...но чтобы так одичали, — сказал он, от неожиданности навалившись спиной на Тафари.

Тут страшилище сняло маску, и показало вполне разумное круглое лицо в веснушках на маленьком курносом носе.

Это был низенький плотный коротыш с небольшим горбом на спине. Его глаза навывкате стали ещё круглее. Он захлопал белёсыми ресницами и с ужасом уставился на пришедших. Дрожащими руками коротыш скинул наряд, состоявший из шапки-маски и чёрного плаща. Он только и смог выдавить:

— Из-из-вините, я ду-думал это Си-си-ридин.

Потом коротыш оглядел ремесленников повнимательнее, и спросил уже напряжённо:

— А к-к-кто вы та-та-такие?

— Позвольте представиться, — поклонился, пришедший в себя, Леонар, — мы — группа визидаров-ремесленников, которые пришли из мира людей. А как зовут вас?

— Я Но-носик...

— Здравствуйте, Ноносик, — улыбнулся Тафари, выйдя в круг света.

— Нет, Я Носик. Носик Цыл, — собрался коротышка с духом, — визидар из сидов. Мы раньше жили в горах потом перебрались сюда, потом...

Носик пересчитал по головам визидаров стоящих у его порога и побледнел ещё сильнее. Видно, ноги его больше не держали. Он схватился за косяк и спросил, словно спорил сам с собой:

— Нет-нет... Не может быть. Не может быть...Вы пришли из мира людей через Спасительные ворота? Так вы ремесленники? Вы Прославленные???!!!

— Мы, конечно, ничем ещё не прославились, — сказал Итиро, — но мы вернулись.

— Как было написано в пророчестве, — пробормотал Носик.

Потом опомнился, подскочил и пригласил их в дом:

— Заходите, заходите. Тут, правда, — он покосился на Пита с Тафари, — может быть кому-то из вас тесновато, но всё же, заходите.

Носик поднимался по узкой винтовой лестнице и бормотал: «В моём доме! Прославленные ремесленники! А я вчера не вытер пыль!»

Питер пыхтел последним, потому что еле вмещался в проход. Наконец, наверху показались перильца. За ними открылась неожиданно большая круглая комната. На все стороны света из неё выходили окна, за которыми виднелись нависшие корни. По одной из стен комнаты вверх карабкалась еще одна лестница, видимо, на следующий этаж.

Гостиная с деревянным потолком в хаотичных балках, объединялась с кухонькой. В этом пространстве

поместились: маленькая печурка; полки с банками, чугунками и бочонками; удивительной формы диванчик; старое просиженное кресло; столик, заставленный грязными тарелками, высохшими огрызками и книгами. Здесь же были два шкафа — один с разнокалиберной посудой, другой — со связками документов, бумаг и газет.

Всё в гостиной было расставлено с умом, и даже почти уютно. Но было очень пыльно. Видно, хозяин не прибирался не только вчера, но, кажется, и последний год тоже.

Под ступеньками лесенки наверх примостились полки, забитые книжками, мелкими статуэтками и рисунками. Сюда же из стены выходила там самая медная труба с улицы. Она ещё пару раз перекручивалась вокруг себя и заканчивалась тонким стержнем с деревянным набалдашником. На нём был прицеплен замусоленный клочок бумаги, на котором было нацарапано одно слово: «Нет!!!» С тремя восклицательными знаками.

— Какой у вас удивительный дом, — чихнув, сказал Марио.

— А, — отмахнулся Носик, — здесь в округе все такие. Мы строили их на вертлявниках. Эти деревья растут на болоте, поэтому их корни свернуты под стволом навроде шара, то, что цепляется за само болото — это первый ряд веток. Они для того, чтобы вертлявник мог балансировать на неустойчивой болотной почве. Когда дерево старится, оно становится полым внутри. И остаётся только прорубить в стволе дверь, поставить лестницу и достроить дом. Но в наших болотах я остался жить один. Остальные разъехались. Не больно то им нравилось жить в крутящихся домах.

— Крутящихся? — удивился Леонар.

В это время за окнами налетел порыв ветра. Сначала взметнулись ленточки итряпицы, затем загремели многочисленные кружечки, колокольчики, висящие на ветках. А потом дом, хоть и со страшным скрипом, но плавно, повернулся вокруг своей оси. Это было неожиданно, и ремесленники полетели на пол. Только хозяин дома да Питер успели расставить ноги пошире, чтобы устоять.

Носик, как ни в чём не бывало, подхватил падающую с полки корзинку, и сказал:

— Только зимой тяжеловато — налетают ураганы, дом может крутиться без остановки по две недели. И не выйти. А летом лишь болотное комарье проблема.

Дом остановился. Носик удовлетворённо кивнул и добавил:

— Сейчас я вас покормлю!

Он двинулся к полочкам в кухонный закуток и через минуту, напевая, уже гремел там какими-то склянками. Мэдлин и Бёрнис рассматривали за окном колыхавшиеся на ветерке предметы.

— А почему на лентах висит так много колечек? — спросила у Носика Бёрнс.

— Это для сорок. У нас есть поверье, что сороки приносят хороший ветер. Ведь в этих болотистых краях всё зависит от его направления: с какой стороны повесить сушиться бельё, где на ночь окно открыть...

Леонар, сидевший с Итиро на диванчике, нетерпеливо откашлялся, привлекая к себе внимание. Носик взглянул на него.

— Расскажите лучше, сколько в Визидарии осталось жителей? — спросил Леонар.

— Ах, да! — всплеснул руками Носик.

Он отложил миску, подбежал к шкафчику, вытер грязные руки об штаны и вытащил кипу вырезок из газет, которую и положил перед Леонаром.

— По инструкции я должен дать вам основные сведения о положении в стране, — сказал он.

— По инструкции? — поднял удивлённо брови Тафари.

— Ну, да. Все в долине знали, что когда-нибудь придут спасители... Прославленные. Многие, правда, думали, что это всего лишь легенды. Но вот и вы — собственной персоной... Так вот, на этот счёт за четыреста лет Совет визидаров написал не один десяток инструкций. У меня какая роль? Я вот, — он важно указал себе на грудь, а потом выставил вперёд пятерню и стал по очереди загибать пальцы, — первое — должен вас встретить. Второе — дать все важные сведения и объявления, которые вырезаю из газет и коплю. У меня, между прочим, у единственного в стране, свой собственный почтовый шест! Такой голубой. Не заметили? Стоит у самого порога, и мне не надо за почтой ездить в...

В это время на плите за его спиной что-то задымилось. И одновременно кто-то громко постучал в дверь. Носик подскочил, стянул голой рукой чугунную сковородку с огня. Обжёгся, приплясывая, стал дуть на пальцы, и поскакал к двери.

Стурла подошёл к перильцам и, просунув голову сквозь ограждение, прислушивался к тому, что происходит у двери.

— Неудобно, — потянула его оттуда за рубаху Мэд, — не подслушивай.

Но Стурла отмахнулся от неё и продолжал наблюдать дальше.

Отсюда ему было видно, что у порога стоит высокий пожилой визидарец, чьё лицо обрамляла пышная волнистая борода. Он стоял, опираясь на посох, в льняном рубище, подпоясанном пёстрой летной. На голове его была натянута красная шапка-колпак навроде длинной наволочки на узкую подушку, заканчивающаяся на углах

двумя кистями, а поверху на шапку был надет венок из зелёных листьев.

— О! Сиридин! У меня такие новости!!! — всплеснул руками Носик, обращаясь к бородатому.

А тот, игнорируя эмоции товарища, торжественно снял с плеча мешок, покопошился в нём, достал подарок, перевязанный лентой, и протянул его Носику со словами:

— Вот и до тебя дошёл, наконец, поздравить с Самайном! Давай расцелуемся, как принято. Счастья тебе.

И он распахнул объятия, чтобы обнять Носика. Но тот вывернулся и вытароторил:

— Да счастье то уже прибыло!!! Вернулись прославленные!

Сиридин насупился.

— Эту шутку ты говорил уже дважды. На Саймон в прошлом году и четыре года назад, — сердито сказал он, нахмутив брови, — так и хочется дать тебе посохом по лбу, чтобы ты больше так не шутил. Все же знают, что если бы они пришли, то ты бы...

— Конечно же! — со всего размаха ладошкой сам себе дал по лбу Носик, — как же я забыл?!!

Он подскочил, быстро взлетел по лестнице, отпихнув по дороге Стурлу, подбежал к концу медной трубы торчавшей из стены, сорвал бумажку, на секунду откинулся, набрал в лёгкие воздуха, так, что у него чуть не полопались глаза и, припав к деревянной насадке, дунул со всей дури.

Сверху, откуда-то над крышей, раздалось протяжное: «У-у-у-у-и-и-и-и-и-и-и-и-у-у-у...» и дом накрыла мощная звуковая волна. Шторы заполоскались в окнах, зазвенела в шкафах посуда, пол и крыша заходили ходуном. Стурла успел придержать шлем, у Тафари и Леонара снесло шляпы. У остальных мгновенно разметало волосы, словно их приподняли и потрясли вверх тормашками. А довольный Носик, как ни в чем не бывало, оторвался, наконец, от трубы и удовлетворённо сказал:

— Как же я давно хотел это сделать!

— Тут же написано: «Нет!», — сердито ткнула растрёпанная Бёрнис в бумажку, которую подняла с пола.

— Так это мне отец написал. Лет пятьдесят назад. Уж больно мне в детстве дунуть хотелось. И... натворил я тогда дел в долине, да... Даже вспоминать не хочу. Получил за это хорошенькую взбучку, — сказал Носик и потёр поясницу, — но сейчас я должен был доложить о вас...

Тут откуда-то издалека из-за холмов раздалось приглушённое: «И-и-и-и-у-у-у-у-у...»

— Ну, всё, — удовлетворённо сказал Носик, теперь уже через полчаса в Медикате о вас будут знать.

Тут в просвете между ограждений лестницы осторожно показалась удивлённая голова старца.

— Сиридин, поднимайся сюда!!! Выпьём по бокальчику лопушника, — закричал счастливый Носик, а потом повернулся к ремесленникам и объяснил, — я лопушник делаю лучше всех в округе. Надо взять десять унций лопуха и пять унций одуванчика, потом сквасить их в бочке, да только надо брать...

— Одичал ты тут, — шикнул на Носика, поднимаясь в гостиную Сиридин, — поболтать тебе не с кем! Говорил я тебе, заведи хоть собаку, что ли. Или кошку. Какой лопушник в такой торжественный момент?!

Сиридин пригладил бороду, поправил кисточки на колпаке и выровнял венок на голове. Потом расплылся в улыбке, оперся на посох и торжественно обратился к ремесленникам:

— Приветствую вас, Великие и Прославленные! Меня зовут Сиридин Бывалый. Я — глава Горячих топей. К которым и это болото относится. Наша деревня находится в миле отсюда и считается...

— Да постой ты сам, — перебил его Носик.

За окном уже стемнело, и он ходил по комнате, зажигал свечи да керосиновые лампы:

— Сейчас пойдёшь хвалиться, про то, что вы больше всех лягушек выращиваете...

— Так если то правда, — сказал растерянно себе в усы Сиридин, — чего бы об этом и не доложить умным визидарам?

— А как там, в миру? — нетерпеливо спросил Носик у ремесленников, опять кинувшись копошиться в кастрюльках на кухоньке.

— Да по разному в миру, — сказал Итиро, — воин там много, но много и достижений. Лампы электрические освещают дома. Есть радио, которое передаёт звуки на расстоянии.

— Телефоны, по которым можно говорить с тем, кто далеко, — добавил Леонар, — машины...

— Говорят на каком-то странном языке, — сказал тихо в сторону Носика Сиридин, а ремесленникам громко добавил, — так, люди, получается, стали волшебниками?

— Это называется прогресс, — объяснил Леонар.

— Да-а-а, вот так дела, — хлопнул себя по коленям Сиридин, — ну, мы будем есть или нет? — кинул он Носику.

— Да-да. Сейчас, — ответил крепыш и полез вниз в небольшой погребок рядом с лестницей.

Через секунду он уже вытаскивали из подпола разные припасы. Визидары помогли расчистить стол, подтащили и поставили рядом сундук, вытащили и своё съестное. И через полчаса дружная компания поднимала бокалы с лопушником:

— За славный праздник Самайн! — громко объявил Сиридин, — и за приход ремесленников! Уж теперь мы заживём новой жизнью, о которой только мечтали!

Все чокнулись и отпили мутную тёмную жижку, которая оказалась горьковато-сладкой и очень даже вкусной.

— Вас теперь ждут в Медикате, — сказал тут же захмелевший Носик, — надо дела передать да прочее.

— Да, Август Непомнящий, наверняка всю ночь не будет спать, — почесал бороду Сиридин.

— А кто это? — спросила Пинар.

— Глава Совета Визидаров, — подскочил Носик.

Он порылся в вырезках и протянул одну, где было изображение худощавого мужчины с суровым лицом, обрамлённым бакенбардами, в такой же шапочке, как у Тафари.

— Да, вам надо в Медикат, — кивнул Сиридин, — я после застолья пойду в Горячие топи, а вы уж ночуйте здесь. Завтра всё равно в Медикат двинетесь через нас. Так в «Двух унциях» и позавтракаете. Я уж скажу, чтобы хозяева там для вас расстарались!

Приступили к еде.

— Кто хочет небесной похлёбки? Я, правда, приготовил её Сиридину. Свою то порцию я съел с утра, — поднял одну из плошек Носик, где в голубом супе плавали кусочки, похожие на размокший хлеб. Чем-то это и точно напоминало небо с облаками.

— Ну, уж предложи гостям, — облизал ложку Сиридин и добавил, — мы небесную похлёбку готовим месяц, а едим лишь на Самайн.

Все вежливо отказались, а Стурла похлопал себя по животу и сказал:

— Раз никто не хочет, я отведаю.

Он пододвинул к себе тарелку и быстро умял всю похлёбку.

— Ох, до чего же вкусна штука. Похожа на наваристую уху, — отвалился Стурла от пустой посуды. — Зря вы отказались. Теперь вот будете ждать целый год, — сказал он, нравоучительно оглядев ремесленников, — не то что твой, Пинар «пирог звездочёта», который правильнее было бы называть кошачьим. А эта небесная похлёбка — чудо как хороша!

— Да, жаль, что только в сентябрьползехвосты такие жирные, — кивнул, жуя, Носик, — но я придумал способ, как их сохранить подольше, до самого Рождества. Сейчас, Стурла, я тебя угощу!

Он вытащил из-под стола банку, где были пересыпаны солью мохнатые толстые голубые гусеницы. Ремесленники уставились на Стурлу, который заметно погрузтел, а в животе у него что-то громко булькнуло.

— Брось. Не слушайте его, — раздражённо махнул рукой на банку Сиридин, — пробовал я твоих солёных ползехвостов. Гадость несусветная. Стурла, даже и не пробуй.

— Да я и не собирался, — покачал головой гном, зажав рот руками.

После этого пир продолжился, только Стурла стал очень аккуратно ковыряться в еде и подробно интересовался, что из каких ингредиентов. А Сиридин и Носик расспрашивали ремесленников о внешнем мире, и каждый раз удивлялись тому, как сейчас живут люди.

— Да, — грустно протянул Сиридин, качая головой, — четыреста лет назад мы их сильно обгоняли. Так, что были для них кудесниками. А сейчас что получается? Эх-х-хе-хе...

Сиридин тоже вздохнул, махнув рукой.

— Всё это проклятая Ужасная битва, — кивнул Носик.

Ремесленники же засыпали Сиридина и Носика вопросами о жизни здешней, о малумах и Ужасной битве. Пока Янмей не стала клевать носом, шла бурная беседа. Но как только увидели, что девочка засыпает, Сиридин, подхватил свой посох, натянул шапку и, переполненный новостями, собрался домой. Все спустились проводить его до дороги.

— Как пить дать, сейчас ещё заскочит к Кормаку и Крвану. И просидит у них до полуночи, — махал ему вслед Носик, — а то и вовсе спать не будет.

Потом обернулся к ремесленникам и сказал:

— Пойдёмте, я устрою вас спать на верхнем этаже.

Поднялись в мансарду уложить Янмей. Здесь оказалась круглая спальня с кроватью и топчаном. По стенам тоже были полки с книгами. А над изголовьем кровати висел красивый высохший веночек.

— Это веночек лилелой моей матери, со дня её свадьбы с отцом, — вздохнул Носик, показав на засохшие цветочки. — Здесь такое принято хранить. Да... Ждали они вас, родители мои. И дед ждал, и прадед. Легенды про вас слагали. А вот повезло только мне... Может, я болтаю много? Извините меня, я ж мало с кем общаюсь. Мне остались только газеты, да романы наших местных писателей.

Он указал на полку с истрепанными изданиями. Мэдлин взяла одну книжку. На ней еле можно было разобрать название: «Путешествие визидара Гудвина в Чёрную крепость».

— О! Это моя любимая! Как Гудвин победил малумов и освободил наш мир. Выдумка, конечно, — вздохнул

Носик.

— Это называется — фантастика, — кивнул Леонар.

— Да? Мы называем это сказки для взрослых, — сказал Носик.

Мэдлин, Бёрнис, Пинар и Янмей устроились наверху и сразу улеглись спать. Мужчины же устроились на полу в гостиной. Да только спать не смогли. Всё болтали о жизни.

Как только потушили весь свет, в комнате появились то ли белёсые тени, то ли лёгкий туман. Если приглядеться, можно было увидеть, как причудливо он стелется за фигурами визидаров, складываясь в смутные силуэты.

— Что это? — привстав, показал на ближайшую тень Тафари.

— Это Музы, — широко зевнул Носик, — а что, в человеческом мире ночью их не видно?

Он ещё что-то пробурчал, повернулся на другой бок и захрапел. Вскоре к нему присоединился Марио, Питер и Стурла. Остальные же визидары же шёпотом переговаривались до самого утра, обсуждая увиденное, строя предположения: всё вокруг было странным и необычным.

Время от времени за стенами начинали трепыхаться ленты, брэнчать друг о друга банки, а потом дом со скрипом поворачивался. Тогда ремесленники замолкали, вглядываясь в тёмь за окнами.

Как только рассвет раскидал по стенам солнечные блики, Носик вскочил, словно ноги его были на пружинках, потянулся и, подбежав к трубе, снова дунул в неё со всей мочи. От резкого звука сотрясшего округу, дремавшие визидары проснулись и удивлённо уставились на Носика. А он, как ни в чём не бывало, развёл руками и объяснил:

— Последний раз дул. Вы проснулись, и об этом должна знать вся страна.

— Логично, — потянулся Стурла, — тогда давай корми нас.

Но Носик присел на диванчик и грустно вздохнул.

— Ну, вот и закончился мой звёздный час, — сказал он. — Вы визидары знаменитые, Прославленные. Теперь вам будет не до меня.

— Что ты, — сказал ему Итиро, — какие мы знаменитые? Мы обычные, такие же, как ты. И мы тебя никогда не забудем.

— Особенно твою небесную похлебку, — пытаюсь скрыть зевок, добавил Стурла.

— Ну что же, надо вставать, — потянулся, хрустнув суставами, Тафари. Он услышал, что наверху проснулись дамы — оттуда раздавался приглушённый смех и топот Янмей.

Носик на крохотной кухоньке гремел кастрюлями.

— Интересная у вас посуда, — сказал Итиро, разглядывая чашки и сковороды, наваленные горкой на одной из полок, — словно их ручки из костей, — указал он на белые ручки у одной из кастрюль.

— А так и есть, — кивнул Носик, — драконы то все крупные перевелись, остались только крохотные, домашние. Но кости исчезнувших видов добывают из земли и делают из них ручки для посуды. Они не горят и не нагреваются... Я сейчас сделаю вам по чашке хиларитаты, — засуетился Носик, схватив жбан с тёмным изумрудным порошком.

— Чего? — насторожился Стурла.

Визидары непонимающе переглянулись. И тут пришло время удивляться уже Носику.

— Как?! Вы не знаете что такое хиларитата? Его еще называют сокращенно тата? — заглянул он с надеждой в глаза Питу, потом посмотрел на остальных. — Ну, вы даёте. Сейчас вы почувствуете божественный вкус. Тату пьют здесь все. В любом поселении обязательно есть татошные лавки, где напиток продают на развес в порошке или готовым в стаканчиках. Особенно мне нравятся магазинчики Лулы. Такие, с красно-зелёной вывеской. На ней нарисована чашка с дымком. Неужели у людей нет таты?! Невероятно...

— У людей есть свой божественный напиток. А из чего делают эту хиларитату? — поинтересовался Леонар, причёсывая бородку перед маленьким зеркальцем.

— О, его делают из плодов одной лианы. Но это растение развивается лишь на высоте. Только там оно набирает свой неповторимый вкус. Пробовали выращивать тату на земле, но напиток из таких бобов не пузырился. Если выпьешь кружку хиларитаты, то двенадцать часов после будешь бодр и силён. Её свойства были известны давно. Учёные ремесленники изучали этот напиток и установили, что хиларитата как-то действует на мозг визидарцев и временно отключает центр сна. Я как раз читал эту работу намере.

И Носик кивнул в сторону столика, где лежала книга «Хиларитата — бобы, подарившие бодрость. Последние исследования. 1517 год»

— Ого, какая древняя, — присвистнул Итиро, разглядывая фолиант.

— Это переиздание, — объяснил Носик, — но со времён Ужасной Битвы у нас нет никаких исследований. Нс теперь, — улыбнулся он, — когда пришли вы, всё будет иначе.

— Где ни живи, там будет своя хиларитата. Дающая бодрость, — глубокомысленно изрёк Стурла, — только называться будет по-другому.

Носик тем временем взял интересную кастрюльку — татоварку, как он её назвал. Кастрюля состояла из двух частей. В нижнюю — стальную, Носик налили ингредиенты. Когда он поставил её на плиту, то в верхнюю — прозрачную стали подниматься зелёные пузырьки. Когда стеклянная чаша наполнилась пеной, Носик накрыл её крышечкой, ловко перевернул посудину и наполнил бокалы.

Темно-зелёный пузырящийся напиток оказался душистым — он пах апельсинами и хвоей.

— Очень вкусно! — сказала Янмей, которой дали немного попробовать.

Выпив таты, визидары быстро привели себя в порядок и собрались в дорогу.

— Ой, подождите, я опять кое-что забыл, — подскочил Носик, когда вещи ремесленников были собраны.

Коротыш опять полез в подпол и вытащил большой мешок. В нём оказалось десять одинаковых накидок.

Пинар развернула одну и встряхнула. Это был серо-зелёный шерстяной плащ, обшитый по краю синей лентой с узором.

— Надевайте, — сказал Носик.

— Зачем они нам? — удивилась Пинар, — это какой-то ауксил? У этих плащей особые свойства?

— Нет, — покачал головой Носик, — но они очень тёплые. А при наших ветрах на пустошах это незаменимая вещь.

Все натянули на себя накидки, но на Стурле и Янмей накидки смотрелись комично. Тафари она была не по росту. А Питуюго плащ только чуть прикрыл плечи.

— Мо-мо-можно, — опять стал заикаться Носик, — можно те плащи, которые вам не нужны, я оставлю себе?

Ведь именно в них вас изображают на картинках.

— На каких картинках? — удивился Тафари.

Носик стал рыться в шкафу с подшивками газет:

— Видите ли, — говорил он при этом, — вы в Визидарии давно стали фольклором.

Он протянул им вырезку с рисунком. На нём были изображены все десять ремесленников. Прославленные стояли на выступе скалы в тех самых плащах, опираясь на мечи, и сурово глядели вдаль. Но самое удивительное было то, что их лица были узнаваемыми. Только рост не совпадал. Например, Стурла был вровень с Питом.

Ремесленники обступили картинку. Газета была очень старой. Однако же на изображении были все, даже Янмей.

— А как такое возможно? — спросил Тафари у Носика.

— Сивилла Аурелия предсказала ваш приход ещё сто двадцать лет назад, — пояснил визидарец, — Она увидела ваши лица в своём видении и нарисовала. И теперь эта картинка у многих висит дома... Но только мы имён ваших не знали. И когда вы придёте, тоже не знали. Многие не верили Аурелии, говорили, что вы — плод её фантазии.

Носик помолчал, помялся, а потом, набравшись смелости, спросил:

— А можно... я провожу вас до Медиката? Мне здесь теперь всё равно делать пока нечего.

— Можно, — сказал Стурла и отдал ему свою накидку.

Носик вцепился в неё, надел на себя. Хоть она и ему была несколько велика — волочилась по полу, было видно, что сам он так не считал. Его лицо светилось счастьем.

Когда вышли из дома, к голубому шесту, стоящему недалеко от входа, спланировал крупный голубь, по размеру больше похожий на горлицу. Оперение птицы было белым, а клюв, как и лапки, позолоченными. Голубь важно уселся на шест и оглядел присутствующих. На груди у него был потрёпанный чехол из которого торчала свёрнутая трубочкой газета. Птица скинула газету, посидела секунду, с удивлением разглядывая ремесленников,

— Ого, вам почту разносят голуби?! — удивилась Пинар.

— Да, — кивнул Носик, закрывая дверь на замок.

Тафари развернул газету и увидел всё тот же рисунок, который они только недавно разглядывали. Под ним было написано: «Ликуй, Визидария! Воскресли десять Прославленных. Они вернут волшебство в наши дома, свет и наши души и покой в нашу страну!!! Их имена: Тафари, Бёрнис, Пинар, Леонар, Марио, Итиро, Мэдлин, Питер Янмей и великолепный Стурла.

— Вот ведь! Неправильно только моё имя написали, — насупился Стурла.

— Не расстраивайся, мы скажем им. Однако они тебя единственного назвали великолепным, — погладила по шлему гнома Пинар.

Носик расправил плащ на груди и воодушевлённо сказал:

— В путь!

— Только сорву вот этот перламутровый цветок, — потянулась к необычному растению Мэдлин, — украшу им голову.

— Нет, — отпихнул протянутую к цветку руку Носик, — вообще-то, это не цветок. А вулуокул.

— Что? — переспросила Бёрнис.

— Вулуокулы — это такие животные. Обитают в здешних болотах, — объяснил Носик, — и очень противно кусаются.

Бёрн и Мэд переглянулись.

— Да-с, хорошо, что ты пойдёшь с нами, Носик, — кивнул Стурла, — нам, видно, многое ещё надо узнать.

Компания отправилась в Горячие Топи. То, насколько они знамениты и желанны, ремесленники убедились у первого же хутора, который показался через полмили. Это была группа домишек на вертлявниках пониже, чем у Носика на болоте. Они стояли в отдалении от дороги, но жители хутора двумя семьями вышли к центральной дороге, и на почтительном расстоянии смотрели на ремесленников. Носик сложил ладошки рупором важно закричал им:

— Привет, Кормак!!! Привет, Креван!!! Вот, ремесленники попросили их проводить!

Некоторые визидарцы, стоящие у дороги, быстро склонив голову, дважды похлопали себялевой сжатой кистью по верхней части правой руки, а потом подняли вверх левую руку, показывая ремесленникам ладонь.

Носик ответил им тем же.

— Зачем вы так делаете? — спросила Янмей.

— Это приветствие. Обычно при встрече мы машем друг другу рукой или обнимаемся, но когда происходит что-то очень важное и торжественное, то визидарец приветствует другого именно так. У каждого воина на правом предплечье знак визидара, который наносят в 18 лет. И в этом приветствии мы касаемся знака, показывая, что мы одной крови и заодно.

Питер задрал рукав и показав Носику руку, покрытую узорами, спросил:

— Вот такой знак?

Носик, еле дотянувшись, ткнул в колесо визидаров среди других рисунков на предплечье Пита и сказал:

— Вот такой. Но у тебя слишком большой рисунок. Знаешь ли ты, что написано знаками на твоей руке? В твоих узорах сложено, что ты — великий предводитель. Полководец.

— Я — воин. Защитник. Всегда это чувствовал. И знал, — сказал с достоинством Питер и зашагал дальше.

...Вскоре показалась деревушка. Она началась с деревянной вывески, а дальше потянулись домики, окружённые низенькими каменными заборчиками. Часто в них встречались малюсенькие калитки.

— Ой, это для животных? — спросила Бёрнис, указывая на одну такую калитку.

— Нет, для королевских бурозубок, — мотнул головой Носик, — многие местные дружат с ними. Это единственное животное, которое в Визидарии приобрело разум за счёт магии. И то случайно, потому что специально делать этого нельзя по закону...

Тут из домов на дорогу стали высыпать визидарцы. Многие из них по такому случаю нарядились. Они стояли у края дороги и махали руками. Часто прославленные видели, что их приветствовали, как воинов. Некоторые дети были в самодельных плащах и с палками вместо мечей.

— Кажется, они изображают нас, — кивнув на группу переодетых ребятшек, заметила Пинар.

— Смотрите, смотрите! — кричали люди, не в силах скрыть восторг, — великан!!! А этот какой грозный в шлеме! А девушки?! Вы видели кого-то прекрасней?! А ты заметила их сапоги?! А ты увидел пряжку на поясе? Я себе хочу такую же!!! А какой костюм у того ремесленника?! Вы видели что-то подобное?!

Визидария ликовала. На площади Горячих Топей их обступили со всех сторон уже густая толпа народа. Каждый хотел подойти поближе и увидеть Прославленных собственными глазами. Но тут им навстречу вышел Сиридин, взмахнул посохом, чтобы остальные визидарцы расступились и проводил ремесленников до харчевни над которой висела яркая вывеска «Две унции».

У самой входа в харчевню ремесленники увидели в загоне животное. Сначала им показалось, что это странная низенькая лошадь. Но тут она взмахнула большими крыльями и подняла голову.

— Ух ты, дракон! — закричала Янмей.

Она остановилась рядом с ограждением и не могла оторвать взгляд от гладкой кожи животного и его ребристых крыльев. Остальные ремесленники тоже с любопытством разглядывали живого дракона.

— Хей, — обратился к дракону Тафари, — как тебя зовут?

Но дракон недоумённо уставился на Следопыта и напряжённо рыкнул, выпустив из пасти облачко дыма.

К ремесленникам подбежал хозяин харчевни — суелливый рыжий мужчина, в цветастом жилете и смешной узорчатой шапочке с маленьким помпоном на макушке. Он шумно поприветствовал прославленных и проводил их внутрь дома. Усадил их за приготовленные столы и представился:

— Меня зовут Репейник. А вот моя жена, — он показал на дородную улыбчивую визидарку в широкой красной юбке, расписном фартучке и такой же шапочке, как у мужа, — её зовут Тыковка. Мы из лис-оборотней, поэтому не обращайтесь внимание, на то, что мы обрастаем шерстью, — он закатал рукав и показал рыжий мех на руке, — это всегда бывает перед зимой, — заулыбался он, показав клычки.

— А почему ваша харчевня называется «Две унции»? — спросила у Тыковки Мэдлин.

— Может, у них порции по две унции? — предположил Стурла.

— Нет, порции наши гораздо больше, — улыбнулась Тыковка.

— Как?! Вы не знаете?! — удивился Носик, затёршийся среди остальных.

Все сняли накидки, кроме него. Он привстал и объяснил:

— Две унции весит мушкетная пуля.

— Мушкетная? — переспросил Леонар.

— Мушкеты — это же какое-то древнее оружие? — шепнула Мэдлин Бёрнис.

— Да, это оружие у нас есть в арсенале, — важно кивнул Сиридин. — Когда-то, перед Ужасной битвой нам их только завезли и Аластар Справедливый велел снабдить всех мушкетами. Но их и тогда на всех не хватило. Дружина в те времена была скорее для охраны земель. Сейчас дружина разраслась и стала защитной. И теперь каждый молодой и здоровый визидарец должен пройти военную подготовку.

Тыковка и Репейник бегали вокруг стола, разнося еду. А Сиридин, встал, прокашлялся, поправил на шее большую медаль, которая, видимо, обозначала его статус, и напыщенно сказал:

— Дорогие прославленные, сегодня я получил известие от Августа Непомнящего. Он с волнением мне сообщил, что всё готово к вашей встрече. Медикат в ожидании. Вам подготовлено жильё и бумаги...

— А на чём всё же мы будем туда добираться? И сколько времени понадобится на дорогу? — спросила Мэдлин.

— У вас есть какие-нибудь... ну... мётлы что ли? — поинтересовался Тафари. — Ведь не может быть, чтобы не осталось никаких магических предметов со времён наших предков? Мне рассказывал отец, что Визидария славилась волшебством.

— Ну, действующих мётел шгук двести-триста долине есть, — влез в их разговор Репейник. — Иногда их можно увидеть. Но ими пользуются в основном по старинке пожилые. Или молодёжь для забав.

— Почему? — спросила Бёрнис.

— Мётлы летают медленно. До Медиката будет лететь двое суток, да с первого раза на них и летать то не получится. А так до города можно найти транспорт и побыстрее. Хоть ту же лошадь. Тогда путь займет часов восемнадцать, — объяснила Тыковка, наливая Янмей молока, которое оказалось чёрным.

— Ой, а почему оно такое? — спросила у неё девочка.

Тут уж пришла пора удивляться Тыковке:

— Деточка, а какое же ты пьёшь? Неужели белое? Это же от сахарумских коров, их молоко тёмное и сладкое. Именно на нём варят тату. Вы знаете, что такое тата?

— Сегодня они пробовали её впервые, — вставил Носик, — в миру у них такого не было!

Репейник и Тыковка переглянулись. В их взглядах читалось недоверие.

После хозяин харчевни продолжил рассказывать про летающие мётлы, подкладывая на стол новые кушанья:

— Вам надо потом будет хоть раз попробовать полетать на метле, — говорил он, кивая. — Они жутко неудобные. У нас есть где-то на чердаке. Правда, кажется, совсем порченная. Вы когда-нибудь пытались летать на палке? Во-первых, так и тянет перевернуться. Руки скользят, тело перевешивается вниз, затекает и сложно удержаться. Слово ты на каком-то насесте. И потом, во-вторых, и это самое главное, — он наклонился и чуть тише доверительно добавил, — она уж-ж-ж-асно врезается в зад! Он тут же немеет так, что потом и на своих ногах устоять не можешь.

Но Тыковка услышав мужа, недовольно сказала:

— Ты бы меньше ел, Репейник, и она бы не так травмировала твой зад.

— Граспек, — кивнул ей муж, и она, услышав это, отчего-то поджала губы.

— Так как всё же мы будем добираться до Медиката? — вернулась к теме разговора Пинар.

— Может, полетим на драконах? Мы видели одного у вас рядом с домом, — предложил Итиро.

— На драконах? — лицо хозяина харчевни вытянулось ещё больше, — драконы неповоротливы и себя-то в воздухе почти не держат, — объяснил он, — разве что только лазоревые? Их используют крестьяне на летающих фермах. Говорят, раньше драконы были большими, летающими. Но это только в легендах.

— А зачем тогда вам драконы? — спросил Стурла.

— Как зачем?! — остановился Репейник, выпучив глаза. — Тяговая сила. И самое важное — они несут яйца.

Леонар аж привстал от удивления и недовольства.

— Но, позвольте... Это возмутительно... Ведь раньше... Мои предки... В книгах сказано... Как же так? Прост несут яйца?! — граф не мог собрать в голове мысли и они, наскакивая друг на друга, путались в его сознании. Драконы-наседки?! Да что же это такое?

— А в людском мире едят яйца куриные, — почесал бороду Стурла.

— Правда? — пришла пора удивляться Репейнику, — вот интересно. Они ж малюсенькие. Одним яйцом дракона может накормить две семьи. Это ж сколько надо куриных?

— С ума сойти, — нагнулась Бёрнис к Леонару, — они используют драконов, как кур? А куры им тогда на что?

Но свой вопрос она не успела повторить громко, её перебил Тафари.

— Расскажите, какие толы у вас остались в распоряжении? Какие ауксилы? — спросил он.

— Все немногочисленные толы собраны и закрыты в Стоунбоне — это единственная оставшаяся из пяти Ремесленных Мастерских. Там находились основные лаборатории, велись исследования. Во время Ужасной битвы в Стоунбоне включили защиту. После самого сражения, когда Визидария осталась в руинах, Советом Визидаров было принято решение опечатать и закрыть Стоунбон до вашего прихода. Что и было сделано.

— Почему? — удивился Леонар, — ведь вы могли пользоваться толами и теми знаниями, которые остались в стенах этой мастерской? Как её... Стоунбона?

— Нет, — помотал головой Сиридин, — ремесленников то не осталось. Когда напали малумы, они уничтожили весь свет профессуры и всех ведущих специалистов. Малумы охотились за толами и ауксилами, поэтому, погибая, визидарцы уничтожали их сами. Так что почти все магические предметы исчезли. Их просто нет. Кое-что осталось. Но это обычные бытовые ауксилы. И потом, в стенах Стоунбона ценнейшие книги, материалы и незавершённые работы. Там запасы волшебных веществ, многими из которых никто не умеет пользоваться или воссоздать при необходимости. Именно поэтому Мастерские были закрыты. Если бы этого не сделали, то мы бы давно использовали всё то, что там нашли. Но смогли ли бы мы продолжить дело ремесленников? Вряд ли. Неразумным детям не дают в руки лучшее оружие. Им они могут себе навредить.

— Но ведь детей можно научить, — возразил Тафари.

— Кому обучать? Все были уничтожены. В те дни Визидария жила с ощущением Конца Света. Он пришёл для двух из трёх жителей страны. А оставшиеся ждали его с минуты на минуту, — сказал Сиридин и склонил голову, — до сих пор живы несколько визидарцев, заставших те времена. И они всегда плачут, когда вспоминают Ужасную битву. Сколько веков прошло, а они плачут.

— Но ведь что-то осталось из магических инструментов? — в отчаянии спросила Мэдлин.

— Да, у меня из ауксиллов есть котелок, который кричит, когда еда готова. И ложка-загребалка, она делает любую еду жирнее. Поэтому у меня самая вкусная похлёбка, — гордо сказала Тыковка, — а ещё мы держим погодных кур. В нашей деревне они есть только у нас.

— Погодных кур? — удивилась Пинар.

— Ага, вон они, в клетке на окне, — кивнула Тыковка, — куры у нас предсказывают погоду.

Действительно, на окне, куда показывала Тыковка, в просторной клетке сидели две пёстрые курочки, которых раньше никто не заметил. Ремесленники переглянулись: куры как куры. Пинар встала и подошла к ним. Сначала казалось, что они квохчут, но потом стало понятно, что одна говорит другой:

— Холод, завтра холод.

А другая кудахтала:

— Тепло, будет тепло!

— Все куры в Визидарии предсказательные. У них можно спросить любое, но обычно куры говорят о погоде, — объяснила Тыковка, — и пользуются большим спросом у фермеров.

— Так отчего же они предсказывают разное?

— У каждой из них своё мнение. Их обычно и покупают по две. И одна из них обязательно оказывается права, — сказала Тыковка.

— Ну, всё, в путь! — поднялся Сиридин.

И все ремесленники встали за ним.

Когда Сиридин вышел на улицу, Репейник подбежал к Питу, схватил его за руку и зашептал: «Милостивый государь, теперь уже вы будете властью? Теперича вы будете главными? Так посодействуйте, чтобы сыночку нашего — Лапе не брали в дружину на службу? Он нам дома нужен. А если уж вы что-то затеете вроде сражения, уж нам бы не хотелось его терять. Пусть другие сражаются».

Питер удивился, вытащил свою ладонь из рук Репейника, потом оглядел толстого паренька с рыжим чубом, который высовывался с кухни и сказал сухо:

— Мы не пришли управлять или захватывать власть. Мы вернулись защитить Визидарию. А...те, кто... не хотят защищать, нам и даром не нужны.

— Так мы сговорились? Заболчите за Лапе словечко? — заискивающе заглянул Питу в глаза хозяин харчевни.

Пит кивнул и вышел.

На улице всё ещё стоял народ, его даже прибыло. Каждого выходявшего ремесленника они приветствовали ликованием и криками напутствий:

— Мы с вами! Прославленные, ура! Мы ждали вас! Слава ремесленникам!

— Нам нужно к Златоусу, — перекрывая шум, сказал Сиридин.

И повёл Прославленных через площадь к дому. Дом был примечательным: высоким и узким, словно колокольня, с резными ставнями. По обеим сторонам дома примыкали огромные деревянные арки.

Из широких дверей блеснувших натёртыми коваными ручками в виде гончих зайцев, к ним вышел Златоус. Это был высокий мужчина с пышными золотистыми бакенбардами, напомаженными усами и бородой, разделённой на две части и вычурно завитой.

— Ой, какие у вас замечательные усы! — не удержалась Бёрнис.

— А вот это ты мне сейчас угодила, деточка, — сказал, Златоус, гордо выпятив грудь и поправляя усик.

От приятных слов Бёрнис, он аж притопнул вышитыми бархатными сапогами на золотых каблуках.

— Достопочтимый Златоус, покажи им наших лошадей, — попросил Сиридин, — Прославленные отправляются в Медикат.

— И сам понимаю, — кивнул Златоус. — Мы с Агнессой вас уже ждём

К ним из дома вышла милая розовощёкая девушка. Наверное, она была из породы русалок — за ушками виднелись аккуратные маленькие жабры.

— А это моя дочь, Агни, — представил её остальным Златоус.

Обогнув здание, они повели ремесленников в конюшни.

У длинного сарая ремесленники вдруг увидели большой ржавый паровоз. Он был, конечно, чудной: пузатый, длинный, как сигара, с трубой, похожей на перевёрнутый колокол. Но всё же это был паровоз. И стоял он на полуразрушенных рельсах.

— Что это? — удивился Тафари, — паровоз?

— Это рельсовая машина. Когда-то их в Визидраии было много, — сказал Златоуст, — но малумы их разрушили тоже. Одна эта машина и уцелела, как память...

— Вот такие у нас были достижения, — грустно сказал Сиридин, — всё это осталось от наших предков. А теперь...

— Теперь мы заживём! — улыбнулся Златоуст, похлопав Сиридина по плечу, — братец, ты понимаешь, что Прославленные вернулись?!!!

Пока ремесленники разглядывали рельсовую машину, Агни и Златоус привели под уздцы лошадей. И трёх маленьких мулов. Питу привели странное крупное животное — помесь лошади с драконом. Он напоминал мощного коня, но покрытого, словно бронёй, чешуёй. Вместо копыт каждая нога животного заканчивалась тремя сильными когтями. У него отсутствовала грива, а морда напоминала сплюснутую драконью, как и его рептилий хвост.

Стурла уважительно взглянул на существо и сказал:

— Экая животино! А окраска у него — один-в-один, как чешуя чёрной трески! А уж её я наловил в своё время немало.

Потом Стурла повернулся к Златоусу и спросил:

— У этого коня трески в родственниках случайно не было?

Златоуст удивлённо помотал головой.

— Это драстид. У нас на таких обычно ездят тролли, — объяснил он.

Златоуст подвёл животное к Питу, передавая ему уздцы и добавил:

— Его зовут Вульф.

Питер протянул к драстиду руку, и тот приветливо ткнулся ему в ладонь мордой.

В поход снарядились быстро и уже через полчаса выехали из Горячих Топей в Медикат.

На мулах ехали Стурла, Носик и Янмей. Сначала Стурла сердился, что ему дали не драстида, но потом оценил своё животное — оно было послушным и резвым.

Ремесленники ехали по Визидарии, и от красоты вокруг захватывало дух. Как будто все краски мира стали здесь ярче, запахи — сильнее, ощущения — глубже.

Как-то поднявшись на очередной холм, они увидели большую низину. Долина была покрыта перелесками, меж которых вились две речки. На берегу одной из них притаилась крохотная деревушка, состоящая из цветных домишек, украшенных резными крышами. Увидев это, Пинар восхищённо сказала:

— Визидария невероятная. Словно здесь соединились самые красивые места всей земли.

— От нереальности этих пейзажей у меня по коже мурашки, — подхватила Мэдлин. — Всё то, что рассказывала бабушка — её чудные сказочные истории вдруг ожили. То, что казалось, я забыла, всплыло в памяти. Как жаль, что этого не видит моя сестра.

...Но всё же, большую часть дороги ремесленники молчали, без устали крутя головами по сторонам. Они вслушивались в скупые пояснения косноязычного Сиридина и эмоциональные рассказы Носика. В каждой деревне, через которую лежал путь, их уже знакомо приветствовали жители.

Они были разные — народы Визидарии: от потомков шелков и фей, до сидов и оборотней. От родов фениксов

и русалок, до гоблинов и троллей. Но объединяло их одно — любовь к своей земле.

— Надо же, многие из визардарцев выглядят словно обычные люди! Подумаешь: какой-то род чуть выше или толще! У кого-то чуть больше растительности или другой формы уши, иная кровь или цвет волос, — размышлял Леонар. — Редко кто из визидаров отличается от людского рода...

— И всё же визидарцы другие, — назидательно поднял палец Сиридин. — Не забывай, что в их жилах течёт кровь иных существ.

— Но всё же мы с людьми так схожи! — возразил Марио, ехавший рядом с ними, — и потом они хорошо к нам относились...

— Послушай, Марио, — прервал его Сиридин, — если в воду добавить сахар, то на вид она останется прежней. Но при этом станет сладкой. И никогда уже больше не будет просто водой. Люди хорошо относились к вам, потому что не понимали вашей волшебной сути. Но как только они узнали бы вашу природу, то сразу бы вас уничтожили.

— Но это неправда, — вспыхнул Марио.

Однако Леонар не дал ему договорить. Он нагнулся и мягко коснулся руки Марио, показав взглядом, что спор бессмысленен.

...Долгое время ремесленники ехали по берегу реки Счастливой. Сиридин, рассказывал о традициях Визидарии, показывал их священные места — обычно это были тихие уголки с украшенными кенотафами. Носик же пересказывал ремесленникам легенды. Он, отчаянно жестикулировал, вёл рассказы на два голоса и был в этот момент презабавен. Носик так вживался в роли, что пару раз чуть не упал с лошади.

А Визидария не уставала удивлять. За каждым поворотом ремесленников ждало что-то новое. То это был водопад Троллей, обрушивавший воды каскадами меж развалин старого замка, то бездонные озёра Пяти сестёр в ледниковых расщелинах — идеально круглой формы, но разных диаметров. Леса на их пути порой были такими густыми и высокими, что дорога иногда проходила прямо через прорубленные крупные стволы деревьев.

Над долинами, где среди зарослей таились деревушки, словно тёмные низкие облака, висели плавающие над домами острова. Иногда с острова на остров перелетали драконы на которых сидели возничие. Тёмно-серая шкура драконов на солнце отливала голубым. Видимо, это и были лазоревые драконы.

Когда ремесленники увидели первый левитирующий остров, то были несказанно удивлены.

— Есть такая трава, — показал на невзрачные былинки, росшие у дороги Носик, — она называется воздушная рыхлея. У неё примечательные корни: одни корешки мелкие, упругие и длинные, из них делают прочные верёвки. Они пронизывают почву, скрепляя её. Другие же корни рыхлеи со временем раздуваются, накапливая газ, который легче воздуха. Вот тогда рыхлея вырывает целый пласт земли и взлетает. Фермеры специально сажают эту траву плотно, а потом просто подвязывают островки на цепях рядом с домом. Вот на этих, — показал Носик на плавающие над долиной острова, — выращивают ту самую хиларитату, которую вы пили.

Ремесленники увидели, что с островков свисают длинные ветви, покрытые тёмно-коричневыми закрученными в спирали стручками. Стручки порой казались бесконечными. Они легко порой достигали четыре-пять ярдов в длину.

— Раньше тата росла только высоко в горах. Но с помощью рыхлеи теперь есть возможность растить её в долине прямо над домом, — пояснил Носик, — посмотрите, какие тонкие, хоть и длинные у хиларитаты стволы. Но однако же, это самое прочное дерево на свете! Распилив его, можно получить легчайшие, как пух, но крепкие доски. Правда, дом из таких не построишь — его просто унесёт ветром.

Чудных животных, навроде драстидов, в Визидарии оказалось не так много. Всё остальное зверьё было вполне земным. Хоть иногда и с необычными свойствами. Так на одном из склонов гор ремесленники увидели удивительных лошадей — они перелетали с места на место, высоко зависая в воздухе.

— Это чёрные летающие лошади, — пояснил Сиридин, — но, как вы видите, они не полностью чёрные.

Действительно, головы и хвосты лошадей были белыми, отчего издали на фоне неба они казались безголовыми. А на фоне тёмных скал, напротив, создавалось впечатление парящих белых голов.

— Эти лошади питаются лишь высокогорной травой, и почти исчезли, не имея возможности её добывать, — объяснил Носик. — Тогда, много лет назад, визидарцы придумали давать им воду с растворённым левитирующим порошком. И чёрные лошади стали летать. Даже поступили на почтовую службу визидарцев. Но после Ужасной битвы никто не умел готовить их питьё, да и было не до этого. И лошади постепенно утратили способность к полёту. Хотя они до сих пор долго зависают в прыжке, но всё же это не то.

— А почему же забыт рецепт летательного порошка? — удивился Марио.

— Его умели делать лишь ремесленники. Говорят, небольшие запасы есть в Стоунбоне. Но их никто не трогал, — сказал Сиридин.

Проезжали ремесленники и множество необычных поселений. Больше всего их удивила крошечная деревенька Бубо, где обитали королевские бурозубки. Незадолго до этой деревни началась мостовая. А у самого въезда в Бубо

стоял знак объезда для повозок и предупреждение, что проход через поселение только спешившись. При этом передвигаться нужно было строго по дороге. И ещё каждой лошади следовало надеть на копыта специальные тапочки, точно так же, как и всем путникам.

— Это для того, — объяснил Сиридин, натягивая тапок прямо на сапог, — чтобы местным жителям дорога не запыляла дома.

Бурозубки вылезли на крыши и колокольни крошечных построек. В кафтанчиках и шляпках, тоненькими голосками приветствовали Прославленных жители этой деревни, отчаянно махая лапками. Янмей была от них в восторге, а они подарили ей целый мешок маленьких сахарных колечек.

...Потомки же сидов жили в домах, похожих на гнёзда, в углублениях холмов. Издали казалось, что холм облеплен стогами с окнами.

Ехали ремесленники и через деревню Периван, чьи дома по традиции росли вместе с семьями — было видно первый домишко, потом его надстраивали и расширяли. Он обрастал крышами, новыми трубами, балконами, переходами. Поэтому все постройки этой деревни напоминали странные нагромождения всех стилей и видов жилищ, возвышающиеся над деревьями. И дом одной семьи мог занимать до двух акров земли.

Каждая деревня чем-то да удивляла, и Сиридин уже сто раз порадовался, что с ними поехал Носик. Он оказался хорошим рассказчиком и кладезью информации, которой порой не мог дать он сам.

Ближе к полудню процессия въехала в долину Молан. Ремесленники не сразу заметили, что все дома здесь медленно двигаются.

— Глядите, вот чудо. Или меня укачало? — потёр глаза Стурла, указывая на колыхающиеся, словно в мираже, домишки.

— Нет, не укачало. Эта деревня называется Парящая Иде, — объяснил Носик. — Тут низинная местность и каждую весну сильно поднимается вода. Раньше она постоянно затапливала первые этажи. В старину у одной местной девушки Иде из фей, был ауксил — большое пуховое одеяло. Оно, по её желанию взлетало и встряхивалось. И вот Иде придумала, вытащить из него часть перьев, да заложить его в фундамент сарая, который строил её отец. И он взлетел, правда, невысоко. Так девушка со временем и распотрошила своё одеяло для жителей округи. И теперь все дома подняты в воздух на фут или два. И хоть местные жители, чаще всего из рода фей, но дома любят украшать фигурками птиц или пёрышками. Меж многих домов вы заметите целые гирлянды из расписных деревянных птичек.

Бёрнис смотрела как на окне дома, мимо которого они проезжали, мерно покачиваются цветы.

— А жителей не укачивает в этих домах? — спросила она, вспоминая пароход в океане. Ей там жутко не понравилось.

— Они в этих домах рождаются, живут и умирают много веков. Привыкли. У нас каждую весну проходит Фестиваль на лучшую деревню. Жители Парящей Иде несколько раз побеждали. Посмотрите, как здесь красиво, — указал Сиридин на качающиеся сине-белые домики, на гирлянды фигурок, натянутых между домами. На деревья, обвеганные птичками.

— На Фестиваль местные жители всегда приходят, водрузив на голову маленькую сине-белую подушку в знак любви к Парящей Иде, — добавил Носик.

В его словах было столько нежности к родной земле, что Мэдлин и Бёрнис, переглянувшись, заулыбались. А вот Леонар отчего-то нахмурился, склонив голову.

В каждой местности, которую проезжали ремесленники, были свои правила и традиции. Но нигде ремесленники не увидели мусора или запустения. Каждый уголок страны визидарцы восстановили и украсили. И хоть деревни были разные, как и их жители, но почти у каждого дома стоял каменный столп, покрытый кельтскими узорами. Как объяснил Сиридин, в старину эти столпы были ауксилами и делали погоду, такую, как хотел хозяин. И назывались погодными. А теперь они напоминали об Ужасной битве.

Частенько во дворах у домов ремесленники видели камни, похожие на головы, и казалось, что из травы то тут, то там торчат макушки. Почти всем таким булыжникам были пририсованы лица. Носик сказал, что это духи дома, и они сторожат покой обитателей.

— Чаще всего у дома выставляют столько камней с рожицами, сколько и членов семьи, — пояснил коротыш, показывая на группу из семнадцати улыбающихся камней в шляпках у ближайшего особняка, — даже если они и разъехались, то здесь всё равно собрались всем семейством.

Когда солнце стало клониться к западу, а лошади устали и седоки выдохлись, ремесленники увидели на горизонте огромную башню.

— Это башня Силы, — показал на неё Сиридин. — Недалеко, во-о-он там, — он указал левее, растёт священный дуб. За ним начинается территория Стоунбона. А справа вы видите деревню Три ручья. Там мы сейчас и отдохнём.

Они спустились к деревушке. Мальчишки из рода брауни — низкорослые, с коротенькими, но быстрыми

ножками, ждали их в траве на пригорке, а увидев, припустили в деревню, поднимая дорожную пыль, чтобы рассказать жителям о приближении гостей.

Когда ремесленники въехали в Три ручья, все жители высыпали им навстречу, и стали громко петь в их честь гимн. Те самые мальчишки, которых они видели при подъезде к деревне, старательно играли на свирельках, молодёжь танцевала.

Гостей проводили на главную площадь, где были накрыты столы, ломившиеся от угощений. Кажется, сюда стащили всю мебель деревни: длинная лента разномастных столов и лавок несколько раз хаотично обвивала площадь и убегала вверх по широкой улице.

Сначала ремесленников проводили умыться — их отправили в крытый двор, к длинному камню, в котором была выдолблена большая чаша. В неё стекал питьевой ручей.

— Спасибо, — сказал Пит девушке, которая протянула ему полотенце.

— Вам спасибо, — её голос дрогнул, — несколько поколений визидарцев жили только мечтами о вас. И вот, наконец...

В глазах девушки появились слёзы, она смахнула их и убежала.

Рядом с Питером стоял Леонар. Он, вздыхая, отмывал руки от пыли.

— Почему ты такой печальный? — спросил его Пит, — вижу, ты давно не в настроении.

— Они так рады, — обернувшись на ликующую толпу, сказал Леонар. — Но оправдаем ли мы их ожидания? Мне не по себе. У нас почти ничего нет из толов. И у них тоже. Я надеялся, что здесь, в долине Сиреневых ветров нам станет проще. Но всё только усложнилось. Они очень отстали от людского мира. Подумать только — у них основное оружие мушкеты. Что уж говорить об остальном? Сможем ли мы вдесятером здесь всё наладить и сделать их жизнь лучше?

Услышав его слова, Бёрнис сказала:

— Я думаю, мы справимся. Но знаешь, среди людей я всегда чувствовала себя особенной. Визидаркой. А здесь... пока я чувствую себя таким же чужаком. Мне необычен их быт, их порядки, их традиции. Всё вокруг какое-то нереальное.

— Понимаю тебя, — кивнула Мэд. — Мне тоже немного не по себе. Особенно что нас везде приветствуют как королей. Сможем ли мы с честью справиться с возложенной на нас миссией?

— А какая конкретно это миссия? Чего от нас ждут? Я не совсем понимаю. Я думал, наша дорога закончится здесь и дальше будет счастливая жизнь, — наклонился к ним, умываясь, Марио.

— Счастливая жизнь обязательно будет, — кивнул Тафари. — Но сейчас надо навести порядок в делах. А потом уже можно говорить и о счастье.

— В каких делах? — уточнил Марио.

Но Следопыт не ответил. Ведь он и сам пока не знал.

— Я готов работать, — сказал Питер, — это моя родина. Моя земля. Я чувствую это каждой мышцей.

Тафари кивнул ему и добавил:

— Визидарцы столько лет жили в полной оторванности от мира. Они ждали нас. Все они — наша кровь и плоть. Наши братья и сёстры. А ваши тревоги, Леонар... Мэдлин... Они пройдут, вот увидите. Эта земля станет нашим телом, нашей душой.

Стурла же, наоборот, выделялся из всех ремесленников тем, что был весел и счастлив.

— Ах, сюда бы поскорее мою Дэгни, и больше мне ничего не надо! — приговаривал он, обливаясь водой и отфыркиваясь.

Ремесленников позвали к праздничному столу и усадили среди жителей. Все вокруг представлялись Прославленным, радостно протягивали им руки, на лицах визидарцев было счастье. С площади лилась музыка, народ танцевал: взлетали вверх шапки, мелькали ноги, кружились клетчатые юбки, сверкая белыми кружевами подъюбников.

Из-за стола встал один из местных жителей. Крупный молодой мужчина в холщёвой рубахе и кожаном жилете.

— Это Гарбхан Бирн, — шепнул Носик сидящему рядом Питу. — Кого у него только в крови не намешано: и северные тролли, и сиды, и оборотни... Говорят, у него железный кулак. Гарбхан — тутошний задира.

— Как это? — удивился Питер. — Почему задира?

— Ну, вообще-то, он фермер и в большом почёте у местных парней. За силу и строптивый характер. Всё любит делать по-своему. Слывёт вольнодумцем и бунтарём. Но, мне он кажется хорошим визидаром. А ещё, — Носик кивнул на бокалы изумрудного напитка, который пенился у них в бокалах, — это варят на их ферме. Лучший травяной эль!

В это время Гарбхан произносил тост:

— Дорогие наши ремесленники! Конечно, вы — наша надежда. Но и мы не подведём. Придём вам на помощь,

если она будет нужна. Только позовите! Братья и сёстры, ремесленники! Прославленные! За вас!

И парень сел обратно за стол. Все визидарцы одновременно подняли локти, чтобы легонько стукнуться ими с соседом, затем быстро хлопнули в ладоши и трижды стукнули башмаками об пол. И только тогда потянулись за бокалами. Но их стройные ряды разрушили ремесленники, которые не понимали, чего от них ждут. Со смехом Гарбхан поднялся с места, и обратился к смущённым гостям:

— Ничего, друзья, это не великое горе. Мы сейчас научим вас выпивать по визидарски. Повторяйте за нами!

Местные взялись учить ремесленников своему обычаю, и уже с третьего раза у всего стола получилось дружно выпить бокалы.

Вдруг музыка перестала играть, люди примолкли, толпа танцующих отхлынула и расступилась. На площадь стройно въехала дружина. На крепких лошадях восседали сильнейшие парни Визидарии. Солнце бликовало от начищенных шлемов и доспехов из металлических пластин, соединённых между собой кожаными ремнями и отбрасывало в притихшую толпу отсветы.

Впереди ехали двое. Один — постарше, небольшого роста, с пытливым взглядом на суровом лице. На его высоком шлеме покачивалось красивое чёрное перо, а через грудь под пурпурной накидкой, была перекинута лента, увешанная знаками отличий. Бросался в глаза и его богатый шёлковый пояс сиреневого цвета с золотыми кистями.

— Это глава Совета Визидаров, — зашептали ремесленникам сидящие рядом, — сам Август Непомнящий.

— Он из рода особых брауни, смотри, — тихо сказал Питу Носик, аккуратно показывая на длинный заострённый носище Августа, доставшийся ему от его рода, — и только у них всегда такая куцая бородка, которая, как известно, у брауни не растёт.

Рядом с Августом ехал молодой юноша, бравый визидарец. У него было открытое лицо, но упрямый взгляд и крепко сжатые губы. От этого парень выглядел строгим и неприступным.

— А это, — указывая на серьёзного юношу, рассказывала девушка, сидящая рядом с Бёрнис и Мэдлин, — секретарь и помощник Августа — Уильям Фланн. Его мать из эльфов, а отец из русалок. Посмотрите, какой красавчик! И он, — девушка заметно покраснела, — не женат. Моя сестра, — затараторила рассказчица, и слова из неё посыпались, как горох их мешка, — живёт в Медикате, и работает в татошной на рынке. И только вчера почтовым голубем она прислала мне письмо, что Уильям Фланн сидел с другом у них в кафе, и она подслушала, как тот говорил, что пока жениться не собирается, потому что не видит достойной кандидатуры, мол, сердце его молчит...

Девушка многозначительно посмотрела на Бёрнис и Мэд и добавила:

— Так что шансы у нас есть. У всех.

Бёрнис чуть не фыркнула, но сдержалась, потому что Мэд под столом вовремя пнула её ногой. Бёрнис нагнулась к подруге и с улыбкой сказала:

— Девушки в Визидарии такие же, как и в человеческом мире.

— Девушки везде одинаковые, — тихо ответила ей Мэдлин, — сердце в груди у всех одно.

В это время Уильям соскочил с лошади и помог спешиться начальнику. Тот поправил шлем, и, прихрамывая, двинулся к ремесленникам. Они все успели встать из-за стола и выйти навстречу главе.

— Друзья, — Август горячо обнял каждого ремесленника дрожащими от волнения руками, — я не мог сидеть в Медикате, ожидая вас. И как символично, что встретились мы здесь, в Трёх ручьях, где жили многие из ваших предков.

Над маленькой Янмей Август прослезился, поднял её на руки, и, повернувшись к войску, которое успело спешиться и построиться в шеренгу, скомандовал:

— В честь Прославленных ремесленников!!! Слава!

И воины, вытянувшись, стукнули кулаками по правому плечу, вскинули ладони и как один крикнули:

— Слава! Слава!

Август обвёл дружину растроганным взглядом и скомандовал:

— Отдохните, воины!

И солдаты растворились в толпе. Августа посадили к ремесленникам и налили большой кубок зелёного эля.

Тут же снова раздалась музыка, кто-то уже тащил из ближайших домов новые столы, опять закружились юбки и застучали об мостовую каблуки.

— Какие чудные туфли! — воскликнула Янмей, показывая на обувь танцующих, — и все такие разные!

Обувь у визидарцев, действительно была чудная: расшитые цветами туфельки, сплетенные из веревок тапочки, изогнутые деревянные клумпы и даже сапожки, сшитые из лоскутов сверкающей чешуи. Сложно было бы найти две одинаковые пары.

— О-о-о, — протянул гном с длинной бородой, свитой в косу. Он сидел рядом с Янмей и слышал её слова:

— Для визидарца обувь — это, как ни странно, его лицо. Символ самовыражения. Визидарец с детства

придумывает обувь, которую будет носить. Когда меняется визидарец: его планы и убеждения, это можно определить по его обуви — она обязательно станет другой! Самый лучший подарок — хорошие туфли. У нас есть поговорка: «Если подошли подаренные туфли, значит, этот визидарец знает про тебя всё!»

Янмей удивлённо посмотрела на обувь самого гнома. На нём были высокие кожаные сапожки с кармашками набитыми мелочевкой.

...После обеда ремесленников проводили в сад, где для них были приготовлен огромный белый шатёр переговоров. В нём стоял круглыйкаменный стол, вокруг которого примостились стулья. Ремесленники расселись и к ним вошёл Август. Он что-то тихо сказал Уильяму и тот быстро удалился. А глава подошёл к столу, оперся об него и стал говорить, переводя взгляд с одного Прославленного на другого:

— Скоро мы продолжим с вами путь в Медикат. Там нас ждут большие празднования и гуляния, — Август глубоко вздохнул и продолжил. — Мы долго вас ждали. Но не теряли времени зря. Наверное, вы хотите узнать, что же случилось тогда, четыреста лет назад, когда страна была почти уничтожена за три дня и спасена лишь усилиями ваших предков? Когда-то Визидария процветала. Она отличалась от остального мира невероятным развитием наук. Ремесленники — самые умные из визидарцев, те, которые выбрали путь служения народу, придумывали и делали толы с ауксилами. Люди, сталкиваясь с нашими достижениями, принимали их за волшебство и боялись. А значит, хотели нас уничтожить. И мы полностью отсоединились от человеческого мира. А потом ремесленники достигли высшего уровня — создали волшебную палочку. Весь свет визидаров учился в Ремесленных Мастерских. И жизнь была прекрасна. Но недаром мы селились подальше от людей, — Август сморщил нос, оглядел Прославленных и сказал, — знаете, даже представить не могу, как вам жилось среди них, наших врагов... Восхищаюсь вами и вашими предками, которые приняли решение — спрятать лучших в мире недругов, чтобы изучить их повадки изнутри. Найти против них оружие и потом разом одолеть. Люди...Они устроили Ужасную битву.

Август остановился, перевести дыхание. Взор его затуманился слезами. Он никак не могу унять дрожь в руках. Наконец, собрался с силами и продолжил повествование:

— После мы, конечно, разобрались, что случилось. Всё зло обрушилось от одного визидарца, в коем, человеческая природа, победила визидарскую. Но мы уверены, что он не мог действовать один. Несомненно, за ним стояли люди. И Это существо — Хьюго Хармус. Вот все материалы о нём, — Август взял из рук вернувшегося Уильяма толстую папку и протянул ремесленникам. — Здесь вы найдёте сведения о его семье, о его родителях. Об их чудесном семейном ауксиле — Древе Жизни, который они уничтожили. О том, что этот... человек... ибо я не могу называть его визидарцем, создал малумов... Визидарцы сражались с ними, как могли. Бой шёл три дня...

Август от волнения больше не мог говорить. Он сел и кивком головы попросил продолжить Уильяма.

— Малумы — бесплотные твари, убивавшие лучших, — сказал Уильям. — Они высасывали жизнь из визидарцев, особенно ремесленников, и охотились на толы. Поэтому многие толы были уничтожены самими жителями Визидарии, чтобы не достались врагу. Ваши предки придумали, как защитить страну. В этом помогла Башня Силы, объединённая энергией со столпами погоды и кенотафами. Столпы были установлены давным-давно, как ауксил, регулирующий погоду в стране, а кенотафы — это камни в которые превратились все визидарцы, погибшие в первых боях близ священных деревьев. Среди этих кенотафов есть и камень Аластара Справедливого.

Он — величайший воин в истории Визидарии и самый почитаемый визидарец. Если бы он выжил, то, несомненно, нашёл бы способ уничтожить людей и зло, исходящее от них, каким-нибудь бескровным способом. Те ремесленники, что выжили в первый день битвы, создали защитную стену, которая работает до сих пор. Как мы понимаем, защитная стена получилась настолько толстой, что руины замка Хармусов — Дагхэта застряли в её толще навечно. Когда-нибудь он умрет. Как и его малумы. Тогда умрёт корень зла. Нам осталось только ждать. Но с вами теперь ничего не страшно. Мы ждём от вас, чтобы вы охраняли защитную стену, и занялись прежде всего непосредственным делом, которым занимались ваши предки — созданием толов и ауксиллов для народа Визидарии, чтобы облегчить стране жизнь. А для этого надо восстановить Стоунбон. Он заперт под защитным куполом и ждёт вас.

Август снова встал и сказал:

— Мы хотим вам вручить сиреневые пояса ваших предков. Они хранились, как реликвия. В Визидарии — это всегда было высшим знаком отличия и за последние четыреста лет этих поясов было вручено всего пять.

Уильям принёс потёртые шёлковые ленты и стал вручать пояса каждому ремесленнику.

Когда он подошёл к Бёрнис, то нечаянно уронил шёлковую ленту к её ногам и сильно смутился. Они одновременно присели за ней и соприкоснулись руками. Уильям ступешался, но Бёрнис тихо сказала: «Ничего страшного», и ласково коснулась его пальцев, успокаивая. Он почувствовал, что от Бёрн пахнет лесом и летними травами. И было что-то в этой девушке близкое, сердечное, будто он знал её когда-то давно, а потом забыл. А вот сейчас она вернулась.

Всё это продолжалось две секунды, но когда Уильям разогнулся, ему почудилось, что он сделал это в другой реальности. В той, в которой солнцем теперь была Бёрнис.

А она сказала, обращаясь к Августу:

— Спасибо, пояса предков — это большая честь для нас. Мы их примем, как ценность, но надевать не будем

— мы пока не заслужили такого права.

— Граспек, — кивнул ей Август.

— Что означает «граспек»? — спросила, Бёрн. — я где-то это слово уже слышала.

— Ну, — стусевался Предводитель, подбирая объяснение, — это древнее визидарское слово... Это благодарность. Однако она имеет определённый контекст. Когда ты произносишь «граспек», то говоришь: «спасибо, что высказался и показал свою суть, истинное лицо». Такой вот длинный смысл в коротком слове. Граспек.

— Граспек и вам, — сказал Августу Марио.

— Наверное, сейчас это слово применять было бы не совсем верно... — начал рассуждать Август.

Но его перебил Тафари.

— Мы поняли свою миссию, — сказал он, оглянувшись на остальных ремесленников, — но тогда сейчас бессмысленно ехать в Медикат. Празднования подождут. Мы сразу же отправляемся в Мастерские Ремесленников. В Стоунбон.

— Но как же... — растерялся Август Непомнящий. — Я хотел показать вам столицу. Вы бы полюбовались, как мы её восстановили. Как она красива.

— Мы проехали пол страны и видели сотни её жителей. Визидария прекрасна. Но надо приступать к работе, а столица подождёт, — ответил Тафари.

— Я думал, кто-нибудь из вас войдёт в Совет Визидарии, — продолжал рассуждать Август.

— А вот это зря. Политика — не наше дело, как и управление, — покачал головой Итиро, — мы тут толком ещё ни в чём не разобрались...

— Так вы точно решили ехать сразу же в Мастерские? — уточнил Уильям.

— Да, — кивнули ремесленники.

— Значит, мы будем держать друг друга на связи, — подвёл итог Уильям и быстро взглянул на Бёрнис, — сейчас мы сопроводим вас до Мастерских.

Через час распрощались с Носиком, Сиридином, жителями Трёх ручьёв и выехали в сторону Стоунбона. Впереди, показывая дорогу, ехал Уильям, за ним ремесленники, после уже Август Непомнящий с дружиной.

За деревней начиналась равнина. И издали было видно огромный холм на котором возвышалась Башня Силы. Дорога проходила в полумиле от неё. Чем ближе они подъезжали, тем становилось массивнее и больше строение. Таких высоких зданий никто из ремесленников ещё не видел.

— Подумать только, — сказал Тафари, задрав голову и глядя на вершину башни, уходящую в облака, — это сколько же в ней длины?

— Игла сапожника, как её тут называют, высотой в 821 ярд, — дал справку Уильям, помолчал и оценивающе добавил, — да, раньше строить умели. И ведь это было четыреста лет назад! Сейчас такую башню никто в нашей стране не создаст. Её возвели над родником Силы — отсюда и её название. Но он давно пересох, там остался лишь пустующий бассейн.

— Можно ли Башню изучить изнутри? Как туда попасть? — спросил, подъехав к ним Итиро.

— В Башню Силы войти нельзя, — мотнул головой Уильям. — Она охраняется воинами дружины, потому что входит в список особо важных мест Визидарии.

— Её построили ремесленники для того, чтобы изготавливать волшебные палочки, — объяснил Август, — какую именно роль в их изготовлении она занимает, я не знаю. Но думаю, процесс записан где-то в бумагах, хранящихся в Ремесленных Мастерских. Но и сейчас Башня Силы — главное место Визидарии. Она защищает нас держа купол, огораживающий от всего мира, на себе.

— Хотелось бы там побывать и понять её строение, — высказала свои мысли Бёрнис.

Уильям взглянул на неё и улыбнулся, но она ему не ответила.

— Ну, я думаю, в Стоунбоне вы найдёте и планы башни. Там же, в Мастерских Архитектуры её и создавали, — дал совет девушке Август.

Но потом, подумав, он обратился к помощнику:

— Прославленным нужно будет выдать разрешение на посещение и доступ в любое место страны. Уильям, проследи, чтобы завтра же они получили такой пропуск.

— С овальной печатью? — уточнил у него Уильям.

— Нет! С ромбовидной! — поднял палец Август, а потом пояснил остальным, — это самый важный вид печати. Вопросов после такой бумаги не возникнет ни у кого. Это высшее проявление доверия народа Визидарии.

Когда башня оказалась за спиной, дорога потянулись через поля, иногда перемежавшиеся небольшими перелесками.

— Климат у нас и без погодных столпов лучше, чем у людей, и урожай выше, — с некоторой долей высокомерия, довольно произнёс Август, глядя по сторонам.

Рядом ехали Леонар, Пинар и Тафари. Они это слышали.

— Август, если позволите высказаться, — начал Леонар, — вы зря так ругаете людской род. Ведь мы тоже их часть. И даже большая. Мы скорее похожи на них, нежели на тех существ, от которых произошли.

— Только внешне, — категорично сказал Август, — вы, конечно, глубоко мной уважаемы и долго жили в миру. Мы телами почти люди, а душа наша — переплетение энергий. Мы видим и чувствуем то, что людям недоступно. Люди недалеко ушли от животных. А визидары — создания иного толка, иного разума. Они — существа высшего разума.

— Опасные у вас мысли, — покачал головой Леонар, — опасные, и ни к чему хорошему не приводящие. С такой позиции не то что нельзя смотреть на мир, а и губительно.

— Сколько я читал древних статей Аластара Справедливого, он много раз описывал людской мир — агрессивный и нечестный, — резко ответил Август, — скажите, за четыреста лет там что-то изменилось? Закончились бесконечные войны?

— Ну, — стусевался Леонар, — войны есть и сейчас. И, кажется, мир вообще в преддверии чего-то большого и страшного. Я думаю, скоро будет война, которая охватит все народы... Но люди... люди удивительны, разнообразны... Искусство, архитектура, а сколько технических открытий!!! Работы по психологии, физике, открытия в астрономии...

— В нашем, визидарском мире, все беды от людской крови. Там где она преобладает, как в Хьюго Хармусе, начинается хаос и война. А это разрушающе, — нахмурился Август, — как завещал нам великий Аластар Справедливый — страшитесь людей, ибо это зло...

— Но почему вы уверены, что в Хьюго преобладает человеческое, а не чудовище? По вашим описаниям, у него тяжёлые проблемы с психикой, и он болен. Моё мнение: чем больше в существе людского, тем он добрее и разумнее. Иногда мне казалось, что агрессия в некоторых людях от чудовищ. Может, визидаров на свете больше, чем мы себе это представляли? Просто некоторых людей поглотили демоны? И в этих людях страшные существа победили человеческое начало — доброе и чистое? — рассуждал Леонар, пытаясь найти аргументы.

— О! Граф, вы сейчас договорились до крамольного. Но я прощаю вам ваши заблуждения. Они от незнания. Давайте пока останемся каждый при своём, — дружелюбно похлопал по крупу лошади Леонара Август, — пока вы не поймёте, что ошибаетесь. А для этого нужно время. Кстати, — Август повысил голос, обращаясь ко всем ремесленникам, — во всём нужен порядок. Кто теперь у вас будет за главного в Стоунбоне?

Ремесленники переглянулись. Марио предложил:

— Возможно, Тафари?

Остальные согласно закивали.

— Хорошо, — поднял палец Август, — внесём в бумаги. Тафари — Главный Мастер Стоунбона и Высший профессор. А кто будет отвечать за сами Мастерские?

— Бёрнис? Мэд? — спросил у девушек Тафари, но те испуганно замотали головами.

— Предлагаю Итиро, — подъехала ближе Янмей.

Все её поддержали.

Август кивнул:

— Ну и ещё два важных поста: корреспонденция и архивы с библиотекой.

Ремесленники посмотрели друг на друга, потом Бёрнис сказала:

— Пусть уж Пинар займётся письмами, мы с Мэд если что, будем ей помогать. В конце концов, она всю жизнь проработала с бумагами. Пинар, ты согласна?

— Только если вы и правда будете мне помогать, — улыбнулась Пинар.

А Леонара выбрали заведовать архивами.

— Отлично! — обрадовался Август. — Сейчас дам распоряжение, чтобы всё это как можно быстрее внесли в соответствующие документы.

И глава поскакал вперёд, махнув помощнику, чтобы тот догнал его.

Уильям, проезжая мимо Бёрнис, опять взглянул в её бесстрастное лицо, пытаясь поймать взгляд девушки. И сам на себя разозлился: Да что со мной такое?! Как мальчишка. Она такая же визидарка, как остальные. Обычная. Есть дела поважнее, чем её взгляд. Всё, не буду больше на неё смотреть.

И дальше всю дорогу старательно следил, чтобы даже случайно не глядеть туда, где ехала Бёрн.

На горизонте снова показались густые заросли. То ли новый перелесок, то ли заросшие холмы.

— Вон там, — ткнув в них пальцем, Август приостановил коня, — и есть наша гордость, наш спаситель — Стоунбон. В него не ступала нога визидарца с момента его закрытия в ноябре 1425 года. Я читал воспоминания об этих Мастерских, они впечатляют. Говорят, в старину Стоунбон снабжал страну энергией, хлебом, и другими

продуктами. Конечно, похоже на сказку, но хочется верить. В любом случае, я вас уверяю, вы будете потрясены тем, что найдёте в его стенах. Вас ждут труды и достижения предков. Лаборатории и ремесленные мастерские, где вы вдохнёте новую жизнь в Визидарию.

Потом он повернулся к Леонару и добавил:

— И лично убедитесь, насколько давно и далеко ушли визидарцы от людей.

— Граспек, — кивнул ему Леонар.

— Вижу, вы быстро учитесь, — засмеялся Август Непомнящий и пришпорил коня.

Чем ближе подъезжали седоки к Стоунбону, тем яснее проявлялись его очертания: что-то большое, массивное, от горизонта до горизонта. Сначала слева предстала их взору огромная зелёная гора. Но после приближения оказалось, что это и не гора вовсе, а огромный дуб.

Могучий ствол его, испещрённый глубокими трещинами, был необъятным. Коряжистые ветви, покрытые шишковатыми утолщениями, раскидало в стороны на десятки ярдов. Некоторые из них были такие старые и толстые, что их пришлось подпереть столбами. Сильно разветвленная крона дерева была настолько густой, что возникала мысль: как же до нижних веток достают солнечные лучи? Казалось, что это и не дуб вовсе, а целый лес.

— Счастье наше, — расцвёл, глядя на дерево Август, — священный дуб Эо Мугна. Один из пяти Великих зелёных стражей Визидарии.

От дерева исходили волны мощи и тепла. Визидарцы спешили и подошли к каменным кенотафам, выстроенным у дороги под сенью дубовых веток. Камни слабо светились, а их подножия были усеяны венками, сладостями и залиты обгоревшим воском свечей.

— Вчера страна отмечала Самайн, и жители принесли сюда дары, — склонил голову Август. — Это праздник почитания ушедших, когда просыпаются духи умерших. Говорят, в ночи Самайна вся Визидария светится, и это правда. У каждого креста и кенотафа зажигаются поминальные свечи. В память о погибших. Ибо пока свежа память, не будет сражений и новой крови.

В четверти мили от дуба возвышалось огромное серое трёхэтажное здание с зубчатым верхом и двумя башнями по бокам, от которых разбегалась по сторонам бесконечная каменная стена. Она была сложена из толстых булыжников и поднималась над землёй ярдов на двадцать, а то и больше. Стена еле виднелась из-за матового тумана, окутывавшего его. Только туман этот был странным, в виде огромной правильной пирамиды, уходившей вверх, где она сливалась с небом.

Но центральное здание было видно хорошо. К его высоким дверям вели массивные ступени, а на уровне третьего этажа выделялось огромное резное окно в виде знака визидаров.

— Этот замок и есть Стоунбон? — спросила Янмей.

— Нет, деточка, — пафосно покачал головой Август, — это только вход в Стоунбон. Малая его часть. Центральное здание. Ведь Стоунбон — это не только ремесленные мастерские, но и лаборатории, классы, куда каждый год набирали учеников. Насколько я знаю, в Центральном здании всего лишь были учительские, а на втором и третьем этаже жили некоторые ремесленники. Я с детства хотел там побывать. Но...мы свято чтим законы предков и в Стоунбон входа простым визидарцам нет. Только вам. Нам оставили в наследство два чётких указания, которые каждый визидарец знает с малолетства: никогда не открывать ворота во внешний мир, иначе наш будет разрушен, — тут он многозначительно посмотрел на Леонара, — что говорит о том, что и предки наши понимали, сколько зла от людей. И второе: до прихода Прославленных, не отпирать Стоунбон. И оба правила мы с честью выполняли все четыреста лет.

Август Непомнящий гордо посмотрел по сторонам и добавил:

— Нам с вами сюда, — он показал на маленькую сторожку, к которой вела еле заметная с дороги тропка.

Дружина, под руководством Уильяма, осталась в стороне под ветвями дуба. К домику же пошли ремесленники и Август.

Глава взошёл на крылечко, качнул подвешенную клетку с двумя ошалевшими от такой толпы погодными курочками, и решительно постучал в перекошенную дверь домишки.

За нею раздалось шуршание, брэнчание, что-то опрокинулось, а потом дверь распахнулась. И на порог вышел длинный, как оглобля, старик. У него всё было вытянутым: руки, ноги, пальцы, и даже подрагивающая голова с впалыми щеками. Они были обрамлены торчащимиво все стороны волосами и бородой, делавшими старика похожим на перезревший одуванчик. Его тонкая шея, кажется, сто раз была перемотана бесконечным полосатым шарфом, который умудрился всё же одним краем лежать на грязном полу.

— Что случилось? — спросил старик, подслеповато хлопая глазами и шурясь от вечернего солнца.

— Вот это — Мак Дара, — указал на него Август, — бессменный хранитель архивов и ключей. Этим занимался его отец, а ещё раньше — его дед. И прадед. И все Мак Дары служат сторожами при Мастерских Стоунбона с момента их образования.

— Так что случилось? — опять задал вопрос старик, подставив к уху ладонь, чтобы лучше слышать.

— Вернулись Прославленные, Мак, — ответил ему Август.

Лицо старика вытянулось ещё больше. От услышанной новости он пошатнулся, и ввалился назад в темноту помещения. Все кинулись за ним, но, оказывается, там, в глубине комнаты, стояло старое кресло, в которое Мак Дара и упал.

— Всем же разослали предупреждения, — громко сказал Август.

— Так я же не получаю почту. У меня и шеста почтового нет. Моё дело писать в архивы кто приходил к Мастерским, и сторожить дуб, — пожал плечами старик. Потом он закрутил головой над узлами шарфа, оглядывая толпу, заполнившую его комнатку, и бесхитростно спросил, — а где они, Прославленные то?

— Так вот же, — показал на ремесленников Август.

— И дитё тоже ремесленник? — удивился старик, указывая на Янмей. — Какие они... не похожие на Прославленных. Я думал, они будут в латах и плащах.

— Похожие мы, похожие, — сердито сказал Стурла, пролезая между ног других к креслу Мак Дара, — ну, где тут ключи, отдавай. Мы в дороге с утра. Некогда рассусоливать.

— Да-да, конечно, — заспешил старик.

Но как бы он ни торопился, делал всё медленно. Сначала Мак Дара выбирался из кресла, потом неторопливо ходил по каморке, стены которой сверху до низу были забиты полками с пыльными пронумерованными тетрадами. Его полосатый шарф безропотно полз за ним, словно дрессированная змея.

Старик бурчал себе под нос: «Где же? Где же?» Потом, вспомнив, поднял палец и пошёл за шторку в проём двери, где оказалась маленькая жилая комната. Такая же пыльная, как и остальной дом. Только здесь по стенам висели пучки трав, а узкое зеркало настолько было засижено мухами, что практически ничего не отражало, как почти ничего не было видно и сквозь мутное оконце над кроватью. Зато лежанка старика была знатная: с перинами, взбитыми подушками, укрытая лоскутным одеялом, на котором сейчас спал старый кот. Но он даже внимания не обратил на суету. Только недовольно открыл один глаз, оценил обстановку и снова его закрыл. Мак Дара подошёл к коту, погладил, а затем двинулся в угол, к облезлой печке, заваленной утварью: грязной посудой, горшками и кастрюльками. Из одной плоскости Мак Дара и выудил маленький ключик. Он улыбнулся беззубым ртом и поднял находку высоко над собой.

— Это ключ от Стоунбона? — спросил Марио.

Старик покачал головой:

— Нет, но это ключ от места, где лежат ключи от Мастерских.

И Мак Дара, неся находку впереди себя на вытянутой руке, торжественно пошёл из дома. За ним потянулись остальные. Уильям с удивлением наблюдал за странным шествием: сначала из сторожки показался старик, за ним полз его шарф, а уж после по одному выходили все остальные. Процессия засеменяла за угол сторожки, и там скрылась из вида.

Мак Дара привёл всех к пристройке, прилепленной к задней стенке домика. Пристройка, видимо, была очень старой — её крыша буквально выросла в землю. И в этой крыше виднелась дверца, закрытая большим железным замком. Его то и попытался открыть Мак Дара. Он согнулся в три погибели и засунул ключ в прорезь. Ключ зашёл, но не повернулся. Старик крутил и так и эдак, но замок открываться не хотел.

— Дай-ка я попробую, — подошёл к пристройке Питер.

Он попытался повернуть ключ, но ...сломал его напополам. А дверь так и не открылась.

— Так там лежит ключ от Мастерских? — уточнил Питер, показывая на крышу пристройки.

— Да, по преданиям именно там находится этот ключ, который откроет ремесленникам двери... — начал медленный рассказ Мак Дара, но Пит не стал его дослушивать.

Он схватился за крышу и разом её откинул в сторону, где она окончательно развалилась. Когда улеглась пыль, все увидели на месте крыши... гладкую плиту.

— А я думал, что сторожу проход. По преданиям в Стоунбон есть проход под землёй. Я надеялся, что здесь его начало, — расстроился старик и почесал пушистую бороду.

Остальные уставились на плиту, и Итиро спросил:

— Что теперь делать?

— Не знаю, — растерянно пожал плечами Мак Дара, — у меня на этот счёт инструкции нет.

И посмотрел на Августа. Но тот тоже развёл руками.

— Значит, там ключи? — рассуждал Тафари. — и те, кто туда их положил, не хотели, чтобы Мастерские были вскрыты до нашего прихода...

— Отсюда следует, что... — сказала Пинар.

— Что нужны наши толы, — закончила за всех Янмей, обнимая куклу Мэй.

Достаточно быстро, путём проб и ошибок, поняли, в чём дело. Сначала Питер положил на плиту свой амулет, который снял с шеи. Достал свирель, пальцами заслонил на ней первые три дырочки и сыграл пару нот. Плита

поднялась и двинулась вслед за мелодией свирели. Питер отошёл в сторону, когда он перестал играть, плита аккуратно опустилась в траву.

Но под плитой...оказалась ещё одна плита. И её свирелькой поднять не удалось. Зато сработал браслет Стурла. И только на одно заклинание. Как только Стурла произнёс: «Arena», внутри плиты засветилась камера. Видимо, она была заполнена песком. В ней явно было видно какой-то квадратный предмет: что-то наподобие ящика. Но чем же разрушить плиту?

Пинар попыталась начерить на ней мелом круг, но ураган, который она подняла внутри, ничего не поменял. Зато помогла огненная палочка Итиро. Плита от неё мгновенно нагрелась и буквально стекла вниз, обнажив длинный колодец, на дне которого лежал тёмный сундук. На его крышке были выбиты две рыбины с открытыми ртами, свернувшиеся вокруг большого металлического кольца. От стен колодца шёл сильный жар. Как туда спуститься?

Вдруг Марио заулыбался:

— А у наших предков было хорошее чувство юмора! — сказал он, и стал рыться в сумке.

Парень достал свой рыболовный крючок, закинул его в колодец, и с одного раза вытащил сундук за кольцо на поверхность.

За всем этим, раскрыв рты, следили Август и Мак Дара.

— Вы, действительно, великие ремесленники, — сказал восхищённо глава, — я в жизни не видел столько чудес в одном месте за такое короткое время. Надо будет рассказать об этом на Совете Визидаров.

Когда сундук раскрыли, в нём оказались два резных массивных ключа. На одном были изображены крылья.

— Значит, этот от Воздушных ворот, — сказал Август, ткнув в него пальцем, — ведь в Стоунбоне двое ворот: Земные — через центральную дверь и Воздушные — с крыши здания. Но как они открываются, я не знаю.

— Разберёмся. Ребята, пошли, — коротко сказал Стурла, подхватил сундучок и потащил к дороге.

До главных ворот дошли быстро. Август сказал:

— Внутри мы с вами не пойдём. Никто не знает, как ваши предки защитили Стоунбон, а вдруг они там наставили ловушек? По преданиям, туда войти можете лишь вы. А мы... мы будем ждать вестей. Главное вы уже сделали — вернулись домой. Ваша задача... — тут Август достал документ с большой ромбовидной печатью внизу, — вот экстренный Совет визидаров сегодня ночью составил вам список.

И он стал его зачитывать, попутно комментируя:

— Конечно, по началу, вам надо как следует отдохнуть, изучить Стоунбон: все его мастерские, научные труды и материалы, оставшиеся в наследство от ремесленников. Мы понимаем, что на это уйдёт год-два — не меньше! Затем вам надо будет обследовать защитную стену силы и укрепить границы Визидарии. И после начать изготавливать ауксилы и толы, чтобы наш народ получил инструменты и новые блага для жизни. В старину в Стоунбоне был почтовый отдел голубиной почты, куда визидарцы посылали просьбы о помощи. И часто даже начинающие ученики второго года и подмастерья с опытом изготавливали в мастерских какие-нибудь важные или нужные штуки, помогая визидарцам. Мы обязательно вернём эту традицию... Извините, я отвлёкся, замечтался... Продолжаю, — Август снова заглянул в документ, — а, впрочем, я уже всё вам и передал. Ну что же, пришла пора прощаться. Уильям с вами всегда будет на связи, а для этого он пришлёт вам завтра стаю отборных почтовых голубей.

Уильям помог Августу залезть на лошадь. Дружина отдала честь ремесленникам и свернула на дорогу к Медикату.

Прошло пять минут, и на крыльце Стоунбона стало тихо. Достав нужный ключ, Тафари вставил его в замочную скважину. Раздался щелчок, и дверь бесшумно отворилась.

Стоунбон и задача со звёздочкой

Пока глаза не привыкли к свету, казалось, что они вошли не в здание, а в пещеру с гулким эхом. Итиро зажёл Огненную палочку, и картина вокруг стала проясняться.

Они оказались в коридоре с высокими сводчатыми потолками. Их поддерживали витые мраморные колонны, расположенные через каждые десять ярдов.

Сразу бросилась в глаза огромная чугунная люстра в виде вертикально подвешенного колеса. По обеим сторонам его осей располагались две скульптуры. Но разглядеть их в сумраке было сложно.

— Словно в церкви, — шёпотом сказала Мэдлин, а эхо усилило и размножило её голос.

Пол был покрыт сине-белой плиткой, выложенной в виде длинного ковра. Он шёл от главных дверей через весь холл и на дальней стороне упирался в двойные двери со стеклянными вставками из цветных ромбов.

Стены коридора до половины были отделаны деревянными панелями, а дальше, до самого потолка, их покрывала расписанная шпукатурка. В скудном свете было видно, что на стенах изображены неведомые сражения, полёты драконов, цветущие поляны с танцующими девами. Но под самыми сводами рисунки тонули в непроглядной темноте.

Коридор посередине пересекал другой, поуже, разбегавшийся тёмными ответвлениями в разные крылья здания. Один коридорчик был подписан: «Ремесленные кабинеты». Над другим надпись гласила: «Ремесленные квартиры».

Тафари обнаружил три красных рычажка, утопленных в стене, над которыми было крупно выведено: «Главное освещение, Левое крыло и Правое крыло». А внизу подпись помельче: «Повернуть наверх».

Тафари крутанул рычажки. Раздались шорох и жужжание. Колесо люстры медленно закрутилось. Оказалось, что от него к колоннам разбегаются золотые перекрученные ниточки с маленькими лампочками в которых вспыхнули свечи. Их было так много, что они хорошо осветили пространство каждого закутка.

Теперь можно было рассмотреть эту невероятную люстру. Сначала казалось, что на оси светящегося колеса с разных сторон сидят два ангела. Один был спиной, а другой лицом ко входу. Фигуры, были словно живые — одной рукой они крутили колесо, а другой скидывали вниз жмени сияющих искринок. Один ангел сыпал холодные, голубые огоньки, а другой — тёплые, жёлтые. Когда Итиро обошёл люстру, то увидел, что у ангела, которого они видели спиной на самом деле злое лицо и на лбу рожки.

— Глядите, — указал он вверх, привлекая внимание других, — какие разные у них лица!

— Потому что это разные существа. Это Муза и Мрак, — сказал Тафари.

Следопыт стоял у большой медной таблички, на которой светился текст. Его он сейчас и цитировал вслух остальным:

«Люстра «Муза и Мрак», созданная ремесленниками Мастерских Архитектуры волшебных сооружений под руководством Вульфа Сторигана, — гласила надпись. — Помни, о Великий Ремесленник, Как Муза и Мрак схожи издали, потому что рождаются из одной головы, так и ты, обладая несметными сокровищами знаний, можешь родить и то, и другое. Но Муза сеет доброе, а Мрак — зло. Властвуй над разумом».

— И ещё, эта люстра напоминает каждому сюда входящему, что иногда сходу и не определишь, где добро и зло. Порой издали они выглядят одинаково, — задумчиво сказала Пинар.

— Интересная мысль, — поднял палец Леонар, наблюдая, как Янмей ловит искорки от люстры. Они, только её коснувшись, таяли на ладони девочки.

Остальные ремесленники разбрелись по коридору, разглядывая стены. На одной стороне в простенках висели портреты визидаров в ливреях и старинных одеждах. На всех фигурах были те самые сиреневые пояса. Подписи гласили, что это Великие Мастера Стоунбона. На противоположной стене были размещены семь огромных досок с объявлениями. Каждая была подписана: Технические Мастерские, Мастерские Культуры, Мастерская Врачевания, Мастерская Промышленной Магии, Мастерская Архитектуры волшебных сооружений, Мастерская Времени и Мастерская Природоведения.

— Видно, в Стоунбоне было семь главных мастерских, — предположил Питер.

Остальные с ним согласились. На досках объявлений сохранились расписание занятий, всяческие сообщения. И даже... фото.

— Удивительно, — воскликнул Леонар, ощупывая уголок одного снимка, — это точно не рисунки, а... самые настоящие цветные фотографии. Но откуда у них были такие технологии?!

Фотографии были выполнены на лаковой поверхности с еле заметными прожилками. На том снимке, что разглядывал Леонар, стояла компания молодых визидарцев, размахивающая руками. Они сгруппировались вокруг двух улыбающихся мужчин, державших в руках странную витую награду.

Подошла Бёрнис, склонилась поближе к фотографии и прочла аккуратно выведенную чернилами надпись:

«Асто Дилман и Вульф Сториган с командой ассистентов выиграли конкурс и будут заниматься возведением нового здания Совета Визидаров. Поздравляем! 3 октября 1525 года».

— За месяц до Ужасной Битвы, — растерянно произнесла она, — пока они ничего не знают. Здесь у них такие счастливые лица.

— Асто Дилман, — сказал задумчиво Леонар, — Мэд, голову даю на отсечение, что этот визидрец в середине фото, — он ткнул на левого педагога, — Асто Дилман, твоя родня. Смотри, вы с ним очень похожи. Те же уши, те же светлые волосы.

Мэд подошла, какое-то время вглядывалась в фото предка. Она, действительно, ужасно была на него похожа.

— Смотрите, — показала Пинар на стенд Мастерской Времени, — тут ещё одни Дилманы на фотографии.

Мэдлин двинулась к ней. На фото у красивого фонтана на фоне большой башни сидела супружеская пара. Он был серьёзен, она улыбалась. Снимок был подписан: «Хлоя и Сид Дилманы в этом году завершают работу над Часами Времени. И пусть пока созданные ими часы действуют всего лишь минуту, но это большой прорыв и огромное начало. В добрый путь!»

— Смотри, она же держит твои Часы Времени! — приглядевшись, воскликнул Итиро.

— Да. Так и есть. А вот тут в расписании указан Эхри Доу — профессор левитации, — сказала Мэдлин, показывая на график занятий, висящий рядом, — и это наверняка твоя родня, Янмей.

Она подняла девочку на руки и показала ей фамилию ближе.

На стендах ремесленников ждали десятки открытий. «Уважаемые студенты второго курса, Центральной библиотеке Стоунбона и пабу «Жёлтый головастель» требуются работники. Оплата почасовая». «Завтра, 5 сентября, в центральном зале Мастерских Врачевание состоится лекция Амалии Холл на тему: «Влияние усилительных шаров на стабилизацию потоков энергии Волшебной палочки». «Профессор Алан Пьер Пинар ищет помощников в оранжереи Мастерской Природоведения для сбора семян разрывай-травы. Аккуратность и выдержанность обязательна!»

В объявлениях и указах постоянно встречались их фамилии. И ремесленники бегали от одного стенда к другому, показывая друг другу записи.

«Сдайте волшебные палочки, у кого они остались на руках, в Мастерскую Промышленной Магии педагогу Розе Руис или профессору Абсолону Жобену». Про Абсолону Жобену было ещё: в центре одной из досок объявлений висел большой плакат с фото импозантного мужчины в красивой пышной рубашке, обрамлённой кружевным воротником и элегантном жилете. Мужчина стоял, задумчиво глядя в решётчатое окно. Подпись гласила: «Профессор Жобен, преподаватель элементарной магической материи и технического ауксилловедения, приглашает на лекции по своим предметам в новом 1525-26 учебном году. Запись у секретаря Мастерской Промышленной Магии. Места ограничены».

— Эх, что-то всегда было величественное в Жобенах, — прокомментировала Пинар, разглядывая фотографию.

— А я вот никаких своих предков найти не могу, — расстроился Стурла.

— Нет, ты не прав. Гляди, — позвал его Итиро, — правда, не знаю, будешь ты рад этому или нет, но всё же, это точно про твоего родственника.

И Итиро показал Стурле указ на доске Технических Мастерских: «Студенты, имеющие пропуска лекций и практических занятий в лабораториях за сентябрь. Сдайте задолженности, иначе к Рождеству вы попадёте в списки на отчисление. Предмет: Свойства волшебных металлов». И дальше шёл перечень из пяти имён. Последним был указан Агнар Гутторсмен.

— Да уж, — огорчённо почесал голову под шлемом Стурла, — чего же он так?

— Все наши предки — герои. Значит, и твой сделал что-то выдающееся, раз его посчитали нужным спрятать, — приободрил гнома Тафари.

В это время из левого бокового коридора вернулся Марио и доложил:

— О! там нас ждёт много интересного. На первом этаже здесь учительские, частные кабинеты и какие-то комнаты для собраний. В башнях находятся лестницы наверх. Если подняться на второй и третий этаж, через них идут сквозные коридоры от башни до башни. В них выходят двери жилых квартир. На каждой — медная табличка с фамилией. Я видел там, — Марио стал загибать пальцы, — квартиру Холлов, Дилманов, Руис, Доу, Жобена и Пинар. Остальных фамилий я не знаю. Выше третьего этажа — выход на крышу. Там стоит куполообразная арка. По-видимому, это и есть воздушные ворота. Но они закрыты.

— Пойдёмте, всё же осмотрим сам Стоунбон. Пока совсем не стемнело, — предложил Леонар. — Квартиры мы сможем увидеть и позже.

Он подошёл к дверям во внутренний двор и, указывая на большой жёлтый лист, прикреплённый над ручкой, сказал:

— Смотрите.

Ремесленники подошли к нему и прочли: «Остальные инструкции в мастерских. Вам предстоит изучить все

лаборатории. Литература находится в библиотеке в Мастерских Культуры. Оставляю вам свой ключ, отпирающий любые двери на территории Стоунбона». Под запиской была подпись: Главный мастер Делмар Иму То.

Пинар сняла с ручки двери кольцо, на котором висел большой тонкий ключ и отдала Тафари:

— Ты же у нас теперь Главный мастер, — улыбнулась она.

— Что же, вперёд, — выдохнул Тафари, отодвинул задвижку и распахнул двери.

Они готовы были увидеть всё, что угодно. Но не то, что увидели.

Перед ними предстал огромный пустой город. Практически все здания в нём были из красного кирпича. Везде возвышались готические башенки, виднелись стройные ряды колонн, протяжённые галереи крытых арок.

Куда ни кинешь взгляд, разбегались кривые, мощёные булыжниками, улочки. Почти каждый дом украшали сводчатые окна, резные порталы и изящные карнизы.

Широкие ступени от административного здания вели вниз, к площади неправильной формы. Слева от неё располагался огромный парк с китайскими беседками. Там, среди зарослей растений, виднелись каменные скульптуры в виде огромных лежащих фигур визидаров и животных. Волосы им заменяли лианы и густые волнистые травы. Их тела обтянуло плющом и мохом. Одни фигуры обвивали фонтаны, другие свернулись у скамеек и потаённых ротонд. Когда-то, наверное, это было красивое место, но теперь всё заросло и потеряло форму.

Справа от площади были три соединённых меж собой здания: Харчевня «Золотая монета», Казначейство, Комнаты отдохновения.

Посреди площади возвышался неработающий фонтан, представляющий семь танцующих фигур. Они держались за руки вокруг большого знака визидаров. По фигурам и тем символам, какими они были окружены, было ясно, что каждая из них обозначает одну из мастерских.

— Я узнаю этот фонтан. Мы только что видели его на фото с моей роднёй! — обрадовано сказала Мэдлин.

За фонтаном начиналась дорожка, ведущая к величественной башне с надписью: Мастерские Времени. А внизу подпись поменьше — Залы Птиц.

— Ух ты! — задрал голову Стурла. — С этой башни, наверное, видно всю территорию.

К ней ремесленники и двинулись.

Везде, где пересекались дорожки, стояли резные указатели: налево «Мастерская Промышленной магии, Природаведения, Оранжереи и Теплицы», за башню: «Площадь Студентов, Библиотека и Мастерская Культуры, стадион и паб «Жёлтый головаствель», направо: «Технические Мастерские с отделением Развития Связи» и «Мастерская Врачевания».

— Как тут не заплутать? — воскликнул, глядя по сторонам, Стурла.

У затянутой плющом башни два входа выходили на разные стороны. Между ними стоял массивный бронзовый памятник. Когда ремесленники подошли к нему, Питер одним махом стёр толстый слой грязи с таблички, и перед ними предстала надпись: «Тибериус Шёлк-Хармус 1397–1472. Основатель и Первый глава Ремесленных Мастерских Стоунбон. Педагог, мастер, философ».

— Заметьте, у него двойная фамилия. И, насколько я помню, тот, кто создал малумов, носит имя Хьюго Хармус. Вряд ли это — простое совпадение, — сказала Пинар.

Ремесленники задрали головы внимательно глядя в лицо металлической фигуры перед ними и пытались разглядеть секреты, которые хранил этот визидарец при жизни.

Тибериус был изображён мужчиной в расцвете сил. С открытым лбом и мудрым спокойным взглядом. Его лицо обрамляли благородные усы и борода завитушками. На плечи Тибериуса был небрежно накинут плащ с меховым подбоем. Под ним виднелись широкие рукава рубахи, обвитые лентами. На груди висели цепи и медали. Из-под пышной юбки философа виднелись его роскошные ботфорты. В одной руке Тибериус держал свитки, другой опирался на длинный меч.

— Посмотрите сюда! — привлекла внимание всех Мэдлин, указав на основание памятника. У правой ноги Тибериуса на каменном постаменте лежал венок с лентой. Он тоже был выполнен в бронзе. И на ленте читалось: Тибериусу Ш.Х. от благодарной праправнучки Розы Руис.

— Обалдеть! Этот Тибериус и твой предок, Марио!!! — хлопнул себя по лбу Стурла.

Марио побледнел, растерялся, а потом сказал:

— Но это значит, что я и с тем самым ужасным Хармусом родственник.

— Зло и добро всегда рядом. Как свет и тень, — коснулась его плеча Пинар, — пойдёмте дальше, нам надо поспешить, а то уже темнеет.

— В какие двери будем входить? — спросил Стурла, разводя руками, — в правые или левые?

И сам же двинулся к правым дверям. Открыл их и растерялся.

— Тут такие странные лестницы, братцы, — сказал он.

За дверью оказался небольшой коридор. Сверху в него спускалась витая мраморная горка. Она заканчивалась

закруглением с низеньким каменным бордюром.

— Здесь нет ступеней. А горка очень крутая. И как по такой подняться? — спросил растерянный Стурла.

— Видимо, никак, — произнёс Тафари, — ты не заметил у двери маленькой таблички. И он указал на заросшую плющом надпись: «Выход».

— Можно подумать, что спускаться без ступеней удобно, — пробурчал Стурла.

Он выскочил из проёма и понёсся впереди всех к другой, левой двери башни. Убедился, что рядом с ней написано: «Вход» и торжественно её открыл.

Этот коридор был наряднее. Его украшали резные колонны и узкие окошечки. И лестница располагалась отдельно за плотной дверью. Но когда её открыли, то оказалось, что за дверцей всего лишь крохотная металлическая площадка, сплошь в резных дырочках, а вверх уходила горка ещё круче той, которую они только что видели. Даже не горка, а практически мраморная витая труба. Стенки трубы тоже были покрыты дырочками воронкообразной формы.

— Здесь просто камера. Нет ни ступеней, ни перил, — сделала вывод, глянув внутрь Пинар.

— И как ты это объяснишь, Тафари? — спросил Стурла так, словно эти лестницы строил Следопыт.

Но он пожал плечами, однако зашёл на площадочку. Дверь за ним захлопнулась, и тут же раздался шум.

Когда ремесленники отворили дверь, то Тафари за ней уже не было.

— Волшебная камера перемещения, — сказал Итиро. — интересно, как она работает?

— И где теперь Тафари? Что за ужас? — растерялась Мэдлин.

— Подожди ужасаться, — успокоил её Леонар и ступил на площадку.

Дверь и за ним закрылась, раздался тот же шум. И Леонар тоже исчез.

Оказалось, что когда закрываются двери, поток сильного воздуха мгновенно поднимает стоящего на другой этаж.

Так визитарцы один за другим переместились на верхний уровень — круглую площадку, из которой двери вели в пустые помещения. По кругу над дверями крупно была выведена уже знакомая надпись: «Залы Птиц». Внизу чуть помельче: «Посещение строго с разрешения главного педагога по ЛВТ — Эхри Доу».

— Что такое ЛВТ? — спросила Мэдлин.

Все пожали плечами. Заглянули за двери. Находившиеся там залы поражали высоченными потолками. И, кроме длинных шкафов в простенках между узкими окнами и нескольких рядов перекладин, похожих на балетные, но только расположенных под самым потолком, больше тут ничего не было. Свободные стены сверху до низу украшали фрески, барельефы и гобелены с изображением птиц. Даже люстры были подвешены в виде косяка хрустальных лебедей, раскинувших крылья.

В шкафах обнаружили аккуратные ряды ярко-синих ботинок с оранжевыми шнурками.

— Столько обуви... Здесь проходили танцы? — предположила Мэд, взяв одну пару.

— Не думаю, — покачала головой Бёрнис, посмотри — эта обувь — ауксил. На каждой написана инструкция: «стукнись каблукками».

Волчица скинула свою обувь и надела ботиночки, которые её показались подходящими по размеру. Бёрнис стукнула каблукками друг о друга. И неожиданно взлетела, но тут же перевернулась в воздухе, повиснув головой вниз. Хорошо, что девушка успела зацепиться за перекладину.

— Это левитирующая обувь! — воскликнул Тафари.

— Мэдлин, ты как птица! — ахнула, всплеснув ручками, Янмей.

— Я тоже хочу, — схватил ближайšie ботинки Марио.

К нему присоединились и Мэд с Янмей. Они не слушали сверху протестов Бёрн, которая беспомощно бултыхалась в воздухе и причитала, что это хуже, чем качка на пароходе.

— Меня сейчас стошнит, — сдавленно говорила она, зацепившись за жердь.

— погоди, помощь идёт, — спешил, затягивая шнуровку, Марио.

Он стукнул каблукками и взлетел, за ним в воздух поднялись и Мэдлин с Янмей.

Взлететь то они взлетели. А парить у них не получилось. Они только кувыркались в воздухе, цепляясь за перекладки, словно беспомощные щенки в воде. Только они пытались встать на ноги, как те разъезжались, а тело переворачивалось вверх тормашками.

— Центр тяжести перемещается, и вам трудно удержать равновесие, — наблюдая за ними, сделал вывод, Леонар.

— Смотрите, а у Янмей, кажется, получается, — указала снизу Пинар на девочку.

Все уставились на Янмей. Она осторожно шла по воздуху, спотыкаясь о невидимые преграды, но всё же, почти ровно. Но как только девочка попробовала парить, тут же перевернулась, повисла, но дотянулась до ближайшей люстры и села верхом на лебедя.

Вдохновлённые успехом Янмей, те, кто были в левитирующей обуви, отпустили опоры, но снова стали

кувыркаться, будто попали в бурный поток воды. Питер заметил у стены тонкую длинную трость с кожаной петлёй наверху. Он взял её в руки и стал помогать тем, кто находился в воздухе. Мэд он ухватил петелькой за ногу и подтащил к ближайшей перекладине. Марио и Бёрнис сами взялись за трость, и Пит помог им доплыть до опор. Кое-как схватившись за поручни, они вцепились в них и больше не отпускали.

— У меня страшно устала спина и сводит плечи, — пожаловалась Бёрнис сверху, — я жутко устала. Не знала, что летать так тяжело.

— Как нам спуститься? Я хочу на землю, — спросила Мэдлин, сидя на перекладине, как на жёрдочке и глядя вниз.

— Вот вам урок — не взлетай, пока не знаешь, как будешь садиться, — ворчливо сказал Стурла.

В одном из шкафов Пинар с Леонаром нашли книгу-инструкцию. Они стали разбираться в её записях и схемах.

— Тут написано, — закричал наверх Леонар, — что на подошве каждой пары есть слово. Его надо назвать и добавить «стоп». И всё.

Тем, кто был в воздухе, пришлось изловчиться, чтобы прочесть, надписи на ботинках снизу. Но, наконец, ребята плавно опустились на пол.

— Не знаю, надену ли я ещё эти ботинки, — сказала Мэд, снимая обувь, — у меня после полёта даже на полу дрожат и разъезжаются ноги.

— Тут, видимо, просто нужна сноровка, — ответил ей Марио.

— И чтобы не было склонности к морской болезни, — добавила позеленевшая от приступа тошноты Бёрнис.

— Пойдёмте искать мастерские, — предложил Тафари, — ведь они нам нужны в первую очередь.

На следующем уровне башни она и обнаружилась. Первая ремесленная мастерская.

Это была огромная круглая комната, разделённая стеллажами. С окнами на все стороны. В пространствах между ними стояли шкафы, кресла, ящики, столы. Всё это было завалено бумагами, чертежами, графиками и моделями неизвестных приборов. Посередине зала возвышался огромный длинный стеллаж странных предметов вроде различных часиков и иных механизмов. Стены опоясывала длинная полка закупоренных жидкостей. На некоторых стоял значок: «Опасно!» Огромное пространство комнаты занимал сложный механизм, состоящий, казалось из тысячи деталей, вокруг металлической дверцы, под названием: «Ловец времени». Открываешь дверку и обнаруживаешь пустую камеру. Сбоку вделаны часы с делениями. Но только показывали они странное время: полциферблата было разделено 24-мя чёрными частями с мелкими делениями, а вторая половина — белыми, но в обратную сторону.

Стурла покрутил стрелки необычных часов, но ничего не произошло.

— Зря ты их трогаешь, — покачал головой Леонар, — мало ли что.

— Видишь же — ничего не происходит, — пожал плечами Стурла, но на всякий случай, спрятал руки за спину и отошёл к ближайшему окну.

А за стеклом было на что посмотреть: последние лучи, освещали потемневшие крыши Мастерских Стоунбона. Отсюда открывался восхитительный вид на огромную площадь, расположенную за Мастерской Времени. От неё разбегались большие и маленькие улочки.

Остальные визидары ходили по мастерской, и рассматривали предметы на полках и стеллажах. Пинар подошла к одному из столов. На нём была табличка с именем: «Эхри Доу». Женщину привлекла толстая кожаная тетрадь, лежавшая посередине стола. Она открыла её. Это были записи, вроде дневника: замечания, размышления, выводы об опытах. Пинар нашла последнюю исписанную страницу.

— Послушайте, — в волнении сказала она, — этот Эхри Доу, педагог левитации, как я понимаю, сделал последнюю запись 14 ноября 1525 года, то есть уже в момент сражения.

Она стала читать вслух:

«Мы надеемся, что малумы исчезнут также, как и появились. Надо просто подождать. Хлоя Дилман вчера предположила, что они — неожиданное порождение Мраков. Я с ней согласен. Но не понимаю, откуда их столько? Скорее всего, из мира людей. Это ещё одно доказательство, что люди — опасны для нас. Что же у них происходит такого, что порождает такие мощные выбросы злой силы?»

Далее в дневник был вклеен обрывок, видимо, вырезанный из книги. На нём было написано:

«Люди светятся по ночам. Но так слабо, что это почти незаметно глазу. Визидары же светятся гораздо сильнее — видимо, из-за своей смешанной природы. Сгустки любых эмоций визидаров превращаются в Бесплотных. Они рождаются от сильных чувств и мыслей, и ими же подпитываются. Если питания нет, Бесплотные постепенно исчезают. Чем сильнее чувства, тем больше фигура Бесплотных. Их существует два вида.

Хорошие эмоции превращаются в бестелесные фигуры, называемые Музами. Они похожи на белые туманные тени вокруг визидача и дарят идеи, силы и ощущение радости. Тёмные эмоции превращаются в чёрных Мраков. Если Мраки окружают существо, оно впадает в депрессию, отчаяние или злобу. С Мраками надо бороться, иначе

они увеличиваются и возвращают в живых дурное, чтобы этим питаться. В Визидарии Муз и Марков видно по ночам».

Тут текст обрывался, и дальше было приписано уже рукой Эхри:

«А ещё их можно увидеть в свете фонаря созданного Изаму Кудо с профессором Иму То. В последние месяцы перед Ужасной Битвой, Изаму утверждал, что Мраки появляются отдельно, сами по себе, без хозяев. Жаль, мы не верили ему, так как Изаму не мог привести доказательств — на листьях синтезии рисунки этих существ не появлялись... Сегодня Изаму ранили малумы в сражении близ дуба Эо Мугна. Он потерял кисть руки и очень ослаб. Надеюсь, перчатка Жобена вылечит его».

— Здесь столько статей и работ! — воскликнула, оглядывая столы Мэдлин, — нам не разобрать их и за неделю!

— Зато мы понимаем, что нам предстоит, — кивнул Жобен, — надо будет разделиться. Каждый станет изучать одно направление и свою мастерскую. В итоге мы поймём, как тут всё работало.

...Спускались вниз по правой лестнице-горке. Просто скатывались, словно с ледянки, и оказывались внизу.

На улице совсем стемнело, но во всём городке сами собой зажглись фонари. Ремесленники обошли башню, прошли мимо Мастерских Промышленной Магии и вышли на ту самую площадь, которую сверху видел Стурла.

Её окружало несколько зданий.

Каждая постройка в Стоунобне была произведением искусства. Любая мелкая деталь в домах была продумана. Даже трубы водостоков нигде не повторялись. Они заканчивались под крышей какой-нибудь фигурой: то это были металлические жабы с распахнутой пастью, то большие ящерицы. И дверные ручки каждый раз были новыми: то они изображали фигурки животных, то рыцарей, то цветы.

Посреди площади был выложен огромный знак визидаров. Видимо здесь когда-то проходили построения студентов, потому что брусчатка была расчерчена на квадраты, а напротив стояла трибуна в виде беседки с покатой крышей. За ней возвышалось огромное здание с колоннами Мастерских Культуры. В доме подалее на первом этаже светилась вывеска: Паб «Жёлтый головадель».

— Ох, пойдём туда? — предложил Стурла, показав на паб, — есть охота.

Он погладил урчащий живот.

— Как будто там тебя ждут и приготовлена еда, — съехидничала Мэд, но открыла свою бездонную сумку и достала пакет спровиантом, который с утра им собрал Носик.

Девушка вручила каждому по сэндвичу, накрытому зелёной массой, напоминавшей сыр.

Стурла с удовольствием надкусил свой, стараясь не думать, что он ест.

Все, не стовариваясь, двинулись к зданию за трибуной.

Они отворили массивные двери и попали в широкий холл. Сразу же раздалось шуршание и высоко над ними по очереди включились длинные ряды люстр, осветившие огромный зал с колоннами. В нём стояло множество столов с диванами, разделявших всё пространство на удобные группы для занятий. От зала расходились коридоры. Направо вела вывеска — «Библиотеки», налево — «Мастерские».

У самого входа на массивных резных ножках располагалась доска объявлений. Она была пуста, но верх её украшали слова: «Магия — наша сила, а знания — это то, что помогает создавать магию. Расти внутренне, можно только обучаясь. Учись бесконечно, в этом не может быть остановки. Тибериус Ш.-Х.»

— Правильная мысль, — кивнул на слова Тибериуса Леонар, — давайте-ка разведем тут всё.

И направился через зал к странным кустам разросшегося растения, которое, как ни странно, сначала никто не заметил. Оно расползлось по полу и заволокло один из углов. Тафари пошёл за Леонаром, остальные разбрелись в разные стороны.

— Как же оно не засохло? — удивился Леонар, глядя на мощные лианы, поднимавшиеся до самого потолка и скрывшие пол стены.

— Видимо, это растение умеет впитывать воду из воздуха. Видимо, ему её нужно не так много, — предположил Тафари, — посмотри, какое оно сухое, — он потрогал широкий прямоугольный лист, больше похожий на пергамент.

Потом Тафари пригляделся и воскликнул:

— Вот это да!

На листьях были сотни изображений зала с разных ракурсов. Тафари с Леонаром с удивлением рассматривали это чудо. К ним подошёл Марио и указал на неприметную табличку сбоку. Тут же стояло пару чёрных коробочек с закрытыми круглыми окошками.

— Вот и объяснение, — сказал им Марио, ткнув в надпись, — он прочёл вслух: «Это самые крупные растения Синтезии Обыкновенной. Когда раскрывается бутон, все листья на ветке впитывают изображение окружающего мира, чтобы спрятать нежный цветок от птиц-пожиральщиков. Если собрать листья синтезии до раскрытия цветка и положить в копиящик, то потом, снимая крышку с окошка, можно получить изображение того, на что его

направишь.

— Видимо, это и есть копиящик, — взял одну из чёрных коробочек Тафари.

— Так вот как они делали те фотографии, которые мы видели при входе в Стоунбон! — понял Леонар.

...В этот затянувшийся вечер ремесленников ждало так много открытий, что они не заметили, как летело время.

Ремесленники бродили по городку, и в каждом здании их ждали находки. Огромные залы библиотеки высотой в пять этажей, забитых книгами. Паб, словно покинутый только вчера, с большим очагом посередине и извивающимся медным головастелем подвешенным под потолком над столами. Скелеты невероятных существ в Мастерской Врачевания и огромные ряды склянок с лекарствами. Необычные классы для тренировок и занятий. Но поразительнее всего были огромные лаборатории, занимающие в каждой Мастерской этаж или два. Они были заполнены удивительными приборами, странным оборудованием и непонятными ауксилами и толами, в которых визидарам ещё предстояло разобраться.

...Когда они вышли из очередного здания на воздух, совсем стемнело. На башне Мастерских Времени висели огромные часы, в виде прозрачного механизма. Они стали бить. Как только раздались первые мелодичные перезвоны, из середины часов медленно вылетел призрак девушки с корзиной в руках. Она плыла вокруг башни, раскидывая за собой лепестки со временем. Числа струились, переливались, падая вниз, и, достигнув земли, исчезали. Сейчас часы пробили двенадцать. Часовая Дева раскидывала лепестки, а Янмей бегала внизу, смеясь и пытаясь их поймать. Но лёгкие листья с числом двенадцать, искрясь, испарялись из рук девочки.

— Пора, наверное, думать о ночлеге, — сказала Пинар, глядя на Янмей, — ребёнку пора спать.

И ремесленники двинулись обратно в административное здание. Там на верхних этажах и, правда, как говорил Марио, обнаружилось больше уютных квартир. С каминами, рабочими кабинетами, гостинными и спальнями. В каждой квартире была своя ванная комната с изящными фаянсовыми ватерклозетами. По стенам помещений висели выцветшие гобелены, окна прятались за роскошными гардинами, на столах осталась посуда из костяного фарфора. Казалось, что хозяйева просто ненадолго вышли.

Мэдлин поселилась в комнате своих предков — супругов Дилманов. Она осмотрела жильё, полюбовалась картинами, открыла шкафы, полные одежды. Нашла спальню, на кровати с балдахином отёрнула пыльную портьеру и увидела на подушке чепец. Мэдлин примерила его. Покрутилась перед зеркалом и вышла в коридор. Туда же из своей комнаты выплыла Пинар, и тоже в чепце:

— Я положила Янмей спать, — сказала она. — Бедняжка устала. Ах, как всё-таки интересно одевались четыреста лет назад.

К ним вышла Бёрнис. Без чепца, но со старинным веером в руках:

— Какие удобные апартаменты были у моих родственников! Словно дворец. Конечно, завтра надо бы вытряхнуть всю пыль, и устроить генеральную уборку.

Остальные с ней согласились. На том и разошлись.

Но на обоих жилых этажах почти всю ночь никто не спал. Квартиры были забиты странными ауксилами. Одни были просты и понятны: самоочищающиеся чайники и снимающие со стен паутину щётки с крылышками. Над другими стоило поломать голову.

Итиро обнаружил у себя горшок с металлическим деревцем, на котором висели объёмные кружевные листья, с фарфоровыми вставками. Листья были похожи на шкатулочки. На них были выведены странные названия. Он коснулся листа «Мятные бусы». Тот раскрылся и из коробочки-листика выросли шоколадные веточки на которых были нанизаны бусинки-тянучки. Тогда Итиро потрогал лист «Сладкие кристаллы». И из него выросли карамельные камни с опаслецирующими жидким стрежнем внутри. На вкус это было бесподобно. Но больше шкатулочки не открывались. Когда он попробовал нажать ещё на один, все кружевные листья побледнели, и на них появилась надпись: «С тебя хватит. Завтра».

А Пинар нашла у себя в комнате круглые спицы. Они были вложены в коробку в которой лежали маленькие металлические паучки. Стоило лишь встряхнуть короб и паучки оживали, вскакивали. И начинали вязать кружевную салфетку. А ещё, у окна на столике под тканью Пинар обнаружила клетку с двумя деревянными кенарами, которые вели себя, как живые. Но накинешь обратно на клетку ткань, и птицы застывали.

Иные ауксилы, найденные ремесленниками, предстояло понять со временем: глиняная лягушка с металлическими шариками внутри в комнате Бёрнис наутро оказалась всего лишь будильником. Она прыгала и, не переставая, звенела, пытаясь увернуться от руки.

Стеклянный шарик на подставке в комнате Мэдлин, внутри которого на холмике стояла копия священного дуба, оказывается, показывал погоду. Над деревом висела тучка из которой шёл дождь, и кружили птицы. Но позже, шар стал ясным, как и небо за окном.

Тафари у себя в квартире обнаружил удивительную спальню — она была устроена в огромной ванной. Видимо, его предок вообще не мог надолго обходиться без воды. Хотя в соседней комнате находился обычный

кабинет, но и там под столом стоял большой фарфоровый таз, в который, опускались ноги. В ванной же на дне лежала куча разномастных прозрачных шариков. Когда включалась вода, эти шарики облепляли тело и, катаясь, приятно массировали.

В кабинете Тафари тоже нашёл много всего интересного. Там он и провёл всю ночь, исследуя записи Делмара Иму То. В одной из папок Следопыт нашёл документы, которые объясняли, почему его переводной ауксил в Визидарии перестал понимать язык зверей. Оказывается, Иму То изучал здешний язык животных тоже, но общались они иначе. Переводчик Тафари был сделан специально для экспедиций в мир людей. «Что ж, — подумал Тафари, — было бы интересно продолжить изучать язык визидарских зверей».

Леонар тоже просидел до рассвета в кабинете своего предка — Абсолон Жобена. Листая его работы, граф каждый раз поражался, сколько успел Абсолон сделать за свои сорок пять лет! Здесь были учебники по акусиловедению в его авторстве, его научные работы по элементарной магической материи, записи по изучению свойств родника Силы.

...Под утро, когда стало тихо, из своей квартиры вышел Марио. Он решил прогуляться, но эта же мысль пришла и Стурле, который поселился в свободной комнате по соседству. Встретившись в коридоре, буквально столкнувшись спинами, они поняли друг друга без слов, и молча пошли к лестнице.

За утро они успели нагуляться, изучив парки и сады Стоунбона, а после отправились готовить завтрак для остальных ремесленников в харчевню «Золотая монета».

Когда часовая дева разбросала листочки с девятками, Марио и Стурла отправились будить остальных. И вскоре все ремесленники заседали за большим столом в харчевне, где из кухни аппетитно пахло едой.

— Мы обошли оранжереи, набрали там фруктов и овощей, — доложил Марио, раскладывая на столах ложки.

— Нашли закрытый Сад хищных растений, — добавил Стурла, принеся хлеб, — его надо бы изучить, но туда так просто не попасть.

— И побывали в Воздушном саду, — ставя на стол миски, делился впечатлениями Марио, — сады в Стоунбоне невероятные. Сложно даже представить растения, которые есть в Визидарии. Вам тоже это надо увидеть.

— Прогулки — это, конечно, хорошо. Но мы наметили великую уборку, — покачала головой Бёрнис, — надо бы в квартирах собрать ауксилы, которые помогают вычищать пыль.

— А, может, всё-таки месячишко отдохнём? Сориентируемся, а потом уж и за уборку примемся? — спросил Стурла, — у меня в квартире не так уж и пыльно.

— Конечно, — подняла глаза Пинар, — у нас пыльно, а у него — нет. Чудеса.

Все стали есть, и на какое-то время над столом повисло молчание. Но за чаем, погружённый в себя Тафари, поправив шапочку, сказал:

— Меня тревожит один момент. И чем больше я об этом думаю, тем больше беспокоюсь, что мы упустили нечто главное.

— Что именно? — прищурился Леонар, приглаживая напояженные волосы и поправляя галстук.

— Если бы вы оказались на месте предков и экстренно покидали Мастерские, но надеялись, что потомки вернуться, пусть и через много лет, что бы вы сделали? — задал вопрос Тафари.

Ремесленники задумались.

— Как минимум, написала бы им записку, — предположила Пинар, подкладывая Янмей кусочек рыбы. — И оставила подробные и чёткие инструкции.

— Вот именно! — поднял палец Тафари, — и это не те инструкции и пожелания, которые вчера передал нам Август Непомнящий. Это было бы нечто, обращённое к нам лично от ремесленников того времени.

— Да, соглашусь, — вклинился в их разговор Питер. — Меня ещё вчера смутила записка на двери. Вспомните, как она начиналась: «остальные инструкции»... Остальные? Значит, где-то есть и основные?

— Где бы они могли быть? — задумался Леонар.

— Наверное, на самом видном месте или, — рассуждал Марио, — или у доверенного лица...

И тут все одновременно догадались:

— У Мака Дара!!! — закричали все хором.

Когда через пятнадцать минут они выскочили из главных ворот, то над ними закружила стая белых голубей, среди которых летал большой голубой попугай. У каждой птицы на шее висел тубус.

— Важные известия, важные известия! — пропел попугай.

Ему некуда было сесть, и он спланировал на широкое плечо Пита. Оглядел всех и сказал:

— Вам бумаги, допускающие до любого места в Визидарии с подписью Августа Непомнящего.

Он вытащил из своего тубуса свиток и подал Питеру.

— Эти именные голуби, — продолжила вещать птица. — Для каждого из вас. У них на лапке кольцо с именем хозяина. Откройте для них воздушные ворота. Для голубиной почты есть специальный домик во внутреннем дворе

Стоунбона. Они сами найдут к нему дорогу.

— Можно своего голубя я заберу к нам в комнату? — спросила Янмей.

— Деточка, — склонив голову, сказал попугай с интонацией Августа Непомнящего, — ты даже не представляешь, сколько от них мусора. И потом, они не любят жить в комнатах. Последнее объявление: скоро к вам приедет обоз с продуктами.

Почтовый попугай взмыл вверх и, расправив крылья, быстро исчез в облаках. Итиро побежал открывать Воздушные ворота, а остальные двинулись к сторожке Мака Дары.

Сначала ремесленники стучали в дверь домика деликатно, потом сильнее. Но никто из сторожки не подавал признаков жизни. И тогда они вошли сами. Старик спал в дальней комнатке. В обнимку с котом.

— Эй, мистер Мак... — аккуратно коснулась его плеча Пинар.

Старик приоткрыл сонные глаза и, не шевелясь, спросил:

— Чего вам?

— Уважаемый Мак Дара, — вежливо вышла вперёд Мэдлин, — скажите, а нет ли для нас каких инструкций?

— Каких таких инструкций? — старик сердито зевнул, потянулся и сел в кровати.

— Указаний, распоряжений, — вступил в беседу Тафари, — вы же вот тут веками записи вели, — он указал на полки, забитые тетрадами.

— Дак это дневники посещений. Кабы я бы должен был чего, разве ж я забыл бы? У меня работа была одна: когда придут Прославленные, тут же отдать им ключ и письмо. Разве ж трудно запомнить два пункта?

— Но, э-э-э-э, любезнейший, вы нам не отдали никакого письма, — вступил в беседу Леонар.

Старик выпучил глаза и стукнул себя по лбу с такой силой, что Мэд испугалась, как бы его голова не отвалилась от туловища. Но Мак бодро вскочил, чуть не запутавшись в грязной длинной ночной рубашке, содрал с себя колпак, замотал шею шарфом и выскочил за штормку в соседнюю комнату. Там он резво бегал, словно ужаленный и боромоча: «Где же? Куда же я его сунул?» рылся в вещах. Он вывалил из шкафа одежду, с многих полок сбросил тетради, перевернул и потряс каждый чутунок и даже заглянул в печь. Потом опять с силой хлопнул себя по лбу и выскочил из дома. Ремесленники вышли за ним. Мак Дара рысцой бежал к священному дубу. И скрылся за его стволом. Визидары переглянулись и двинулись за сторожем.

Когда они зашли за дерево, то увидели, что Мак Дара что-то оторыл между корнями. Это был узелок. Старик развернул тряпицу и гордо, стерея грязь с крышки, подал ремесленникам небольшую шкатулку.

— Я подумал как-то, — сказал он, — что будет очень символично хранить это под священным дубом.

— Да уж, — прошептал сердито Стурла Пинар, — думал он. Еще пару лет, и он бы окончательно забыл, куда что положил.

— Спасибо, — приняв шкатулку, склонил голову перед Мак Даром Леонар.

Старик отряхнул ночную сорочку, вытянулся в струнку и, дважды стукнув кулаком об правое плечо, поднял левую руку.

— Мы — один народ, — добавил он.

Ремесленники вернулись в Стоунбон. Все хотели скорее узнать, что в шкатулке. Они устроились на скамейках рядом с главным фонтаном.

— Ну что ж, пришло время, — торжественно сказал Тафари, — понять, что от нас ждали ремесленники.

Он открыл шкатулку. Там оказался пожелтевший лист синтезии с изображением и письмо. Сначала они стали рассматривать фотографию. Визидары сразу узнали Мастерскую Времени. На снимке группа ремесленников склонилась над столом. Они собирали какой-то прибор. Видимо, тот, кто снимал, застал визидарцев врасплох. Они не успели подготовиться, их лица были напряжены. Только один низкий худой юноша, больше похожий на ребёнка, сидел на подоконнике и улыбался щербатым ртом. Он был невероятно похож на Стурлу. На обороте листа было написано:

«Дорогие наши потомки, если вы читаете это послание, то вы выжили и, значит, план сработал. С надеждой к вам из 1525 года» и дальше шли подписи: Изаму Кудо Воин, Делмар Иму То, Хлоя и Сид Дилманы, Амалия Холл, Роз Руис, Абсолон Жобен, Бю Доу, Аллан Пьер Пинар, Георг Петрюссон и Агнар Гутторсмен Умный.

Пинар взяла из рук Тафари письмо, раскрыла его и стала читать вслух.

«15 ноября, 1425 года.

Я, Делмар Иму То, глава Экстренного Комитета Спасения и главный Ремесленник, обращаюсь к вам, наши Прославленные Потомки.

Нападение на наш мир оказалось внезапным. Мы мгновенно лишились многих. Наш комитет работает над созданием защитной стены. Но в короткий срок для всей страны сделать это не так-то просто. Здесь, на территории Мастерских мы оказались в безопасности — купол погоды, создававший особый климат, стал препятствием для малумов.

План у нас прост: мы решили использовать то, что подрукой и уже создано. Для этого мы отключим Башню

Силы, она больше не будет поддерживать энергию волшебных палочек, но зато создаст купол защиты. Нам это кажется самым быстрым действенным решением. Но мы не знаем, сработает ли эта идея. Сегодняшние опыты показали, что такое силовое поле создать можно, но на его работу влияют многие сильные ауксилы и любые толы. Они искажают, ослабляют или меняют структуру поля, делая в нём дыры. Нам придётся отказаться от сильных магических приборов. Скорее всего, не навсегда, но до вашего прихода точно.

Сейчас мы уходим и закрываем Воздушные и Земные врата, чтобы все материалы, которые наработаны за века, остались хотя бы здесь, на территории Стоунбона, так как он под надёжной защитой собственного купола.

Наш путь лежит на Башню Силы. Сегодня, если мы доберёмся до её верха, установим там усилитель. И он включит над всей страной защитное поле. Погодные столпы, которые установлены на границах Визидарии, будут это поле концентрировать. Это защитит визидарцев от малумов. Мы не успеваем проанализировать кенотафы, появившиеся на месте гибели визидаров у священных деревьев, но точно понимаем, что эти камни тоже образуют некое силовое поле.

После установки защиты на Башне Силы, оставшиеся ремесленники будут высланы из Визидарии и спрятаны в миру, так как пока никто не знает, что будет дальше. Никто не хочет покидать страну, но Совет Визидаров вынуждает это сделать, чтобы окончательно не потерять всех. Когда ремесленники выйдут за пределы страны, защитное кольцо сомкнётся. Но вы должны знать одну очень важную вещь: когда вы вернётесь и вскрыете проход в Визидарию, защитное поле начнёт отключаться и таять. На полное исчезновение поля уйдёт примерно пятьдесят дней...»

Пинар остановилась и посмотрела на остальных.

— Это письмо всё меняет... Правильно ли я понимаю, что с нашим возвращением защита поля слабеет? — медленно спросила она, — потому что поверить в этот ужас, даже уложить его в голове, очень сложно.

— Мы открыли проход неделю назад, — размышлял Итиро, — пятьдесят дней минус неделя...

— А значит, у нас остаётся чуть больше сорока дней, — вскопчил с места Леонар, — чтобы придумать, как укрепить защитную стену и уберечь страну от нападения малумов.

— Мне страшно! — схватилась за щёки Мэдлин.

А Пинар продолжила читать: «Мы всё же надеемся, что малумы за это время просто исчезнут. И вам не надо будет срочно искать выход из ситуации. Но если это не так, то вам придётся поспешить. Мы нашли выход за два дня. У вас времени чуть больше. Все мастерские и библиотеки в вашем распоряжении».

— Что же делать?! — спросила, побледнев, Бёрнис, — у них было два дня, но какой багаж знаний! Мы же не знаем ничего.

— Неправда, знаем, — покачал головой Леонар, — Бёрн, мы столько прошли, и выжили. И потом мы знаем то, чего не знали они — прогресс человеческого мира.

— Но мы же не учёные, — возразила ему Мэдлин.

— Мне кажется то, что они нам оставили, — кивнула Бёрнис на фотографию, — это для нас нерешаемая задача.

— Нет, — упрямо сказал Тафари, — не смей так думать. Борьба надо до конца. Это просто задача со звёздочкой. Но мы обязаны её решить. На кону не наша жизнь. А жизнь целой страны.

Плохие новости и большая работа

— Но всё же, никто не будет спорить, что это очень-очень плохие новости? — сказал Стурла, сняв шлем.

Он протёр лоб от испарины и, пригорюнившись, сел на скамью. Выглядел Стурла жутко озадаченным.

— Соглашусь, — кивнул ему Леонар, — всё это надо обмозговать.

Ремесленники договорились взять час на обдумывание, а после собраться в Мастерской Времени, обсудить предложения и принять решение.

В это время у ворот Стоунбона зазвонил колокол.

Тафари, Леонар, Итиро и Бёрнис пошли разузнать, кого к ним принесло. Когда они отворили центральные двери, то увидели Гарбхана Бирна. Он сидел в повозке, до верху наполненной коробами, корзинами и бочками. Парень оживлённо поприветствовал ремесленников.

— Во всей стране праздник. Такого весёлого Самайна я не припомню. И всё в честь вас. Визидария торжествует! — Гарбхан не замечал серьёзных лиц собеседников.

Соскочив, он стал разгружать телегу, легко перебрасывая объёмные тюки и ящики через бортик. При этом парень продолжал болтать дальше:

— Я привёз вам провиант. Тут всё, что может пригодиться. Ну, и от нас с отцом, — он похлопал большой бочонок, лучезарно улыбнувшись, — травяного эля, который намерен вам понравиться.

— Спасибо, Гарбхан, — поблагодарил Тафари.

А Гарбхан с любопытством заглядывал в открытые двери Стоунбона, тщетно пытаясь что-то разглядеть в темноте коридора. А потом всё же, наконец, заметил напряжённые лица ремесленников.

— Что-то случилось? — насторожился он.

— Э-э-э, возникли некоторые... проблемы. Но, извини, пока мы не можем поделиться, — тщательно подбирая слова, сказал Леонар.

— Понятно, — кивнул парень, — надеюсь, все здоровы?

— Да, — успокоила его Бёрнис.

— Ну и отлично! Остальное решаемо. Теперь то уж тем более, когда вы здесь, — расслабился и снова расплылся в улыбке Гарбхан, — может, поедете к нам в Три ручья на танцы? Развеетесь? Сегодня вечером будут фейерверки.

Прославленные отказались и парень, наскоро освободив телегу, распрощался и поспешно уехал. А ремесленники стали таскать съестное в здание.

— Какой он счастливый, — печально сказал Итиро, схватив тюк с мукой и глядя в след повозке Гарбхана. Она в это время проезжала под тенистой аркой, образованной ветками Эо Мугна, — свечение вокруг него стало гораздо сильнее. Это его надежды и мечты.

— Теперь я знаю, что этот свет от тел называются Музами. Раньше я был не в курсе, — сказал Леонар, подхватив корзину, — а вы все можете расслабить зрение, и видеть их?

— Конечно, — подтвердил Тафари, а потом добавил, — Музы, Мраки — я тоже не знал, как они называются у визидаров. Я их всегда называл — тени души. И всю жизнь исследовал их. Они формируются у всех: визидаров, людей. Разница лишь в том, что человек бесплотных не видит ни при каких условиях, а визидар — если расслабит зрение, то способен ненадолго уловить их в тени. Хотя, конечно, в темноте они видны лучше. Сначала появляется свечение. Если мысли и чувства светлые, то и свечение будет таким, если тёмные, то, что потом будет Мраками, выглядит, как сгустки пыли. После, если это подпитывается изнутри хозяином, то концентрируется, увеличивается. И потом уже живёт самостоятельно. Музы питают создателя и окружающих его. Мраки жрут не только своего хозяина, но и его окружение.

Когда ремесленники перетаскали груз, отправились в Мастерские Времени. Там их уже ждали остальные.

— Что же, у кого какие предложения? — спросил Тафари.

— Я думаю, надо найти все материалы по усилителю, который создали визидары и исследовать Башню Силы, — предложил Леонар, — может, мы попросту сможем завести старый усилитель или сделать новый? Тогда проблема исчезнет сама собой. И мы запустим новую защиту.

— Согласен, — поддержал Итиро. — Заодно надо найти информацию про волшебные палочки, раз Башня создавалась для них. И изучить записи про погодные столпы.

— Отлично! — поддержала Пинар, — и за компанию исследовать работу всех толов, оставшихся в мастерских. Они могут пригодиться.

— Ну, это тыхватила, — возразил её Стурла, — на их изучение точно нужен не один год.

— Ты видела эти конструкции? — кивнул Марио в сторону мастерских, соглашаясь со Стурлой, — на некоторые и взглянуть то страшно.

— Нам нужны помощники из местных. Мы будем заняты, но кто-то должен заниматься хозяйством, — подсказала Бёрнис.

— И, наверное, о проблеме и нашем плане надо сообщить Августу Непомнящему, чтобы держать в курсе Совет визидаров? — посоветовался с остальными Пит.

Все закивали.

— Тогда ты этим, Питер, и займись. Возьми кого-нибудь себе в пару, — попросил его Тафари, — а заодно решите, сколько нам нужно нанять помощников по хозяйству. И продумайте, где их искать.

— Поможешь мне писать письма? — повернулся Пит к сидящей рядом Мэдлин.

Она утвердительно кивнула. В это время в башне над ними забили часы и за окнами посыпались единички.

— Уже час, — поднял палец Стурла, — поедим и приступим к работе.

Он резво вскочил и побежал к лестнице-выходу. Только шлем сверкнул в темноте пролёта, как он уже кричал им снизу:

— Скорее. Я жду вас в харчевне.

После обеда все распределили между собой задания и разбрелись по Мастерским.

Пинар, Леонар и Янмей отправились изучать библиотеку.

Пинар рылась в картотеке и отбирала книги о волшебной палочке, Башне Силы и погодных столпах, которые могли пригодиться. Она отдавала карточки Леонару, по ним тот искал нужную литературу и приносил её Янмей. Девочка пролистывала книги перед куклой Мэй, и она мгновенно запоминала из них абсолютно всю информацию.

Пит с Мэдлин пошли в административное здание: отправить с голубями письма и поискать информацию в тамошних архивах.

Остальные разбрелись по Мастерским изучать работу толов. Хорошо было то, что почти все толы имели сопроводительные таблички. Рядом с каждым прибором находилась инструкция по его включению и применению. Но, к сожалению, оказалось, что толы, по большей части, не работали.

Например, в Мастерских Промышленной Магии, Стурла и Итиро нашли важный тол — плавильный. Он занимал целое помещение. В бумагах было написано, что эта машина обладала особым нагреванием и должна была придавать веществам новые свойства. Также она могла сплавлять некоторые ауксилы между собой.

Плавильный тол представлял из себя огромный круглый стол, над которым висел увесистый механизм. По схеме в инструкции стало понятно, что одной детали в верхней части не хватает — а именно центрального жезла, направленного на стол.

Стурла и Итиро долго рылись в бумагах, которые обнаружили в соседних кабинетах. Итиро даже нашёл информацию, что в плавильном толе изготавливали последним:

— Гляди, — сказал он Стурле, показывая бумаги, — на нём выплавляли железо, которое попадая в воду, увеличивается в сто раз. Видимо, вот его образец.

И Итиро показал ржавые, ничем непримечательные металлические брусочки.

— Интересно, конечно, — ответил ему Стурла, — но зачем мне, допустим, такой шлем, — он постучал по своему, — который, попадая под дождь, в сто раз увеличится? Что мне в таком чане делать?

— Ну, — неуверенно сказал Итиро, — не обязательно из такого металла делать шлемы.

— А что? — засмеялся Стурла, — гвозди? Вообще, странные раньше были ремесленники. Выдумывали порой всякую чепуху... Эх, жаль, что непонятно, как заставить этот тол работать, — добавил Стурла, читавший правила пользования плавильней. — А ведь заводился он раньше, как твоя огненная палочка: заклинанием «Адолебит».

— Постой! — воскликнул Итиро, — я, кажется, понял, что не так.

Он открыл сумку и достал огненную палочку. Итиро подошёл к толу и вставил её в прорезь. Палочка легко вошла в пустующий паз. Тол завибрировал и засветился.

— Уходя, ремесленники вытащили важные части всех толов и унесли с собой, — объяснил Итиро свою мысль, — теперь нам надо только разобраться, что к чему подходит.

В соседней мастерской стоял крупный прибор, больше похожий на подзорную трубу. В нём не хватало одной из линз. Явно увеличительного стекла Марио.

Стурла и Итиро понеслись на улицу разыскивать остальных. Но им навстречу из Мастерских Врачевания бежал Марио. Он размахивал руками и, запыхавшись, кричал:

— Мы поняли!!! В толах не хватает...

— Деталей! — закивал ему Стурла, — мы тоже об этом догадались.

Ремесленники собрали все толы, которые принесли с собой и остатки дня провели, совмещая их с приборами в мастерских. К концу дня в огромном зале Мастерских Промышленной магии, заработал лёгкий, но сильный подъёмный кран, когда в него вернулась подвеска Пита и в одно из отверстий машины ремесленники вставили свирель. Теперь надо было лишь тянуть за рычаги и задавать направление.

Свистку Пинар нашли применение тут же, в соседней мастерской. Он подошёл в Большую Машину Мощи.

Мелок надо было вставить в металлический циркуль, бегающий по жёлобу вокруг этого агрегата. Когда завели Машину Мощи, мел стал чертить пунктиры, а всё в Стоунбоне вдруг оживило: заработали фонари в длинных коридорах и переходах, забились фонтаны, по трубам потекла вода, обогревающая помещения. В оранжереях включились распылители воды и между рядами растений побежали рыхлительные машины. Потом ремесленники обнаружили, что в харчевнях включились печи, выпекающие хлеб — только засыпай продукты в нужные желоба.

В Мастерских Врачевания нашла своё место перчатка Леонара. Там ремесленники обнаружили большой хрустальный короб. Из объяснительных записок они узнали, что перчатку надо поместить над хрустальным ложе на специальном держателе, изображавшем руку. А потом лишь направлять на нужное место. И начинался процесс заживления. В этой же мастерской ремесленниками был обнаружен большой камин, подписанный «Фениксов очаг». На нём сверху отсутствовали две таблички. Туда прекрасно подошли плитки Пинар с её домашнего камина.

В Мастерской Природоведения пригодился браслет Стурлы. Его пришлось разобрать и вложить топорик, колокольчик и шлем в нужные выемки плоской поверхности. Так ремесленники восстановили тол, который не только находил металлы и песок, но ещё и преобразовывал их из других материалов, а так же создавал различные вещи: монеты, кирпичи, посуду, украшения.

Только большая машина, занимавшая огромное пространство в ремесленной мастерской башни, тот самый «Ловец времени», который по прикреплённому к нему описанию, мог мгновенно состарить или обновить неживую ткань, визидары не смогли завести. Не понятно было, чего не хватало этому толу.

— Может, этот тол просто не завершён? — предположил Стурла, — помните, как та Дверь-во-всё в Мастерской Архитектуры волшебных сооружений, которая вела в стену? Рядом с ней были чертежи, по которым стало ясно, что это нечто, недоработанное до конца. А ведь сколько мы с ней возились, пока не поняли, что она просто не доделана до конца?

На том и порешили — «Ловец времени» просто недостроен.

Когда уставшие, но вдохновлённые открытиями ремесленники собрались у фонтана «Семи Мастерских», сверху от Воздушных ворот к ним спустилась стая почтовых голубей, а за ними влетел синий попугай, которого они уже видели. Птицы расселись на скамьи, на парапеты и терпеливо ждали, когда визидары снимут письма с их шей. А попугай недовольно покрутился в воздухе, но опять не найдя для себя подходящей жерди, всё же решил приземлиться. И выбрал для этого руку бронзового Тибериуса.

Пит подошёл к птице и вытащил из его тубуса письмо от Августа и стал читать вслух:

«Уважаемые Прославленные! В своём письме вы выражаете глубокую тревогу за Визидарию. Сначала я был расстроен известием, что стена защиты разрушается, и даже решил созвать экстренное заседание Совета Визидаров. Но потом решил не делать этого. Может быть, вы ошибаетесь? Слишком эта новость чудовищна. Зачем нам пугать жителей? И если об этом узнает Совет, то за три дня узнает вся страна. Может начаться паника и хаос. Прошу вас всё тщательно проверить и только потом, с моего разрешения, объявлять кому-либо об этом. Пока же обращаюсь к вам с просьбой не распространять сию информацию, ибо пока она не проверена, считается мною ложной.

И всё же, даже если это, хотя бы частично правда, я, помня те чудеса, которые вы сотворили при мне, верю в вашу силу и в то, что вы быстро решите эту проблему.

Август Непомнящий».

Далее следовали три печати: круглая, ромбовидная и овальная.

— Что же, — вздохнул Леонар, — наверное, в его словах есть доля логики. Хотя я бы предпочитал вести честную и открытую игру. Скрывать что-то от народа, как показывает человеческая история, дело неблагодарное.

— Нам придётся подчиниться. Он лучше знает ситуацию в стране, — сказал Питер.

— А что принесли голуби? — спросила Янмей.

Их прислали жители со всех концов страны. Оказывается, везде заработали мельницы, включились многие машины, простоявшие без движения не одну сотню лет. Визидары благодарили Прославленных ремесленников за это чудо. Не обошлось без казусов и курьёзов — в некоторых письмах были смешные истории про то, что многие и не знали об истинном предназначении вещей. В одной деревне из печи для хлебов давно сделали шкаф. Представьте мирно обедавшую семью визидаров, когда за их спинами вдруг задребезжала мебель, растворились дверцы и на них выехал поднос с булками на которых сверху громоздились хозяйские шапки. В другом селении — в насосную машину, уходящую под землю, много лет скидывали старые сапоги. И когда она неожиданно включилась, то забросала округу стоптанной обувью. Но потом из неё полилась чистойшая вода, которой в тех краях не хватало. Она побежала по забытым фигурным желобам, разлилась по высохшим каналам, поливая посадки. И оказалось, что в селении, каждый дом окружён водой. Похожих историй было немало. В домах появилось тепло, заработали старые мельницы, зажглись фонари даже там, где о них и позабыли.

Проголодавшиеся ремесленники двинулись в харчевню, читая по пути письма. Расселись за столы и тут Пинар заметила:

— Друзья, посмотрите, какими вы окружены Музами! Сразу видно, что целый день работали головой!

И, правда, если расслабить зрение, было видно, что вокруг каждого ремесленника сиял свет. Тафари достал свой фонарик, и включил его — Музы в его свете были видны чётко, как струящиеся существа.

— Гляди-ка, Пит, — воскликнул он, — твои Музы самые большие и мощные.

— Так и я не маленький, — засмеялся великан.

За ужином Стурла опять напомнил про Сад хищных растений.

— Давайте сходим туда. Может, нам оттуда что-то пригодится, — пытался найти он аргументы, уж так ему было, видно, любопытно, что там скрывается за каменными стенами.

— Ладно, после ужина я с тобой схожу, — сказал Питер.

— И я с вами, — добавил Марио.

— Я тоже, — поднял над головой связку ключей Итиро, — открою вам туда двери.

— Ну, уж и я за компанию, — вздохнул Тафари.

После ужина наспех собранная экспедиция отправилась в дальний угол Стоунбона, где возвышалась огромная стена с глухой железной дверью. Итиро открыл её одним из ключей, найденных в центральном здании. За дверью оказалась большая комната со стеклянной стеной. В ней была ещё одна дверь, ведущая в сад. И тут же висела грозная табличка: «Без защитных костюмов не входить!!! С дорожек не сходить!!!» И ещё куча правил мелкими буквами.

— Ух ты, как всё серьёзно, — глядя в мутные окошечки на качающиеся заросли, восхищённо проговорил Стурла.

В комнате, где они находились, располагались стеллажи и скамьи. На полках стопками лежали аккуратно сложенные серые костюмы. Они были сшиты из странной тонкой, но прочной ткани. Нашлись все размеры. Даже на Питера.

Надев на себя костюмы и приготовив оружие, визидары вышли за стеклянную дверь.

Видимо, без ухода сад давно потерял форму и разросся. Многие дорожки заволокло полностью, и они скрылись за пышными травами и кустами. Но большие яркие таблички с названиями и описанием растений всё же было видно. И на каждом углу был план сада с указаниями расположения всех цветов, деревьев и кустов.

Чего тут только не было! Ремесленники сразу узнали заросли Змеёвника, с которым встречались под домом Пинар. А какой-то Удушник, полностью погиб — от него осталась только надпись и куча мусора. Здесь были камни, брызгающие ядом, как гласила табличка рядом с ними. И ромашки с острыми, как лезвия лепестками.

Но самые интересные виды оказались в отдельном отсеке оранжереи. Она была закрыта и Тафари отговорил туда идти Стурлу, который рвался за укреплённую дверь.

— Не надо, — покачал головой Следопыт, — это может быть слишком опасно. Посмотри, кажется изнутри билось какое-то растение. Может оно и сейчас там притаилось?

И Тафари показал на выбоины покрывавшие дверь. А Итиро указал на список спрятанных за нею растений.

— Смотри, Стурла, — сказал он, — ты готов встретиться хоть вот с этой Ужастией?

И Итиро ткнул пальцем в рисунок красивого серебряного цветка.

Никто не заметил, что под мощной дверью есть маленькая щель. Возможно, она образовалась от времени. А, может, постаралось какое-то растение. Но пока Стурла припирался с Тафари, никто не увидел, как одна из лиан, покрытая зелёным мехом и унизанная крупными серебряными бутонами, вылезла сквозь прореху и тихо подползла к Итиро, стоявшему к двери ближе всех.

Стурла поднял глаза и увидел ту самую Ужастию, о которой ему толковали.

Растение поднялось в воздух за спинами визидаров, оцетинилось, развернуло листья и раскрыло с десятков цветков, показавших сотни острых зубов, бросилось на Итиро. Питер, увидел это в последнюю секунду. Он успел схватить Итиро за руку и отдёрнуть. И цветки успели лишь срезать пару длинных прядей волос и вцепились только в Музу парня. Ужастия обволокла её и с чавканьем мгновенно сожрала.

Ремесленники тем временем отбивались от других её веток, а Ужастия пыталась, обхватить их своими лианами и вгрызться им в тело цветками. Но в основном хватала только Муз вокруг них и пожирала их.

Наконец, защищаясь и отступая назад, ремесленники заскочили обратно в раздевалку. И лианы Ужастии бессильно стукнулись об её толстое стекло.

— Жуть, — сел на скамью Стурла, расстёгивая на грудикостюм и вытирая пот со лба, — знаете, я сейчас понял, что ботаника это не моё.

Когда ремесленники возвращались в административное здание, Тафари сказал:

— Вы согласитесь, что пока нам не стоит больше ходить в Сад хищных растений? Нам и без этого забот хватает.

Остальные ему покивали. В это время башенные часы пробили девять вечера. И Часовая Дева пошла по новому кругу. Тафари вдруг остановился, глядя на то, как она сыпет листики и сказал:

— Я, кажется, знаю, чего не хватает в «Ловце времени» — песочных часов Мэдлин!

— Точно! — подпрыгнул Стурла, — как я сам не догадался?

Перед тем, как разойтись по комнатам, компания пошла к комнате Мэд. Они услышали, что девушка то ли тихо поёт, то ли с кем-то разговаривает, и постучали в дверь.

До них донеслось, как Мэдлин подбежала к двери и глухо спросила:

— Кто там?

— Мэд, мы вернулись из Сада хищных растений, — сказал Тафари, — знаешь, кажется, мы поняли, что в «Ловец времени» нужно вставить твои часы. Ты не против, если мы их заберём?

— Э-э-э, мне сейчас не очень удобно их искать, — сдавленно через дверь сказала Мэдлин, — давайте отложим это. Ведь не сейчас же вы пойдёте в мастерскую?

— Логично, — кивнул Питер остальным. А потом, тронув дверь, добавил чуть нежнее, — спокойной ночи Мэд.

Остальные переглянулись, но улыбаться не решились, хотя с некоторых пор видели, как Питер смотрит на девушку.

— Спокойной ночи, — вздохнула за дверью Мэдлин.

И все разошлись по квартирам.

...Утром, лишь рассвет чуть разогнал мглу, как в колоколец у двери Стоунбона позвонили. Кабинет Тафари, в котором он дремал, находился как раз над центральным входом, поэтому он, услышав шум, высунулся в окно первым. На улице обнаружился Носик. Он сидел на гнедой лошадке, а ещё одну, чёрную с белой мордой, держал за верёвку.

— И что ты тут делаешь? — невежливо спросонья кинул Тафари. Но тут же осёкся и добавил, — доброе утро, Носик.

— Приветствую тебя, Тафари, — радостно помахал шапкой Носик, — так я вчера получил голубя с приглашением на работу и не стал медлить. А сразу выдвинулся в путь.

Открылось окно этажом выше, и оттуда высунулась лохматая голова Пита.

— Привет, Носик, — помахал парень гостю, — рано ты!

— Боялся опоздать. Да ещё вот привёл вам чёрную кобылку, она из тех, которые раньше летали. Она паслась тут недалеко, за Эо Мугном. Видно, отбилась от стада.

Тафари спустился, открыл Носику дверь и проводил его в студенческий корпус, который стоял неподалёку. Отворив дверь, сказал:

— Выбирай любую квартиру. Ты здесь пока один во всём здании.

— Я думаю, это ненадолго, — привязав лошадей к забору, сказал Носик.

И оказался прав.

Только Тафари поднялся к себе и лёг, как снова раздался звук входного колокольчика. Это приехала повозка из Трёх ручьёв. В ней сидел Гарбхан с парой визидарцев.

— Я решил, раз впереди зима и на ферме не так много дел, поработать на вас, — спрыгнув с телеги, весело сказал Гарбхан.

Пришлось будить и Мэдлин, потому что именно она занималась рассылкой писем с предложениями о работе. Она наскоро оделась, и пошла разговаривать с приехавшими. К ней помочь спустился Питер. Пришлось даже завтракать без них — они наскоро хлебнули по чашке таты и помчались принимать людей дальше.

Целый день Мэд с Питом встречали вновь прибывших, проводили беседу, многих отправляли обратно, а те, кто оставался, получал от них инструкции и задания.

Остальные ремесленники разделились на группы и разошлись по Мастерским, чтобы продолжить искать решение главного вопроса. Пинар с Леонаром и Янмей опять устроились в библиотеке. Марио, Стурла и Итирс сидели в Мастерской Архитектуры волшебных сооружений, пытаясь найти все материалы о том, как устроена Башня Силы. Бёрнис и Тафари взяли на себя роль объединять все работы и поэтому целый день носились от корпуса к корпусу.

К вечеру Стоунбон ожил — загорелись окна в башенках здания для студентов, кто-то из нанятых работников уже вычищал мусор, кто-то подрезал и подвязывал в оранжереях растения.

Как только Часовая дева раскидала листочки с числом двадцать, ремесленники собрались в Зале Солнца.

О, это был не зал! А произведение искусства. Обнаружил его Тафари. Причём, совершенно случайно. Е Мастерских Архитектуры. Даже удивительно, что такое большое помещение они не нашли раньше — к нему вела небольшая галерея из основного коридора, которая заканчивалась массивными дверями футов в шесть высотой. Когда ремесленники проходили там впервые, всем показалось, что это обычный запасный выход. Но когда Тафари перепутав повороты, и, желая сократить путь, решил выйти через массивные двери, украшенные солнцем, на улицу, то был несказанно удивлён, обнаружив за ними не улицу, а огромный сверкающий зал.

В помещении был высоченный куполообразный резной потолок. В центре с него свисала большая витражная люстра в виде солнца. Его лучи, разбегаясь, заканчивались у готических колон, которые поддерживали потолок по бокам. Верх колонн был богато украшен изящной лепниной и перламутровой плиткой, а по низу создатели их отделали узорчатыми изразцами. Сводчатые окна по двум противоположным сторонам откидывали отсветы на огромную овальную площадку посреди зала. Её окружали ступенеобразно возвышающиеся ряды сидений.

Когда онемевшие ремесленники рассматривали резьбу и мозаику в Зале Солнца, Леонар, поднял трость, и, указав ею на люстру, изрёк:

— Всё это мне очень напоминает увеличенную копию Дворца музыки в человеческой Барселоне. Я был на его открытии, и у людей были такие же лица, как у вас.

Визидары спустились на центральную площадку, и расселись вокруг круглого стола.

— Что же, — подводя итог дня, сказал Тафари, — сегодня мы узнали немало. Мы сможем восстановить защитное поле, если те накопители, что находятся в Башне Силы, в порядке. Они запускаются механизмами мельнички от родника Силы в холме под башней. Кстати, нам очень помогла твоя кукла, Бёрнис. Она об этой Башне Силы, теперь, благодаря книгам из библиотеки, знает всё.

— Эта Игла сапожника — удивительное сооружение, — добавила Пинар, — мы с Леонаром и моей ласточкой Янмей узнали, как же делали волшебные палочки. Они состоят из пяти элементов. И важнейшую роль и в их создании, и в поддержании их силы играет сама Башня.

— Значит, — подвёл итог Леонар, — завтра у нас экспедиция на эту самую Башню Силы. Чтобы осмотреть её и понять, как действовать дальше. Мы должны будем подняться на самый её верх и проверить, в каком состоянии усилитель сейчас.

— Что мы должны обсудить ещё? — спросил Тафари.

— В Стоунбоне появилось 23 новых помощника. Они уже приступили к своим обязанностям, — встала и гордо доложила Мэд, — некоторых из них вы знаете. Например, мы взяли на работу Носика и Гарбхана.

— Вы с Питом молодцы, — похвалил их работу Тафари. А потом добавил, — кстати, Мэдлин, ты принесла свои песочные часы? Мы бы могли прямо сегодня восстановить «Ловец времени».

— Э-э-э, — девушка сильно побледнела.

— Что случилось? — вскинула брови Бёрнис, — Мэд, не темни!

Но Мэдлин застыла, низко склонив голову.

— Не спрашивайте меня, пожалуйста, о них, — почти шёпотом сказала она.

— То есть как это — не спрашивайте? — залез на стул Стурла, который, как все поняли, делал та всегда, когда хотел показаться значительнее, — мы, кажется, одна команда?! Разве нет?!

— Ты разбила их? — предположила Пинар.

— Нет, — покачала Мэд головой, — но говорить что с ними, я не буду.

Все повскакивали с мест, выдвигая версии случившегося и уговаривая девушку рассказать. А Мэд так и стояла, закусив губу. Казалось, ещё мгновение, и она расплачется.

— Пойдите, прекратите шум, — попросила Пинар, и все разом замолкли.

А она обратилась к Мэдлин:

— Девочка моя, понимаешь ли ты, что это не совсем твоя вещь? Ну, то есть твоя конечно, но она нужна всей стране. Наши толы, весь Стоунбон, принадлежат Визидарии. Сейчас она в опасности и нуждается в нас. Мэдлин, пожалуйста, скажи, где находятся часы?

Мэд подняла глаза, оглядела всех испуганно и тихо сказала:

— Хорошо, я расскажу. Но обещайте не ругаться.

— Очень интересно, — сел на стул Стурла, насупившись, и скрестив на груди руки, — а что, так можно было всем? Твори, что хочешь. Главное — проси не ругаться после?

Леонар, глянув на Стурлу, обратился к Мэдлин:

— Мы постараемся не выражать эмоции сильно и бурно.

Мэд села, сомкнула руки на коленях, и, уставившись в пол, стала рассказывать.

— Помните, когда мы прошли в дверь колодца и попали в Визидарию? А потом долго блуждали? А потом пили зелье Пинар?

Она замолчала и подняла глаза. Её руки от волнения беспрестанно двигались.

— Ну, — поторопил её Стурла.

Его пихнула ногой Бёрнис, но он не обратил на это никакого внимания.

— Так что случилось то? — спросил он.

— Помните, мы не могли найти дороги, дошли до долины, увидели вдалеке развалины с башней и там устроились на ночлег? И я ещё наутро сказала, что мне снился сон про деву. И она подсказала мне дорогу...

Мэд ещё раз обвела всех напряжённым взглядом и выдохнула:

— Дева мне не снилась. Она приходила к нам.

— Что?! Как?! — опять вскочили остальные. — И ты не сказала нам такой важной вещи?!

— Но дева просила не говорить вам ничего. Она... боялась, что вы совершите ошибку. Что не слушаетесь её, — помотала головой Мэдлин.

— Как ты могла?! — бормотал Стурла, бегая вокруг стола.

— Пойдите, сядьте, — попытался успокоить всех Леонар, — давайте выслушаем Мэдлин. Это что-то очень важное, касающееся нас всех.

Ремесленники сели, а Леонар обратился к девушке:

— Мэд, расскажи всё по порядку. Не торопись. Мы тебя слушаем. Почему мы бы не послушались деву?

— Её зовут Алаун, — сказала, виновато глядя исподлобья, Мэдлин, — она пришла в лагерь из той самой башни, которая называется Палец ведьмы. Там, в подземелье разрушенного замка, живёт Хьюго Хармус, его помощники консунты, малумы. И Кармы, созданные из Мраков, они добывают питание малумам.

— Хьюго Хармус?! — обомлел Тафари, — тот самый?

— Алаун его пленница, — кивнула Мэд. — Она тоже консунт, то есть сшитая из частей. Хьюго Хармус шивает тела визидаров и оживляет их. Тогда они напрочь теряют память и становятся покорными. И Алаун тоже не помнит, кто она и откуда... Мне она показалась доброй и умной девушкой. И я ей поверила.

— Чему ты поверила? — опять вскочил Стурла, но другие его остановили.

Мэд продолжила:

— Знаете, она рассказала, как жила там, в подвалах, все эти ужасные столетия. Хьюго Хармус всю жизнь собирал библиотеку ремесленников. Она же самостоятельно, тайно от него, изучила её. В книгах Алаун искала рецепт оживления консунтов, чтобы помочь им и себе и когда-нибудь уйти из этого подвала. Но, к сожалению, рецепта она не нашла — в учебниках не было ни слово о консунтах. Зато незаметно она стала настоящим ремесленником. Хьюго собрал у себя ауксилы со всей округи, и Алаун научилась в них неплохо разбираться. Среди ауксиллов она нашла сонную арфу, чьи звуки нас засыпили, когда Алаун пробралась в лагерь...

— О, я, кажется, слышал звуки этой арфы, — припомнил Тафари.

— Но арфа засыпляет лишь на то время, пока на ней играют. И она никак не действует на малумов и консунтов, — продолжала рассказывать дальше Мэдлин, — Алаун разбудила меня, чтобы рассказать о том, что Хьюго следит за нами сквозь Предсказательный Глаз дракона и знает, что мы скоро подойдём к городу Чудотворцев. Она попросила у меня песочные часы, сказав, что только с их помощью может спасти нас.

— И ты поверила?! — схватился за шлем Стурла, — о, скандинавские боги! Вы слышали о такой глупости?! Ремесленник отдал тол врагу!

— Но она объяснила, что только так сможет помочь нам. Давным-давно Алаун нашла среди обломков замка перстень Воли, который принадлежал матери Хьюго. Она показывала мне его. Это массивное украшение с выпуклым красным камнем. Внутри него на металле надпись: «Obedire». Это означало «повинуйся». На кого покажешь пальцем с этим перстнем и произнесёшь заклинание, тот тебе подчинится. Но Алаун обнаружила ещё одну надпись. На самом камне. «Adunare», что значило — объединяйся. Алаун нашла об этом перстне запись в одной из книг, и поняла его истинную силу. Этот перстень оказался не ауксилом, а толом. Хоть и простейшим — он мог объединить любые ауксилы меж собой. Но всего лишь раз. Произнесёшь над ауксилами его заклинание — «Адунаре!» и перстень сольётся с ними и соединит собой. Алаун увидела в Глазе Дракона мои часы, о которых тоже читала, и решила, что если получит их, то сможет, соединить их перстнем с арфой. И созданный ауксил заставить заснуть всех жителей замка и этим дать нам время спастись. Алаун указала мне путь к воротам Визидарии, но наказала лишь одно — чтобы мы дошли туда за шесть часов. Она посчитала, что именно это время сможет удерживать сном замок и его обитателей новый ауксил из часов и арфы. И я ей это пообещала.

— Какая, действительно, добрая эта Алаун! — язвительно воскликнул Стурла.

— Но она же помогла! — возразила Мэдлин.

— Не обижайся, — медленно сказал Пит, — но это мог быть план. В борьбе часто жертвуют малым, чтобы получить большее.

— Что большее? — не поняла Мэдлин.

— Возможно, враг пожертвовал нами — кучкой ремесленников, чтобы получить всю Визидарию. Это называется стратегия, Мэд, — качнул головой Питер.

— Но, но... — Мэдлин не нашла, что возразить.

А потом она вдруг расцвела и добавила:

— Но вы можете спросить у неё сами. И убедиться в том, что Алаун не желает нам зла.

— Как? — вступил в разговор Итиро.

Мэд торопливо раскрыла сумочку и, порывшись в ней, достала пудреницу. Это была круглая плоская коробочка — зеркальце с крышечкой.

— Вот, — раскрыла она его и показала ремесленником, — это дала мне Алаун. У неё такая же пудреница. Через эти зеркала мы можем видеть друг друга и разговаривать.

— Час от часу не легче! — высказался Марио, которому тоже, видимо, не нравилась вся эта история. — Враг ещё и следит за нами. С твоей же помощью!

— А почему в зеркале ничего не видно? — спросила Янмей, заглядывая в черноту, отражавшуюся в серебряной глади.

— Зеркала работают только, когда оба открыты, — объяснила Мэд. В него надо постучать. Своё зеркало Алаун держит в кармашке. Когда я стучу, она чувствует вибрацию. И если она свободна и далеко от Хьюго, то всегда отвечает.

Мэдлин аккуратно постучала пальчиком по чёрному зеркалу. По стеклу забегали блики, а потом ремесленники увидели в отражении девушку невероятной красоты.

— Как же я рада, Мэд, — сказала она, — что ты освободилась и можешь со мной поговорить. У меня для тебя новости...

— Алаун, постой, — перебила её Мэд, — я не одна. Мне пришлось всё рассказать остальным.

Зеркало резко потемнело — на той стороне моментально захлопнули крышечку.

— Ну, вот и всё, — кивнул Марио, — теперь всё понятно.

— Да что тебе понятно? Девушка просто испугалась, — вдруг поддержала подругу Бёрнис. — Вы видели вокруг этой Алаун белое свечение? Она — хорошая.

— Я не видел, — качнул головой Леонар, — скорее всего, это просто свет, который бил из-за её спины. Но выводов скоропалительных я бы тоже не делал. С Алаун надо пообщаться. Она может быть опасна.

— Знаете, мы как-то говорили с Алаун, что делать, если наша тайна раскроется, и вы обо всём узнаете. И тогда она сказала, что будет нам помогать, если вы ей поверите и возьмёте в свою команду. Но попросила, чтобы тогда я отдала это зеркало Тафари. Видимо, как самому главному ремесленнику. На, держи, — протянула Мэдлин плоскую коробочку Следопыту.

В этот момент зеркальце завибрировало. И Тафари раскрыл его.

— Извините, — сказала в отражении Алаун, — Я испугалась. Всё это было очень неожиданно для меня.

— Ага! Не ожидали от нас такого? Значит, мы больше не отражаемся в Глазе дракона? — схватив руку Тафари, хищно пророкотал Стурла, заглядывая в зеркальце.

— Нет, не отражаетесь, — покачала головой Алаун, — защитная стена скрывает вас. Глаз теперь мутный. И это здорово, потому что Хьюго ничего нового про вас не знает.

Она помолчала. А потом добавила:

— А вы знаете, что защитная стена тает?

Тафари хотел ей ответить, но его опять опередил Стурла:

— Мы то знаем, — язвительно сказал он. — А вот вы откуда знаете?

— Нам об этом сообщил профессор... Профессор Джейкоб. И его помощник Тим. И Малыш, и ещё другие... У Хьюго в лаборатории много умных консунтов. Они издавна следят за стеной тумана. И заметили, что она постепенно уменьшается. Профессор вычислил, что стена разрушится где-то через месяц. С людской стороны, а потом будет таять уже в сторону Визидарии. Пока не исчезнет совсем... Они готовят новую битву. Тафари, — обратилась она к Следопыту, — поверьте мне. Я бы хотела вам помочь.

— Хорошо, — нахмурился Тафари, — сейчас мы распрощаемся с вами, Алаун. Но если вы хотите оказать помощь, то мы будем только рады. У нас тяжёлые времена. До свидания.

Он захлопнул крышку. И окинул взглядом остальных.

— Надо во всём этом разобраться, но мне Алаун тоже кажется честной. Тем более, если бы не она, мы, действительно, погибли бы, не добравшись до Визидарии. И ещё. Завтра мы разделимся на группы: Стурла, Итиро Питер и я идём в башню Силы на разведку. Остальные останутся в Мастерских и продолжат изучать документы. А сейчас всем нам надо поесть и отдохнуть.

За разговорами ремесленники гурьбой вышли на улицу. И тут же наткнулись на Носика. Он держал в руках обрывок верёвки и, вглядываясь в гущу большого дерева, с кем-то разговаривал.

— Ну, иди же сюда, — жалобно обращался он к кому-то невидимому.

— Носик, старина, что ты здесь делаешь? — спросил его Стурла.

— Эх-х-х, братцы, — вздохнул Носик, — та чёрная летающая кобыла то оказалась какой-то бешеной. Сначала вела себя тихо, а потом сорвалась с привязи да как вспрыгнула на дерево... дурёха. И как её оттуда выманить?

Из густой листвы над ними раздалось тихое ржание.

— Кажется, она просто напугана, — сказал Леонар.

Он подошёл к дереву ближе. Вытащил из кармана печенье, задрал голову и, похлопывая по стволу, тихо

позвал, растягивая гласные: «А-ан-си-о, а-анси-и-и-о-о».

— Я читал об этих лошадях в одной визидарской книге, — объяснил Леонар свои действия остальным, — их подзывали именно так. Ансио. Анси-о-о-о...

Сначала с дерева посыпались мелкие ветки с листьями, а потом к ним легко спрыгнула чёрная лошадка с белой головой. Она осторожно, одними губами, взяла с ладони Леонара печенье, а он ласково потрепал её за гриву.

— Хорошо, что я взял с собой перекус, — улыбнулся Леонар, — вот он и пригодился.

А потом он обратился к Носику:

— Можно я возьму её себе? Может быть, я приручу эту породу заново?

— Забирай, — облегчённо выдохнул Носик, — я с ней намучился.

Леонар взял лошадь за обрывок верёвки и потянул к конюшням. Остальные отправились в «Жёлтый головастель».

После ужина Тафари утащил в свою комнату большую кружку хиларитаты, и это означало, что спать он не собирается. Но, как оказалось, выспаться опять было не дано не ему одному. Лишь Часовая дама, пройдя по кругу, возвестила о полночи, во входной колокольчик позвонили.

Следопыт, общавшийся в это время с Алаун, которая рассказывала ему о работах команды Хьюго, с досадой оторвался от беседы и выглянул в окно. У двери никого не было. Тишина и покой. Только корявые ветви священного дуба, подсвеченные полной луной, исчертили дорогу длинными тенями. Прислушиваясь, Тафари, подождал, потом вернулся к столу и, глядя в зеркальце, сказал Алаун:

— Наверное, это ветер.

Но звонок повторился. Снова и снова.

Из окон высунулись все визидары, чьи спальни выходили на эту сторону. Они непонимающе крутили головами и спрашивали друг друга, что происходит.

— Да что вы, не видите его, что ли? — зевая, раздосадовано спросила Бёрнис.

— Кого? — уточнил у неё Леонар, крутя головой.

Но Бёрнис не стала отвечать. Она исчезла в своём окне.

Бёрнис натянула халат и спустилась вниз, ко входу, где её нагнали Пинар с Леонаром и Тафари.

Отворив центральные ворота, ремесленники увидели, что на длинном языке колокольчика, вцепившись в него всеми четырьмя лапками, висит бурозубик. Его несчастная мордочка была мокрой и взлохмаченной, одежда грязной и растрёпанной.

— Помогите, — тихо сказал он.

И, теряя сознание, соскользнул с языка. Он упал в руки подхватившей его Бёрнис.

— Эй-эй, держись, — обратился к бурозубику Тафари, аккуратно трепля его пальцем по мохнатой щёчке, чтобы привести в себя. — Как ты увидела его? — бросил он удивлённо Бёрнис.

— Так ведь полнолуние, — кивнула на луну Бёрн, — в эти дни я всегда лучше вижу.

В это время бурозубик пришёл в себя и шумно втянул воздух.

— Сейчас мы вам поможем, — успокоил его Леонар, — давайте внесём его внутрь, — обратился он к остальным.

— Нет-нет, — забеспокоился бурозубик, — помощь нужна не мне. А моей дочери. Спасите её.

— Где она? — уточнила Пинар.

— У ступеней лестницы, за камнем. Я оставил её там.

Бёрнис передала бурозубика Тафари, спустилась по лестнице, но даже она с трудом нашла в траве за одним из камней узелок с маленьким существом внутри. Крошечная бурозубка легко помещалась в ладошке девушки.

Ремесленники отнесли ослабших бурозубок в Мастерскую Врачевания, и положили на стол в медицинском кабинете.

Маленькая бурозубка так и лежала, тяжело дыша, подрагивая лапками. Её папа, напившись воды, которую ему подал Леонар в маленькой крышечке от бутылка, немного пришёл в себя.

— Спасибо, за воду, — поблагодарил он.

Бурозубик опасливо покосился на ряды склянок и странных средств, развешанных по стенам. Пинар перехватила его взгляд и сказала:

— Некоторых веществ мы здесь пока и сами не знаем. Лишь изучаем книги и описания, чтобы разобраться. А что-то принесли с собой. Рассказывайте, что же случилось.

Бурозубик ещё раз посмотрел на дочь и стал объяснять:

— Позвольте представиться. Меня зовут Кланки. Моя жена, к сожалению, умерла. А мне осталась от неё доченька. Я назвал её Брай. Неделю назад она заболела. И с каждым днём ей становилось все хуже и хуже. Вчера Брай перестала есть и пить. Наш местный лекарь сказал готовиться к худшему, но мой сосед посоветовал нести её к вам. Говорит: «Они волшебники, и могут всё». Я сразу же взял на руки дочь и пошёл сюда... Вы поможете нам?

Его голос дрогнул. Кланки прикрыл лапками маленькие глазки, чтобы ремесленники не видели его слёз. Потом протёр лицо низом рубашки, собрался с силами и переспросил:

— Поможете?

— Мы никогда не лечили бурозубок, — сказал Леонар, — даже не знаем, действуют ли наши методы на вас.

Но, оглядев крошечную бурозубку, добавил:

— Мы попробуем. Но, вы, Кланки, должны знать, что Спасительным толком мы ещё не пользовались. Только изучили его описание.

— Я согласен, что вы испытаете его на Брай, — кивнул бурозубик, — ведь ей может помочь только чудо.

Маленькую Брай отнесли в хрустальный короб и положили на его дно. Леонар направил на неё врачующую руку, на секунду замер, сомневаясь, но решился и повернул колесо управления.

Хрустальные стенки мгновенно нагрелись и зазвенели, испуская голубой свет. Свечение сгустилось вокруг крошки и стало неоднородным. Вокруг Брай побежали неровные световые полосы, некоторые из них стали альми и завибрировали. Одни линии пульсировали, другие, словно бинты, сворачивались вокруг тельца малютки и тут же растворялись. А потом свет исчез.

Сначала Брай задышала часто-часто, и вдруг замолкла. Леонар подошёл к коробу, приподнял малышку, но её голова и лапки повисли, как тряпочки. Кланки вскочил, схватился за мордочку, и с отчаянием стал рвать усики, причитая:

— Ах, Брай, моя бедная Брай!

— Что, папочка? — раздался тоненький голосок из руки Леонара.

Оттуда, как с балкончика, опираясь на край ладони графа, сверкала глазёнками крошечная бурозубка.

— Ты живая?! — всплеснул лапками Кланки.

Леонар опустил Брай на стол. Она расправила своё красивое платье, сделала графу книксен и побежала к отцу. Он схватил её и закружил, захлёбываясь слезами.

— Я никогда этого не забуду! — приговаривал он. — Спасибо вам, Прославленные. Вы — великие визидары, как про вас и говорят.

Сколько ни уговаривали Кланки остаться до утра, но он, посадил Брай в узелок, который закрепил за спиной и счастливый отправился домой.

...Лишь только с дороги исчезли раскидистые тени Эо Мугна и небо чуть посветлело, ворота Стоунбона со скрипом растворились и оттуда выехала процессия: Стурла, Тафари, Питер и Итиро.

Четверо ремесленников отправились в экспедицию на Башню Силы. Стурла ехал на маленькой лошадке впереди и, позёвывая, напевал. Тафари был в очень хорошем расположении духа. Одетый, как всегда, словно на парад, сегодня он превзошёл себя: в петлицу пиджака вдел большой пышный цветок и иногда, склоняя голову, вдыхал его запах. Взгляд при этом у него был необычно романтичным. Пит и Итиро тихо переговаривались, обсуждая описание Башни Силы изнутри, которое изучали вчера и намечали план действий.

Команда достаточно быстро доехала до Иглы сапожника. Вблизи башня оказалась ещё внушительнее. Необъятная и величественная, закручиваясь ступенями вокруг себя, Игла уходила вверх, скрываясь за облаками.

— Она чем-то напоминает мне Вавилонскую башню с картины Брейгеля, — задрал голову, сказал Питер, — я видел её в одной библиотечной книге в Дублине.

— Ты сейчас говоришь, как Леонар, — сказал Стурла, — совершенно непонятный набор слов. Но они впечатляют.

Ремесленники остановились у подножия холма Силы, обнесённого высоким забором, рядом с небольшим домиком. Они спешили, задрали головы и долго смотрели, как башня уходит ввысь. Покуда из двери дома не показались два стражника. Они поприветствовали ремесленников. Тафари показал стражникам документ с печатями и им тут же открыли ворота.

Сразу за ними начинался мостик над пустым рвом, опоясывающим холм Силы. Дальше мост переходил в крутую лестницу к основанию башни. По бокам ступеней шли два массивных каменных жёлоба заканчивавшихся во рве.

Железная дверь башни поддавалась легко, и ремесленники вошли внутрь. Они оказались в круглом помещении. По стенам шли колонны, перемежавшиеся со странными то ли окнами, то ли витражами — это было что-то стеклянное и выпуклое, но свет через эти окна не шёл. Стурла похлопал ближайшее окошко, и оно гулко отозвалось — словно огромный пустой жбан из-под сидра. Посреди помещения стоял массивный механизм с лопастями. Он тоже был окружён узким глубоким бассейном. От него и бежали к двери те два жёлоба, которые ремесленники видели снаружи.

В проёме одной из стен была видна винтовая лестница наверх. Стурла хотел пойти туда, но Тафари его остановил:

— Давай сначала разберёмся здесь. Этот прибор, — показал он на машину в центре зала, — запускает родник

Силы. Посмотри, — Тафари указал на лопасти, — когда-то они крутились и заводили большие колёса внутри холма. Под нами, сейчас, судя по тому, что я понял из документов, находится большой накопитель энергии. Туда и стекалась вся сила.

— Вот здесь, — ткнул Питер на стеклянные палки в стенах, которые Стурла до этого принял за окошки, — можно было увидеть, сколько энергии в подземных накопителях. Чтобы её хватало на всю площадь Визидарии, должны светиться все эти стржни. Через них энергия поднималась на самый верх Башни, где усилитель распространял её на всю страну. И тогда везде работали волшебные палочки. Таким же образом позже стала действовать и стена защиты. Наши потомки превратили Башню Силы в самый большой погодный столп. Просто энергию палочек заменили усилителем на мощный погодный колпак, который закрыл собой всю страну.

— Но сейчас стержни не светятся, — уважительно потрогал пальцем ближайшую стеклянную палку Стурла.

— Это значит, что в подземных накопителях давно закончилась энергия. И стена защиты держалась по инерции. Но когда мы открыли дверь в Визидарию, то словно проткнули шар с воздухом — защита постепенно стала ослабевать. Вот поэтому нам и надо запустить родник Силы.

Стурла стал считать стержни. Их оказалось пятьдесят шесть. В это время Пит вытащил толстую пачку схем башни, найденную в Мастерской Волшебных сооружений, и нашёл страницу с первым уровнем. Они разложили этот лист прямо на полу и стали думать, как запустить родник.

— Чего-то здесь не хватает, — водил пальцем по схеме Тафари, сравнивая рисунок с механизмом, — вот здесь, где написано: мышинная трость.

Следопыт подошёл к машине и указал на место между шестерёнками, где зияло узкое отверстие.

— Эта мышинная трость должны быть здесь, — сказал он. — Но что за мышинная трость? Где мы её добудем? Сколько времени уйдёт на её поиски?

— Мышинная трость? — встрепнулся Итиро, — Значит, всё ясно.

Он подошёл к механизму и, достав из кармана бамбуковую палочку, сунул её внутрь отверстия.

Механизм завибрировал и начал работать. Закрутились колёсики, из многочисленных трубочек в бассейн полилась вода, закрутились лопасти мельничек.

— Ура! — закричал Стурла, а потом спросил у Итиро, — как ты догадался?

— В Японии бамбук иногда называют мышинным деревом. Из-за того, что в его зарослях живут особые маленькие мышки. Мышиными тростями в Японии называют кусочки бамбука.

Пока ремесленники общались, вода переполнила бассейн и по желобам потекла на улицу. А один стеклянный стержень в стене слабо засветился. Увидев этот свет, Пит удовлетворённо сказал:

— Ну вот, энергия начала накапливаться. Теперь мы можем идти наверх.

И первый двинулся к винтовой лестнице.

На следующих уровнях башни картина была одинаковая: там находились круглые площадки, окружённые сводчатыми окнами. На каждой площадке располагались длинные конструкции с многочисленными крючочками. Чем выше ремесленники поднимались, тем сильнее был ветер. Сквозняк первых этажей наверху сменился довольно сильными порывами. После восьмого уровня башня сузилась и, наконец, на девятом этаже закончилась площадкой вокруг трех этажей шпиля.

Ремесленники вышли наружу. Здесь ветер был такой сильный, что сбивал с ног. У Стурлы чуть не сорвало шлем. Тафари быстро стянул свою шапочку и сунул её за пазуху.

Но какие отсюда их ждали виды! Как на ладони, простирались перед ними чудесные земли Визидарии. Но им было не до них. Задрав голову, они пытались разглядеть, что с усилителем. По сохранившимся чертежам, ремесленники знали, что эта металлическая коробка была прикреплена на самом верху, но разглядеть её отсюда было невозможно — усилитель закрывали облака. Вверх вела узенькая вертикальная металлическая лестница. Пит попытался сходу подняться по ней. Но под его ногами она угрожающе закрипела, не рассчитанная на такой вес. Ступня Пита еле помещалась между перекладками. Нет, здесь должен был взбираться кто-то поминиатюрнее.

— Давайте я, — вызвался Итиро.

Но его отпихнул Стурла и решительно сказал:

— Пришло время повторить подвиг предка, — и, поплевав на ладони, схватился за перильца.

Карабкался он медленно, вниз не глядел. Вскоре Стурла вполз в облако и скрылся из вида. Остальные застыли в ожидании, задрав головы. Только ветер свистел в ушах и трепал их одежду.

Через какое-то время, сверху раздалось энергичное:

— Береги-и-ись!

Ремесленники еле успели отскочить, как к их ногам слетел грязный ворох веток, а вслед — некий аппарат. Он с силой ударился о плиты и, деформировавшись, развалился на десятки деталей.

Ещё через некоторое время послышался странный шум с криками, и скрип ступеней под спускавшимся Стурлой. Вскоре показался и он сам. Вокруг него, возмущаясь, кружили два головастика. Они щипали Стурлу за

бока. Гном от них отбивался, как мог, но свободная рука у него была одна.

Ремесленники схватили по ветке и стали отгонять от друга птиц. Те покружили, покричали, но увидев, что силы неравны, ретировались. Стурла спрыгнул на площадку, и, почёсывая голову под шлемом, стал растерянно рассказывать:

— Братцы, лезу я... Потом, значит, облако... А я продолжаю карабкаться... Лезу-лезу...И нет конца и края. Так ещё ж ни зги не видно — словно в молоке пливёшь... А после р-раз и передо мной большой ящик. А на нём ещё один прибор странной формы прикреплен. Наверное, тот самый, который стену то защитную и делал. Только он ржавый весь. И на всей этой конструкции гнездо головастелей. Я их решил шугануть... Махнул рукой, а их гнездо и свалилось...Вместе с прибором...Только он, кажется, и не работал. Вот так... — вздохнул Стурла, завершив грустное повествование.

— Давайте соберём детали, — предложил Тафари. — У нас есть чертежи. По ним мы сможем восстановить этот усилитель.

Спустившись вниз, они обрадовались, что хотя бы лопасти мельничек крутятся исправно.

— Ничего, я думаю, за пару дней все стержни зарядятся, — кивнул Питер, — а мы к этому времени соберём на место усилитель. И накопившейся энергией вновь накроем всю страну.

И они в приподнятом настроении отправились домой. Стурла опять пел, а драстид Питера косился на орущего гнома и иногда, раздувая ноздри, издавал звук, похожий на шипение и урчание одновременно.

— Это ему песня нравится, — смеялся Итиро.

От хорошо выполненной миссии у него тоже было отличное настроение.

В Стуонбоне везде кипела работа — нанятые визидары старались как могли: садовники расчищали парки, кто-то мёл дорожки, кто-то начищал фонари, из харчевни аппетитно пахло едой. Все, кто работал на Центральной площади, вернувшись из похода Прославленных, приветствовали их по-визидарски.

Но не так-то просто было найти остальных ремесленников. В Мастерской Промышленной магии сидела Пинар. Её еле было видно за высокими стопками книг — она, сдвинув очки на кончик носа, изучала работу толлов и что-то выписывала в тетрадь. Рядом с ней сидела Янмей с куколкой и помогла сортировать бумаги. Мэдлин и Бёрнис заседали в Зале Солнца — они там разбирали документы, связанные с погодными столпами.

А Леонара ремесленники нашли на Площади собраний. В Мастерской Врачевания он откопал рецепт летательного порошка, напоил им свою чёрную кобылку. И теперь, удерживая её за длинную веревку, пытался научить держать в воздухе равновесие. Пока кобыле удавалось это с трудом. Она напоминала ремесленников в классе левитации — то взлетела, грациозно перебирая сильными ногами, то сбивалась, переворачивалась кверху брюхом или заваливалась на бок.

— Ничего, милая, у тебя всё получится, — гладил её Леонар по морде, когда она тянулась к нему за очередным печеньем.

— Я назвал её Огонёк, — сказал граф остальным, когда они подошли ближе.

— Пойдём, Леонар, нам надо кое-что обсудить, — позвал его Тафари.

Долго не могли найти лишь Марио. Он оказался в Мастерской Архитектуры. Обложенный, как Пинар книгами и трактатами, взлохмаченный, Рыболов не слышал, как его звали, и даже не заметил, как вошли остальные. Когда Питер коснулся его плеча, Марио поднял непонимающие глаза, а потом расцвёл:

— Ребята, — возбуждённо обратился он к ремесленникам, — я изучаю эту Дверь вникуда, вернее, Дверь-Во-Всё, — Марио показал на дверное полотно, прислонённое к одной из стен мастерской. — Её разрабатывал некий Вульф Сториган. Я нашёл его книги в библиотеке. Он исследовал пространство и считал, что близок к созданию проходов между двумя любыми точками мира. Здорово, правда?!

— Подожди, Марио, — перебил его Стурла, — этому будет время. Но после. Сейчас другое важно.

Пит выгрузил на стол остатки усилителя. Ремесленники обступили детали, разглядывая то, что от них осталось. Тафари развернул перед ними подробную схему прибора, которую взял у Пинар, и сказал:

— Нам нужно собрать его заново и повесить на место. Мы включили в Башне Силы накопители. Скоро в них соберётся энергия. И тогда мы сможем восстановить защитную стену полностью.

— Ур-ра! Ур-р-а-а! — у всех радостно заблестели глаза.

К работе решили приступить немедленно, чтобы не терять ни секунды. Для этого отправились в Мастерскую Промышленной магии, где было больше всего толлов.

Ремесленники сдвинули столы и выгрузили на них все материалы, которые у них были по теме. У всех было приподнятое настроение, и работа быстро спорилась. Одними толами создавали детали, другими соединяли их с ауксилами. Сверялись с книгами предков. Металл воспоризводили в одних толах и усиливали в других. А в специальной ремесленной печи запекали из него детали. В увеличительном толе, который оказался очень точным прибором с делениями до одной десятой унции — увеличивали их до нужных размеров и соединяли между собой. Так постепенно, не отступая от инструкций, ремесленники собрали усилительную коробку.

За окном наступила ночь, и стало видно, что мастерская наполнилась свечением Муз. Они действительно вдохновляли и придавали сил визидарам в работе.

Ремесленники с нетерпением ждали момента, когда пройдут первые испытания. Доверили их Тафари. Он нажал на рычаг и завёл прибор. Как и было написано в инструкции, усилитель завибрировал и выбросил мощную волну энергии.

Все захлопали. Мэд запрыгала от счастья.

— Это наша первая настоящая работа, — коснулся ребристого бока созданного ими металлического многогранника Леонар.

Его идеальный костюм теперь был перепачкан, как и одежда остальных, но лицо графа выражало крайнюю степень радости.

— Завтра поедем устанавливать его на Иглу сапожника, — сказал Тафари.

Его глаза тоже светились счастьем.

— Поверить не могу, что мы справились с задачей и всё почти кончено! — улыбнулся он, выдохнув, — я боялся даже думать, что было бы, если бы мы не смогли создать новый усилитель? Пойду обрадую Алаун.

Он встал и направился к выходу.

— Вы много с ней общаетесь, — заметила Мэд, догнав его у двери, — твой кабинет граничит с моим, и я слышу, что ты постоянно говоришь с Алаун.

— Ты была права. Она оказалась замечательной девушкой, — кивнул Тафари, — я не знаю, правда, как ей помочь стать живой. Мучительно думать, что она может испепелиться от одного луча солнца.

— А ты знаешь, что в подвале библиотеки есть секретный отел книг? — вдруг спросила его Пинар, — мы с Леонаром нашли картотеку под странным номером — из четырёх нулей. А шкафа с таким номером в залах нет.

К ним подошёл Леонар и возбуждённо стал рассказывать:

— Зато сегодня утром я обнаружил странную неровную стену там, где растёт синтезия. Она её практически скрыла от посторонних глаз. Если к стене подходила Янмей, то проход дальше ей запрещался. Но если приближались я или Пинар, то стена раздвигалась и появлялась лестница вниз. Над проходом выступали четыре нуля. Правда, что там, внизу, в подzemелье, мы изучить не успели. Даже дверь не смогли открыть.

— Как мы поняли из картотеки, книги в отделе четыре ноля хранятся запрещённые. Они были доступны только по личному разрешению ректора и только совершеннолетним, — добавила Пинар.

— Мы посмотрели по журналу посещений, — сказал Леонар, — последним, кому было разрешено спускаться в тот отдел, был Георг Петрюссон. Предок Питера. В журнале указано, что он работал над трудом: «Воскрешение умерших тканей».

— Ключа от двери подвала мы не нашли, — вздохнула Пинар.

— Вернее, двух ключей — там два замка. Один над другим, — пояснил Леонар, — но, думаю, они где-то есть.

— Где-то есть, — задумчиво повторил Тафари, — что же, спасибо.

— Где-то есть, а я хочу есть, — сказал Стурла в наступившей тишине.

И все тоже почувствовали, что голодны. Сразу засуетились, собираясь домой.

...Позже, Стурла и Пинар прогуливались по территории, проверяя, всё ли в порядке. Под одним из фонарём у центрального фонтана они увидели Марио. Тот сидел на скамейке и опять листал книгу. Как и днём — не отвлекаясь ни на что. Видно было, что рукопись завладела им полностью.

— Марио, чего не идёшь спать? — спросила его Пинар.

— О, — поднял Рыболов горящие глаза, — я всё ещё читаю Вульфа Сторигана! Он хотел открыть способ управлять пространствами! С помощью серии удивительных зеркал, он пытался сделать временной коридор, через который можно было бы попасть в любое место. И почти создал его...

— Почти не считается, — буркнул, зевнув, Стурла.

Тут в парке, где-то совсем рядом, раздался жуткий грохот и треск сучьев. Они втроём понеслись туда.

Парк уже успели привести в порядок — подстригли газоны, подровняли кусты и придали формы деревьям. Но на одной из аллей сейчас происходило что-то странное. Там был расположен фонтан в виде чаши. Он назывался Кошачьим из-за семнадцати фигурок котят по его краям. Сейчас же он был раскурочен, а некоторые каменные котятки разбиты. Пинар, Стурла и Марио подбежали ближе, и увидели, что на дне чаши лежат Леонар и Огонёк. Мокрые, в ветках и грязи.

— Что случилось?! — крикнула Пинар к пострадавшим.

Стурла нашёл палку и, опустив её в бассейн, они с Марио помогли выбраться Леонару. Потом вытащили лошадь. У Огонька были повреждены передние ноги. Леонар тоже пострадал — по виску бежала кровь, он выбил челюсть и одна рука висела плетью.

На шум сбежался народ.

Перевязали лошади раненые ноги, отвезли её в стойло. Леонара отнесли в лечебницу и положили в

хрустальный короб. Пинар осталась с ним дежурить.

Восстанавливался Леонар до утра. За завтраком Леонар, с небольшим синяком на скуле, рассказал, что случилось.

Вчера, после удачного создания усилителя и сытного ужина, граф решил, что пришло время полетать на Огоньке. Лошадь уже сносно держалась на воздухе и передвигалась довольно плавно.

Начало было прекрасным: оседлав Огонька, Леонар сделал большой круг за корпусами Стоунбона, в полях. Но потом граф решил подняться выше и эффектно пролететь вокруг башни. Лошадь испугалась неожиданно появившейся Часовой дамы, потеряла равновесие и кубарем покатила вниз.

— Знаешь, — сказал строго Тафари, — раз уж я главный, то я запрещаю тебе такое повторять. Это слишком опасно. И потом, ты сам говорил, что на тренировки летающих лошадей уходит до полугода.

Потом Тафари повернулся к остальным и добавил:

— Полёты — опасное занятие. Вы помните, что происходило в классе левитации? Эту дисциплину сходу не одолеешь! Займёмся изучением и совершенствованием полётов, когда восстановим защитный купол. Кто поедет со мной к Башне Силы устанавливать усилитель?

Вызвались Стурла, Бёрнис и Пит.

Когда они уехали, остальные ремесленники разбрелись по мастерским. Марио же с утра упрашивал Пинар и Итиро пойти с ним в секретный отдел библиотеки и попытаться его открыть.

— Там могут быть рукописи Вульфа Сторигана, может они тоже были запрещены? — убеждал он их.

— Но как мы его откроем? Ты считаешь на мой ключ? Вряд ли он подойдёт, — рассуждал Итиро.

— Нет, — таинственно сказал Марио, — я уже разгадал эту загадку!

Он наклонился к ним ближе и сказал:

— Я подумал, что раз это важное место, что ключи от него хранились лишь у главного ремесленника, то не может ли быть это ключами и от самого Стоунбона? Сколько у Стоунбона входов? Верхний и нижний! В секретной библиотеке тоже два замка. Ни о чём не говорит?

— Неужели ключи от входов Стоунбона подходят к замкам подвала?! — догадался Итиро.

— Наверняка, — и Марио торжественно вытащил из-за пазухи ключи от Верхних и Нижних входов. — взял их у Тафари, — объяснил он.

Втроём они отправились в библиотеку. По пути к ним присоединилась Янмей.

В центральном зале Мастерских Культуры, за зарослями синтезии им предстала странная бугристая стена. Её то и обнаружил вчера Леонар. Посреди неровностей висела красивая таблица с надписью: «Истина порой кажется недоступной, но лишь начинаешь к ней путь, и до неё — рукой подать».

Как только к стене приблизилась Янмей, каждый бугор на стене увеличился и оказался сжатым кулаком. Все кулаки одновременно подняли указательный палец и стали качаться, запрещая девочке проход. И так они качались, пока Янмей не отправили к Леонару.

Только девочка закрыла за собой дверь, как стена стала ровной и разошлась в разные стороны, освобождая проход вниз, куда вела узкая лестница. Она резко уходила далеко под землю, больше напоминая нору. В темноте еле виднелась крохотная дверка в самом конце лестницы.

— Может, не надо? — спросила нерешительно Пинар, заглядывая в подземелье, — туда, судя по расстоянию, только спускаться — часа два-три не меньше.

— Нет, мы пойдём, — решительно заявил Марио и вошёл в проход.

За ним, переглянувшись, последовали и Пинар с Итиро. Только они сделали первый шаг вниз, как лестница расширилась и укоротилась, а дверь, огромная дверь, оказалась совсем рядом.

На ней было выведено четыре золотых нуля и надпись: «Знания гораздо ближе, чем кажется». А чуть ниже висела табличка: «Книги, рукописи и их копии из отдела выносить запрещено». Посреди дверного полотна выступал барельеф плачущей девушки. В руках она держала кувшин, расколотый на две части. В черепках были замочные скважины. Когда ремесленники подошли ближе, девушка открыла глаза.

Марио вытащил ключи и засунул их в скважины. Как только Рыболов повернул их, черепки сошлись в целый кувшин, и девушка на барельефе заулыбалась.

Дверь открылась. Из-за неё потянуло пылью и спёртым воздухом. Ремесленники зашли внутрь и увидели, что стоят на небольшой металлической площадке под сводами гигантской пещеры, наполненной бесконечными полками с книгами, уходящими глубоко вниз. Так далеко, что нижних рядов отсюда и не было видно.

Каждый стеллаж был освещён лампой в виде головы оленя с рожками. Через равные промежутки между полок были проложены резные чугунные мостики, образовывавшие длинные коридоры. Со сводчатого потолка то тут, то там свисали огромные сталактиты. Из них тоже струился мягкий свет.

— Ух ты! — только и сумел сказать Марио.

Но тут произошло неожиданное. От его голоса со всех стеллажей, которые только им были видны, к ним

повернулись маленькие раскрашенные личики. Пинар даже ойкнула от неожиданности и отшатнулась, наступив на ногу Итиро. Оказалось, что под лампами на полках сидят куклы. Они были очень похожи на Мэй. Только в разных нарядах.

— Спроси меня, — сказали куклы хором.

— Что? — растерялся Итиро, обращаясь к ближней фигурке.

— Какие книги вам нужны? — задала вопрос куколка, — только спрашивай громче.

Марио прочистил горло и звонко сказал:

— Вульф Сториган, любые материалы.

Ремесленники прислушались. Но пауза была недолгой.

— У меня, — услышали они откуда-то снизу.

Раздался скрежещущий звук, и площадка, на которой стояли визидары, дёрнулась и пошла вниз, они только успели схватиться за перильца. Площадка плавно опустилась на шесть уровней, а потом двинулась между полок вбок и остановилась недалеко от стеллажа со стоящей куколкой. Но она была достаточно высоко. Опять раздался лязг, и к ремесленникам прикатилась витая лесенка. Марио взобрался по ней до полки, на которую указывала кукла, но с огорчением обнаружил на ней всего лишь одну тонкую папку. Он взял её и стал спускаться.

За одним из ближайших стеллажей загорелся свет. Там оказался стол с удобными скамьями. На них визидары и устроились. Пока Марио читал материалы, Итиро разглядывал светильник — хрустальный сталактит, почти утыкавшегося в поверхность стола. Теперь он горел ярче остальных. Видимо, размышлял Итиро, раньше легко было определить местонахождение читающих в зале — на них указывали яркие сталактиты. А Пинар в это время ходила меж полок и разглядывала корешки книг, но брать рукописи их не решалась: за ней зорко следили куклы. От их немигающего взгляда Пинар было немного не по себе.

Прошло немало времени, но, наконец, Марио захлопнул последний документ и, вздохнув, сказал:

— Печальная история... Теперь я знаю всё... Вульф почти доделал свою Дверь-Во-Всё. Он создал специальное зеркало. Оно помещалось в тот проём, который я изучал в Мастерской Архитектуры. Дверь закрывали, и на ней вечным мелком надо было написать любой точный адрес Земли. Если в доме адресата было зеркало, то оно ненадолго становилось проходом. Но всё это требовало огромной затраты энергии. А её Мастерские, даже все вместе взятые, не могли обеспечить. Когда Вульф Сториган запускал свою Дверь-Во-Всё, она мгновенно пожирала энергию, рассчитанную на две трети Визидарии. Но это не самое печальное... Ещё... ещё Совет Визидаров посчитал такой ауксил весьма небезопасным. Потому что раз ремесленники могли попасть наружу, значит, и извне тоже можно было бы проникнуть в Визидарию. Вы же знаете, как они боялись людей, считая их угрозой... Поэтому этот ауксил запретили, проходное зеркало уничтожили — в папке есть акт о его ликвидации, подписанный Делмаром Иму То, а работы Вульфа Сторигана поместили сюда — в тайный отдел.

— Неужели они уничтожили такой ценный предмет, как это проходное зеркало?! — воскликнул Итиро.

И его вопрос повис в тишине. Но тут кукла, охранявшая папку, сказала:

— Нет. Оно в Стоунбоне.

Визидары переглянулись.

— Где именно? — спросил у куклы Марио.

— За левым башмаком друга.

— Что? — удивился Рыболов, — чепуха какая-то. Ведь по описаниям оно огромное. С дверь. Это ж какой должен быть башмак? Может, так называется какое-то помещение? А кто тебе оставил эту информацию?

— Сам Вульф Сториган, — качнула головой кукла.

— Думаю, что профессор спрятал зеркало у себя в комнате, — предположил Марио, — я бы сделал именно так. Тем более, что времени у него было немного.

— Я видела список комнат с фамилиями педагогов. Он находится в центральном корпусе, — сказала Пинар, — там можно найти в какой квартире проживал этот Вульф Сториган. Пойдёмте отсюда.

Только когда они положили документы на место, подземелье выпустило их наружу. Но не успели они дойти до здания администрации, как раздался звон колокольчика — вернулись Тафари, Стурла, Бёрнис и Пит. Встречать их вышли все ремесленники.

— Ну что, можно поздравить вас с победой? — взял под уздцы драстида Питера Леонар, но осёкся. На вернувшихся не было лица.

— Что случилось? — спросила Янмей у взрослых.

— У нас проблемы, — сказал Тафари.

Ремесленники собрались вокруг скамьи.

— Так что за проблемы? — спросила Мэдлин у вернувшихся, — вы не смогли установить усилитель?

— Или он оказался не так хорош, как мы думали? — предположил Леонар.

Бёрнис сурово сжала губы, но казалось — ещё немного, и она расплечется от досады. Пит и Стурла

нервничали, а Тафари был настолько расстроен, что не мог говорить. Они отводили глаза, собирались с духом. Но потом Питер, наконец, объяснил:

— Усилитель мы установили. Всё прошло успешно. Но он слаб. Скорее, это усилитель, который может покрыть лишь такую территорию, как Стоунбон, но никак не всю Визидарию.

— Ну, ничего, — встала, выдохнув, Пинар, — у нас ещё три недели. Мы придумаем, как сделать его сильнее. Ребята, мы столько уже поняли! Это всего лишь задача со звёздочкой, помнишь, Тафари?

— Есть ещё одна проблема, — глубоко вздохнул Следопыт, помотав головой.

— В башне есть стержни, накапливающие энергию. Их 56, — стал объяснять Стурла, — мы только сегодня разобрались, что один такой стержень заряжается двое суток. То есть, чтобы сама башня заработала, нужно...

— Нужно ещё больше ста дней, — схватился за голову Леонар, — а это безумно много! Что же делать?!

— Давайте придумаем что-то ещё, — предложил Марио.

— Что?!!! — спросила Бёрнис, — мы ничего не успеем за три недели.

— Остаётся только один способ, — сказал, подняв голову Пит.

— Какой? — спросила Мэдлин.

— Надо готовиться к сражению. И принять бой, — ответил Питер.

— Да, — кивнул Тафари, — нам придётся принять бой. И для этого нам нужна помощь всей страны.

Наступило молчание. Отсюда, со скамеек, хорошо было видно, как визидары-работники восстанавливали кошачий фонтан. Они были в приподнятом настроении, перекидывались шутками. Одни работники прикрепляли на места фигурки, другие ровняли холм в виде свернувшегося кота вокруг фонтана, третьи уносили мусор.

— Ты думаешь, — кивнув на них, спросила Мэд, — что они согласятся? Четыреста лет назад здесь прошла война. В каждой семье были погибшие. Они ненавидят войну и сражения.

— Четыреста лет назад их они были застигнуты врасплох. Их просто перебили. У нас же есть время подготовиться, — возразил Стурла.

— Никто не любит войну, — поддержал его Леонар, — но иногда приходится дать отпор врагу. Я... согласен, что надо готовиться к сражению.

— Нам нужна поддержка Совет визидаров, — склонила голову Бёрнис.

— Отправим им почтовых голубей? — спросил Марио.

— Нет, — вдруг вышла вперёд Янмей, — мы должны туда поехать сами. Все вместе. Завтра с утра. Но вперёд послать голубей с вестью, чтобы город нас встречал. Тогда мы сразу сможем обратиться ко всей Визидарии. В дорогу нужно надеть плащи, которые нам сшили. Тем более что вчера тем, кому они не подходили по размеру, привезли новые.

Все с ней согласились и разошлись собираться.

У Тафари, как и у других, было тяжело на сердце. Вернувшись к себе в квартиру, он не смог даже раздеться. Придавленный серьёзной ответственностью за сложное решение, он тяжело опустился на диван. Обхватил голову руками и застыл. Нет, он не боялся смерти, но снова и снова задавал себе вопрос: действительно ли это единственный выход? Ведь его выбрали главным ремесленником. Значит, он в ответе за каждое решение вдвойне.

Словно почувствовав его смятение, к Следопыту заглянул Питер.

— Можно? — постучал он в дверь, заходя.

— Да, — глухо сказал Тафари. Привстал, но потом бессильно сел обратно, закрыв ладонями уши, словно ничего не хотел слышать.

Пит сел напротив друга. Они молчали. Мирно покачивалась от сквозняка штора. Из сада нёсся смех и разговоры девушек-визидарок, которые заканчивали подрезать кусты. В комнате было сумрачно, на улице загорелись фонари.

— Будут жертвы, — наконец, сказал Тафари.

— Я понимаю, — покачал головой Пит. — Но у нас нет выбора.

— Справимся ли мы? — тихо спросил Тафари.

— Мы не имеем права не справиться, — ответил Пит.

И каждый снова погрузился в мысли. Так они и сидели в полутьме, пока за окном сиреневые сумерки не превратились в синюю черноту. Вдруг стали видны прозрачные тени трёх Муз. Одна склонилась, а две других указывали на неё.

— Гляди, — показал Пит, — Чьи это Музы? Откуда они? И собрались в одном углу.

— Да, они почти всегда там, — кивнул Следопыт, — в сумерках, почти не шевелясь стоят у моего рабочего стола. Не говорят и не двигаются. Ничего, к утру они исчезают. Так что не обращай на них внимания.

Пит подошёл к бесполым теням, и они мгновенно рассеялись, как дым.

Он постоял, размышляя. Потом нагнулся повторив позу Музы. Взглядом он уткнулся в угол стола. Там из-под ковра торчал краешек бумаги. Пит потянул за него и вытащил листок.

— Это твоё? — протянул он его Тафари.

Тот взял лист и развернул. Пробежал глазами по строкам, вскочил и зажёл свет.

— Это письмо...ты не поверишь... Но оно написано Аластаром Справедливым! — в волнении сказал

Тафари, — и по дате ясно, что он отправил его в день своей гибели.

Следопыт с Питом склонились над листом и стали читать.

«Делмару Иму То.

14 ноября, 1525. Ясень Биле Ушнег.

Дорогой мой друг, Делмар, хотел бы я сказать тебе, что когда одержу победу, то мы выпьем с тобой изумрудного. Но не скажу. Ибо пришёл я сюда биться насмерть и отдать жизнь свою за Визидарию.

Но горько мне, что со мной моя верная дружина, коих 99 визидаров. И все они тоже останутся здесь, под священным ясенем.

Тяжело мне так же от ошибки всей жизни, за которую теперь я расплачиваюсь. Как был прав Изаму Кудо, когда говорил, что есть враг и внутренний. Тот, которого мы не видим. Демоны всегда внутри, а не снаружи. Только мы слепы и никогда их не видим, как не видим собственных Мраков и Муз.

Сегодня, когда ты зайдёшь в Стоунбон и привычно взглянешь на люстру, то увидишь не её, а моё раскаяние, мою ошибку. Меня. Это я сверху посеял хаос. Думая, что я — Муза для этой страны, а оказался её Мраком. Ибо не увидел и не почувствовал внутреннего врага. Меня предупреждали, но мне не казалось это неестественным и ненормальным: как если бы птенцы стали разрушать родительское гнездо. Разве дети поджигают отчий дом? Однако же, бывает и такое. Не подозревай, но смотри! И делай выводы. А я смотрел, но не видел. Не хотел видеть.

Опасно собаке не думать о своих блохах, а лишь бояться других собак. Не всегда другие — враг, не всегда свои — друзья. Я слишком поздно это понял. Не людей надо было опасаться: они, как визидары, разные. Мы смешали людей с темнотой своих мыслей, а в темноте всё одинаково черно, и все враги. А теперь в этой темноте нас пожирают монстры, выращенные в чьём-то злом визидарском сердце. Ибо сейчас мне окончательно ясно, что малумов сделал визидар, а не человек. Отправляю тебе это письмо с голубем и прощаюсь.

Аластар Справедливый»

— Это письмо следует взять с собой в Медикат, — сказал Питер, — оно будет важным свидетельством для Августа.

— Да, — согласился с ним Тафари.

Тут зеркальце на столе Следопыта задребезжало. Питер взглянул на друга, у которого даже сквозь смуглую кожу проступил румянец и, произнеся: «Я прощаюсь до завтра», вышел из комнаты.

Хочешь мира? Готовься...

В пять утра, первые лучи солнца, протиснувшись в узкие окна харчевни, осветили щёчки зевающей Янмей. Девочка, сидя в плаще, выгибалась и потягивалась, как проснувшийся котёнок.

— Может, не поедешь с нами? — спросила её ещё раз Пинар, погладив по волосам, — дорога дальняя, а ты — ребёнок.

— Я не ребёнок, а прежде всего ремесленник, — ответила серьёзно Янмей, — куда вы без меня? Не справитесь.

И отхлебнула чёрного молока, которое нарисовало у неё под носом смешные усики. Остальные пили тату. От неё ушли последние остатки сна. В жилах прибавилось сил.

Через полчаса ремесленники покидали Стоунбон, оставив управление на Гарбхана Бирка — он за последние дни показал себя очень толковым парнем.

Выехав из ворот, визидары свернули налево и взобрались на холм. Обернулись, оглядели священный дуб, стены Стоунбона, и направились по незнакомой дороге, мимо указателя, где витиеватыми буквами было написано: «Медикат — 23 мили».

— Если будем ехать с небольшими остановками, то через 6–7 часов будем там, — подсчитал Леонар.

Полдороги Марио рассказывал о трудах профессора Сторигана Вульфа и о том, что в бывшей комнате этого ремесленника теперь живёт Носик.

— Я навестил его, — говорил Марио, — в поисках таинственного зеркала, которое создал Вульф, чтобы перемещаться в пространстве. Но в комнате у Носика никакого зеркала нет. Только шкафы и стеллажи в кабинете. Да пара картин на стенах. Носик рассказал, что в шкафу нашёл залежи засохших красок — этот Вульф в свободное время ещё и рисовал.

— А за картинами искали? — слушая вполуха, спросил его Леонар.

— Конечно, — возбуждённо рассказывал Марио, — я уж было подумал, что оно спрятано за одной — огромной, которая висела над кроватью. На ней нарисованы танцующие вокруг горшка леприконы. Но, к сожалению, за картиной было пусто. Думаю, что Вульф спрятал зеркало где-то в другом месте. Найти бы его.

И Рыболов грустно завздыхал.

...Весь путь ремесленников до столицы, их опять приветствовали визидары. Не смотря на раннее время, жители выходили к дороге, чтобы увидеть Прославленных своими глазами.

К обеду на горизонте показался Медикат. Чем ближе они подъезжали к городу, тем дорога становилась шире. У самого Медиката она превратилась в большую улицу с торговыми рядами по обе стороны.

Ремесленники приближались к центральному въезду в крепостной стене. Мощные ворота были богато украшены резьбой, которую оживил какой-то древний кудесник — по синему фону на узорах качались ветви золотых деревьев, крутилось огромное солнце и луна, нарисованные птицы перелетали с ветки на ветку, распускались цветы.

Над воротами, украшенными гирляндами и знамёнами, стояли визидары. Как только ремесленники въехали в город, грянули музыканты — это были оркестр из весёлых низеньких людей, похожих на Стурлу. Их одежда была обшита бубенцами и колокольчиками, музыканты пританцовывали и прихлопывали руками, от этого музыка становилась громче и веселее.

Ремесленников встретили дружинники. Они выстроили торжественный конвой вокруг гостей и сопровождали их по улицам, переполненным жителями. Из каждого окна махали, отовсюду летели цветные лепестки, везде за процессией бежали толпы детей.

Пока кортеж продвигался по городу, ремесленники успели многое увидеть: необычные здания — одно удивительнее другого; цветущие сады, полные диковинных растений; великолепный мост Времени года через реку, который был больше похож на металлические кружева с вплетёнными фигурами животных.

Начальник дружинников, суровый усач, когда они проезжали значимые места, давал пояснения, но часто его голос тонул в возгласах и радостных криках горожан.

— Сейчас будет дворцовая площадь перед Советом визидаров, — пояснил усач и пришпорил коня, чтобы первым въехать в арку.

Ремесленники последовали за ним.

Дружина осталась за воротами арки. На огромной площади возвышался памятник Аластару Справедливому. Он стоял, сурово глядя вдаль. Одной рукой бронзовый Аластар на что-то указывал, второй тянулся к мушкету на поясе.

Ремесленники спешили и подошли к величественной статуе полководца. В это время с центрального крыльца здания, окружавшего площадь полукругом, спустилась процессия и двинулась к ним.

Во главе шествия следовал Август Непомнящий и его секретарь Уильям Фланк. Парень искал глазами Бёрнис, а как только увидел, вспыхнул, заулыбался и, чуть было, не помахал ей рукой, но опомнился, собрался и стал слушать начальника, который приступил к торжественной речи:

— Уважаемые Прославленные! — патетично поднял руку Август. — Мы рады, что вы посетили наш славный Медикат. Предки завещали нам встретить вас с почётом. Вы, конечно, видели, как благоговеете перед вами страна. Приехав, вы уже сделали большую половину — вернули нам веру, мгновенно облегчили жизнь многих поселений, включив генератор энергии в Стоунбоне... Визидария верит в вас, ждёт вашей помощи, надеется на ваши труды! Сегодня я лично покажу вам, какая красивая у нас столица. Сначала мы проведём экскурсию в Туманный сад, после проедем по самым известным городским улицам и посмотрим самые незабываемые достопримечательности...

— Э-э-э, слушайте, — прокашлявшись, подёргал за штанину Августа Стурла, глядя на него снизу вверх, — нам некогда заниматься всей этой чепухой.

— Что? — опешил Август Непомнящий.

— Видите ли, — вступил в их диалог Тафари, — у нас безотлагательное дело. И нам нужно одно — срочное заседание Совета визидаров.

Август растерянно обернулся и сказал:

— Ну... собственно... Весь Совет здесь, — он указал на группу за собой.

— Тогда пойдёмте, поговорим. Где здесь у вас проводят совещания? — выступил вперёд Питер.

Август нерешительно потоптался на месте, но потом подал членам Совета знак идти за ним, а сам двинулся к зданию. Все толпой пошли внутрь.

— Что происходит? — нервно вопрошал Август у ремесленников, судорожно хватая их за руки, когда они поднимались по лестнице.

— Пождите, сейчас обсудим, — остановила его расспросы Пинар.

Они зашли в зал заседаний, и сели за длинный стол переговоров. С одной стороны — десять ремесленников, с другой — девять членов Совета визидаров и Уильям. Наступила гробовая тишина. Оглядев свою команду, встал Тафари и начал говорить:

— У нас дурные новости, друзья. Мы не можем восстановить защитную стену. Она разрушается.

Члены Совета стали переглядываться, а потом вопросительно посмотрели на Августа. Но тот был спокоен. Даже рассеянно улыбался. Сидел, поправляя нарядный бант на рукаве, но продолжал слушать речь Следопыта.

— Скоро, примерно через три недели, защита растает окончательно, — продолжил Тафари пояснения. — И выход из этой ситуации только один — нам нужно готовиться принять бой с малумами.

— Что?! — вскочил Август, за ним повскакивали и остальные члены Совета. — Это невозможно! Что вы несёте?!

Лицо Августа мгновенно покрылось пятнами, борода растрепалась и мелко тряслась.

— Мир, который мы с таким трудом восстанавливали, вы хотите заново разрушить?! Так вот зачем вы вернулись?! — закричал он. — Мы не позволим вам отобрать нашу землю!

— Мы хотим не отобрать, а защитить, — встал, поклонившись, Итиро.

— Как?! Призывая к войне?! Война, юноша, самое мерзкое, что есть на земле. Видно, вы не впитали с молоком матери этой истины, которую каждый настоящий визидарец знает с детства. Это наталкивает меня на мысль, что не такие уж вы и визидарцы, раз рассуждаете о войне, как о неизбежности.

На лбу Августа выступила испарина. Он неловко смахнул её рукавом.

— У нас мало времени, — сказал Леонар. — Малумы снова растерзают Визидарию, если мы не подготовимся к сражению с ними. И растерзают уже окончательно.

— Вы хоть знаете, кто они такие?! Это бесплотные убийцы. Для них нет границ и порогов! — опять заорал Август.

— Да, — спокойно ответил Леонар, — с малумами нам пришлось встречаться. И не раз.

— Но не с целым войском. Иначе вас бы не было, — возразил зеленоватый коротыш из Совета с вытянутым черепом, сидевший с краю. — Малумы — есть враждебная пустота. А сражаться с пустотой невозможно. Против них нет оружия.

— Правильно, Виль, — посмотрев на него одобрительно, Август поднял вверх палец и покачал им, — сражаться с малумами — безумство. Это было доказано четыреста лет назад. Тогда погибли восемь визидаров из десяти.

— Вы можете нам гарантировать, что никто не погибнет в сражении, к которому призываете? — продолжал Виль.

— Мы и сами понимаем, на какие жертвы идём, — тихо сказал Тафари, — но, поверьте нам... мы должны готовиться отразить атаку.

— Как? — возмутился Виль, — у вас есть оружие против малумов?

— Нет, — качнул головой Питер, — но мы думаем над этим.

— Мы думаем, — язвительно передразнил Август, — а пока идите и погибните за них, визидарцы!

— Но, может, прислушаемся к Прославленным? — привстав, неуверенно предложила девушка из Совета, в чьём облике угадывались эльфы, отчего она немного походила на Мэдлин.

— Молчи, Дэрби, ты ещё молода — рассуждать о таких вещах, — осёк её Август и девушка, побледнев, села на место. — Народ за вами не пойдёт, — сказал он, обратившись к ремесленникам.

— Но вы — не весь народ за него отвечать, — возразил Итиро, — дайте нам право обратиться к ним.

— Пафос здесь не уместен, — качнул головой Август, играя желваками, — я — представитель народа. Им выбранный. И мне доверено решать за всех. Помните, вы говорили при нашей первой встрече, что политика, как и управление, не ваше дело? Так вот — это истинная правда. Так и не лезьте туда.

— Но Август, может всё-таки, хотя бы обсудим их предложение? — спросил молодой человек, сидевший рядом с Уильямом и одетый в форму дружины.

— Максимилиан, ты смеешь такое предлагать?! Ты — военное лицо, как никто другой должен понимать опасность таких суждений! — в голосе Августа чувствовалась горечь.

Потом он повернулся к ремесленникам и сказал:

— Вы ещё ничего толком не сделали, а уже разделили страну на две части. Брат спорит с братом. В Совете визидаров раскол. Заметьте — вы сами утверждаете, что разрушили своим появлением купол. Вы ещё будете спорить, что пока принесли нам только горе?

Потом Август обратился к совету:

— Разве я не служил вам верой и правдой?! Когда я ошибался, Максимилиан? Когда действовал против народа Визидарии, Дэрби? Кто-нибудь напомнит мне хоть один такой факт?!

Август сурово окинул членов Совета, вглядываясь каждому из них в лицо. Визидары, сидящие перед ремесленниками, не выдерживали тяжёлого взгляда своего главы и опускали головы.

— То-то же, — подытожил Август, — я никогда не ошибался, как и сейчас. Но за долгую жизнь я усвоил одно правило. Врагу надо дать время, и он покажет себя сам. Так что мы дадим вам высказаться, дорогие ремесленнички, какие у вас ещё доводы?

Глава, шумно отодвинув стул, сел, положил ногу на ногу и, скрестив на груди руки, сказал:

— Мы слушаем вас.

Ремесленники молчали. Потом встал Леонар и стал говорить:

— Я долго живу на этом свете. И согласен, что ничего нет страшнее войны. Но иногда, когда знаешь, что враг готовится напасть, следует взять оружие в руки, чтобы защитить родной дом. Один из великих римлян, Непот, сказал: «Si vis pacem, para bellum». Что означает: хочешь мира, готовься к войне. Изучая человеческую историю...

Август вскочил и, опершись на стол пальцами с побелевшими от напряжения костяшками, сказал:

— Права визидарская истина: Умного всё научит, дурака ничего не исправит... Вы слышали, достопочтимые члены совета?! Вы это слы-ша-ли? Он нам в пример приводит человеческую историю! Полную ужаса и разборок, насколько я помню. Нельзя начинать сражений и новую войну. Мы должны понять, что не имеем права пускать визидарцев на бойню. А вы, — обратился он к ремесленникам, — вы рассуждаете как люди!!! Жизнь среди них окончательно вас испортила!!!

— Но мы встанем в первых рядах на защиту Визидарии. Иначе все погибнут, — пытался найти аргументы Леонар.

— Ваша цель была защитить, а не погубить нас.

— Но мы и пытаемся это сделать, — возразил Тафари.

— Как оригинально вы этого добиваетесь. Странными методами!!! Научились у людей.

Август сел и отвернулся от ремесленников.

— Люди — это не зло, — решительно сказал Тафари. — Люди, как и визидары, бывают разными.

— В будущем, я думаю, — добавил Леонар, — нам нужен будет людской мир. Нельзя забывать, что и он — часть нас. Посмотрите, что случилось с Визидарией, как только её отрезало от мира.

— Её не отрезало, — Август резко встал и подошёл к окну, глядя в спину памятника, стоящего на площади, — нашу страну разрушили. А это разные вещи. Аластар Справедливый писал...

— Я читал труды Аластара Справедливого, — мягко сказал Тафари, — он несколько ошибался...

Август резко обернулся. Его мелко трясущиеся руки сжались в кулаки.

— Если бы не ваши древние корни, — жёстко ответил Август, — то я бы...я бы сейчас ...ударил вас.

— Аластар Справедливый для нас священен. Нельзя критиковать тех, кто умер за нашу свободу, — добавила Дэрби. — Вы позволили себе нелестно высказаться о человеке, который положил свою жизнь на поле боя и его душа, вселившись в камень, до сих пор нас защищает.

— Аластар — великий воин. Но и великие порой совершают ошибки. И их ошибки бывают такие же большие.

как и их таланты, — тихо сказал Стурла.

— Вы высказываете опасные мысли. И, значит, вас следует считать опасным визидаром! — покачал головой Максимилиан, глядя на гнома.

— Аластар сожалел о своих ошибках. И в этом тоже его величие, — сказал Тафари, — признать свои просчёты дано не каждому. На это способны лишь большие душой.

Следопыт достал из-за пазухи письмо полководца, найденное накануне, протянул его Августу и добавил:

— Только подлинно великий мог написать такие строчки.

Глава взял письмо, снова отошёл к окну и стал его читать. Закончив, покачался с пятки на носок, размышляя. Он сильно закусил губу, ещё раз посмотрел на спину Аластара Справедливого и, повернувшись к ремесленникам, тихо произнёс:

— В этом письме написано о том, что надо страшиться внутреннего врага... Вы и есть тот самый внутренний враг. Вы как болезнь, которая появляется в теле и, незаметно разрастаясь, в итоге умерщвляет его... Пожив среди людей, вы не заметили, как стали предателями, и вернулись до конца разрушить Визидарию. И то, что вы готовы подделывать письма святых для нас героев... это... это уже край.

Он бросил листок перед другими членами совета:

— Прочтите, ремесленники не гнушаются ничем. И знаете что?

Он опять оглядел Прославленных:

— Я не верю вам. То, что вы здесь говорили — полный бред. Стена простояла четыреста лет и простоит ещё столько же, пока не погибнут все малумы, и всё зло за её пределами. Как и планировали те, настоящие ремесленники. Это были ваши предки, которые так в вас верили! Я думал, вы придёте в наш мир и сделаете стены крепче. А вы спешите отдать Визидарию людскому миру на растерзание.

— Мы не уничтожим Визидарию, — возразила Пинар. — И отдавать её никому не собираемся. Мы защитим границы, которые рушатся, и не откроем их для остального мира. Здесь нужно соблюдать здравый смысл и придерживаться золотой середины. Но не забывайте, что мы, визидарцы — дети двух миров. Нельзя отречься ни от одного.

— Дайте нам право обратиться к народу, — добавил Леонар, — мы объясним им ситуацию, и визидары всё поймут.

— Таких объяснений нельзя допустить! — вскочил, побагровев, Виль, — это вызовет смуту и волнение! Август, ты помнишь, как рыдают визидары на День Поминовения? Ты видел слёзы суровых мужей? Визидария до сих пор оплакивает тех, кого потеряла четыреста лет назад!

Наступила тишина.

Глава закрыл глаза и так стоял какое-то время, размышляя. Потом, заложив руки за спину, медленно походил около окон, поглядывая на памятник Аластару, словно искал у его него поддержки.

Все ждали его решения.

— Я полагал, — тяжело вздохнув, сказал Август, двинувшись к выходу, — что вы придёте и насытите нашу жизнь новыми ауксилами, которые вошли у людей в легенды и для них стали сказками. Я надеялся, что вы возродите Мастерские. И сделаете Визидарию процветающей. Но никак не думал, что вы придёте нас уничтожать. И это очень тяжело осознавать. В это трудно поверить...

Он открыл двери и, обратился к отряду дружины, стоящему в соседнем зале. Август показал на ремесленников, скомандовал:

— Арестовать их.

Вошли стражники, и, оголив оружие, окружили Прославленных.

Пит потянулся к своему ножу. Но поймал взгляд Тафари, который отрицательно покачал головой. Он опасался за то, что начав сейчас сопротивляться, кто-то из ремесленников может погибнуть. Особенно Следопыт боялся за Янмей. Её стражники взяли на руки, а Питера обступили сразу десять визидаров, направив на него мечи.

— Но как вы объясните народу, что заперли нас? — растерялась Бёрнис.

— Народ верил в вас четыреста лет, глядя на картинки. Что ему мешает продолжить это делать? — ответил Август Непомнящий, — Мастерские вы открыли. Теперь мы сами будем возрождать Визидарию, раз вы отказываетесь это делать. Справимся.

— Но... пойдут разговоры, люди будут задавать вопросы, — растерялся Максимилиан.

— В крайнем случае, скажем визидарцам о том, что ремесленники нарушили закон, — успокоил членов Совета Август.

Он подошёл к Мэдлин и указал на кошелёчек, висящий у неё на поясе:

— Вы знаете, что это? Это ауксил, из которого они могут бесконечно доставать монеты. В Визидарии есть закон, строго запрещающий такие ауксилы.

— Но мы не знали, — возразила Мэдлин, — и это просто смешно. Мы ими в Визидарии ни разу не

пользовались.

— Это не имеет никакого значения, — покачал головой Август, — уведите их.

— Вы погубите страну, — выкрикнул Стурла, когда его, брыкающегося, выводили из зала.

Ему никто ничего не ответил. Совет визидаров молча провожал Прославленных суровыми взглядами.

Ремесленников обыскали, забрав всё, что нашли более или мене подозрительного, и посадили в камеры, располагавшиеся в подвале. Но они могли переговариваться, так как одна стена в каждой камеры была решеткой и выходила в общий коридор.

— Тебе не страшно, Янмэй? — спросила Пинар, прижимаясь к ржавым прутьям и пытаясь разглядеть девочку в соседней камере.

Янмэй высунула руку и помахала Пинар:

— Со мной всё хорошо.

— Надо придумать, как поскорее отсюда выбраться, — сказал Тафари, сидящему через стенку Питеру.

...В это время наверху в кабинет Августа зашёл Уильям.

— Вы звали меня? — тихо спросил он у главы.

— Да, — Август полулежал на диванчике, прикладывая ко лбу мокрый платок, — от этих несчастий у меня разболелась голова. Какое горе для страны! Тяжелы предательства от тех, от кого меньше всего ожидаешь. Такие потери бьют в самое сердце.

Глава всхлипнул, сморщился и продолжил:

— Уильям, пошли лучших из дружины в Стоунбон. Пусть принимают там дела. Вручи им бумагу с моей печатью. Она им даст полную свободу действий и откроет двери Мастерских. Проследи, чтобы ремесленников охраняли тщательней. Отмени праздничный обед...

— А горожане? Гуляния и фейерверки тоже отменить? — спросил Уильям.

— Пусть гуляют, — махнул Август на окно, за которым шумела и веселилась толпа, — чем меньше знают, тем лучше для них.

Когда Уильям выходил из кабинета, глава крикнул ему вслед:

— Не забудь про мою именную печать на бумаге!

Уильям только успел выполнить все распоряжения главы, как тот его снова вызвал к себе. Август Непомнящий был всё в том же подавленном состоянии. У главы Совета покраснели глаза, он шмыгал носом, теребя в руках письмо Аластара:

— Уильям, весь кошмар в том, что имея такие архивы и толпы, какими обладает Стоунбон, они могли подделать любое письмо. Только сейчас я осознаю, какую опасную силу мы приобрели в лице Прославленных. Это как ураган, которому открыли двери в приличный дом. И не жди от него ничего хорошего... Так и получилось. Хорошо, что я хоть и поздно, но понял это. Страшно себе представить, каковы были бы последствия, если бы мы доверились им...

Уильям взял из его рук письмо, пробежал по нему глазами и растерянно сказал:

— В школе я писал работу по трудам Аластара. Это очень похоже на его почерк...

— Вот именно, — встал Август, — очень похоже. И я об этом... Иди, Уильям. Мне надо ещё подумать.

Секретарь закрыл за собой дверь. На секунду прислонился к ней спиной, нахмурился, покачал головой и решительно направился вниз. Спустившись в подземелье, Уильям отправил стражу на обед, а сам остался с арестантами. Он подошёл к камере Бёрнис и сказал ей:

— Я не согласен с вашим арестом. И верю письму Аластара.

Девушка подняла голову, внимательно посмотрела на него и спросила:

— Тогда почему не выступил против?

— Меня бы никто не послушал, — покачал он головой, — Август...он неплохой, но терпеть не может всё, связанное с людьми и войной. Для него всегда важнее печати и порядок.

— Я заметила это, — сухо сказала Бёрн.

— Помоги нам, — обратился к Уильяму из соседней камеры Тафари.

— Но как? — растерялся Уильям, — даже если я открою вам двери, то вас схватят через пару метров. Здесь стража на каждом этаже и выходе.

— Нам надо вернуться в Стоунбон, — упрямо сказал Тафари, — Стране грозит страшная опасность. И если Совет визидаров не хочет помогать, мы будем справляться сами.

— Через пару часов Ремесленные Мастерские будут в распоряжении Совета. Туда уже послали отряд, — покачал головой Уильям, — я пришёл подбодрить вас и посоветовать — поговорите ещё раз с Августом, может, он смягчится. Но только, пожалуйста, не ссылайтесь на людей и их историю. Ему надо сказать, что вы передумали, слышали его и не хотите войны.

— Мы не хотим войны, — сурово нахмурился Стурла, стоя у решётки в своей камере, — но сражаться будем.

И это разные вещи. Или нас всех перебьют, как четыреста лет назад. Или мы успеем подготовиться и примем бой.

— Каким образом мы можем дать отпор? — спросил Уильям, — у нас небольшое войско, всего две сотни солдат дружины. Да и то они заняты охраной порядка.

— На бой надо поднимать всю страну, — покачал головой Стурла.

— Никто не пойдёт, — возразил Уильям.

— Уил, ты пошёл бы защищать своих родителей? Друзей? Любимых? — спросила его Бёрнис.

— Я бы пошёл, — у Уильяма загорелись глаза, — не мог бы стоять в стороне.

— Почему ты думаешь, — спросила его Мэд, — что так не будут рассуждать другие?

Уильям помолчал, размышляя над сказанными Мэдлин словами, а потом спросил:

— Чем я могу вам помочь?

— Нас обыскали, — высунул голову сквозь прутья Итиро, — принеси нам из моих вещей пузырёк с золотой крышечкой.

— Хорошо, — кивнул Уильям. — Это всё?

— Да, — кивнул Итиро.

Он тут же двинулся в комнату стражи. Там, у стола, лежала корзина, где были сложены вещи ремесленников. Он быстро нашёл нужный пузырёк и отнёс её Итиро.

— Что я ещё могу сделать? — спросил он у ремесленников.

— Где стоят наши лошади? — обратился к нему Пит.

— Они в конюшне. В неё можно попасть лишь через комнаты стражи, поэтому советую обойтись без лошадей. Просто бегите через камеру Янмей. Там под кроватью есть дверка в подвалы. Только Питер вряд ли туда вместится...

— Иди, — мягко сказал ему Тафари, — и он нас не беспокойся.

Уильям обернулся к Бёрнис и несмело спросил:

— Ты пошла бы со мной на свидание?

Она хотела ответить ему резко, но потом, увидев робкий взгляд его синих глаз, сказала:

— Уил, что за глупости? Впереди война, какие уж там свидания?

Он опустил голову, а Бёрнис добавила:

— Давай вернёмся к этому разговору, если мы победим...

У Уильяма загорелись глаза:

— Мы обязательно победим! Обязательно!

Он быстро засунул руку в карман, вытащил что-то и протянул девушке. Это была маленькая золотая пчелка, сотканная из сотни крохотных деталек и проволочек.

— Возьми, — сказал Уильям. — Этот ауксил — берегиня. Если тебе понадобится помощь, только подумай обо мне. И я приду.

Парень положил берегиню на ворот рубахи Бёрнис, и пчелка крепко вцепилась лапками в ткань.

— Иди, — ласково сказала Бёрнис, тронув руку Уильяма через прутья, — слышишь? Иди. Кажется, возвращается стража.

Уильям поспешил к выходу. Поговорил с дружиной, дал ненужные распоряжения дежурным. И вышел за дверь, с нежностью коснувшись того места на рукаве, где до этого была рука Бёрнис.

...Никто из охраны не видел, как один за другим исчезли ремесленники. Никто не слышал, как Прославленные пробрались в конюшню, пройдя незамеченными мимо четырёх постов стражи. Потом посетители одной из татошных Лулы, расположенного напротив дворца Советов рассказывали, что когда они, сидя под зонтиками, пили тату, из конюшни, гарцуя, выехали лошади ремесленников. И некоторые дамы, видевшие это, клялись, что на лошадях ехали Музы Прославленных. Хотя как их можно было увидеть в такой солнечный день?

Проявились ремесленники только на половине пути домой. Дольше всех проявлялась Янмэй. Почему-то сначала все увидели её сапожки, которые подгоняли серую лошадку, мягко хлопая её по круглым бокам. И лишь потом постепенно появилось всё остальное.

Ремесленники отчаянно подстёгивали лошадей и смогли доехать обратно за четыре часа. К концу пути от лошадей шёл пар, только Вульф под Питом перебирал ногами и выгибал шею, как в начале пути. Вымотались и сами ремесленники. И когда над ними медленно пролетела какая-то бабулька на метле, подцепившая на конец рукоятки большую корзину, да ещё тащившая за собой небольшой летучий островок, Леонар сказал, показав на неё:

— Я уже думаю, что летать на такой штуке не такая уж и плохая идея. У меня от тряски в голове всё перемешалось.

— Тише, — остановив Вульфа, обратился к другим Пит.

Он пригнулся, подъехал к тому самому месту на холме, где стояла вывеска, показывавшая дорогу на Медикат, мимо которой они проезжали утром. Питер аккуратно выплянул из-за кустов и внимательно осмотрел местность.

Внизу, у входа в Стоунбон, расположился отряд дружины. Ремесленники так же заметили, что за зубцами крыши и Верхних ворот прячутся Гарбхан и Носик.

У входа в Стоунбон стоял Максимилиан. Тот самый, которого они видели на совете визидаров. Он задумчиво смотрел на закрытые створки дверей и дёргал ус.

— Откройте сейчас же! — глядя вверх, грозно рычал его помощник, — у меня в руках документ с круглой печатью Августа!

— Нет, — кричал в ответ Гарбхан, — мы подчиняемся только Прославленным, которым служим. А от них у вас никаких печатей нет и быть не может.

— Неслыханная дерзость, — отвечал помощник командира, — откройте. Вы что, не понимаете, что вас ждёт страшнейшее наказание?

— О, вы ещё не знаете строгого Пита! Вот от кого ждёт страшнейшее наказание, если мы откроем, — закричал Носик.

Но тут он увидел на холме самого Пита, а потом и всех остальных ремесленников. Носик толкнул Гарбхана. Они отошли подальше от края крыши, чтобы их не было видно солдатам снизу и стали что-то знаками показывать Прославленным.

— Они говорят, — приглядевшись, перевёл их махания руками Леонар, — что нам нужно зайти через тайный ход из сада.

Ремесленники украдкой спустили лошадей с холма и объехали священный дуб, который, склонив до земли ветви, закрыл их рыжей листвой от стражи. А Гарбхан и Носик, наоборот, оживились и устроили шумные переговоры, отвлекая солдат от дороги.

Но ремесленников это не спасло. Оказывается, большая часть отряда стражников спряталась недалеко в леске. Когда Тафари, наконец, заметил в стене отметину над тайной дверью, а её не так-то просто было разглядеть — так хорошо она была замаскирована, внезапно их группу окружили воины дружины.

— Вы арестованы, — сказал подъехавший помощник Максимилиана.

Ремесленники переглянулись. Стурла с Питером потянулись к мечам, но Тафари дал им знак, чтобы они остановились. Следопыт выехал вперёд и невинно спросил:

— На каком основании вы нас хотите взять под стражу?

Солдат немного опешил. Потом достал свиток и, развернув его, гордо показал Тафари:

— Вот, бумага с подписью Августа. И его именной печатью. Здесь написано, что все вы должны быть арестованы и доставлены в Медикат.

Тафари улыбнулся и засунул за пазуху руку.

Дружинники напряглись и достали мушкеты. Подъехавший Максимилиан резко дал приказ:

— Опустить дула... Сначала надо разобраться!

Следопыт вытащил из кармана свиток и протянул его Максимилиану.

— А что вы скажете, по поводу этого документа? — спросил Тафари.

Максимилиан быстро пробежал по пергаменту глазами. Там чёрным по белому было выведено, что Прославленным должны быть открыты все пути и входы. И ниже стояли все виды печатей.

— Насколько я понимаю, у нас печатей на документе всё же больше, чем на вашем? Значит, судя по вашим правилам, он главнее, не так ли? — уточнил Питер у помощника Максимилиана.

Тот промолчал, но желваки на его скулах заходили ходуном. А у Максимилиана отчего-то на душе стало легче.

— Их всё равно надо арестовать, — наклонился к нему помощник.

— Здесь сказано, — Максимилиан повернул к помощнику бумагу, — что мы обязаны оказывать ремесленникам всяческое содействие.

Помощник быстро глянул на документ и сказал:

— Плевать на него!

— Плевать? Ты что! Пока он не отменён, мы не имеем такого права — плевать на слова Августа, — покачал головой командир.

— Так вы проводите нас до главных ворот? — вклинился в их диалог Тафари.

Дружинники окружили их команду и сопроводили до входа. Под суровый взгляд стражи, сдерживающей коней, под их холодное молчание, ремесленники въехали в ворота и закрыли за собой засовы.

Когда они скрылись, помощник Максимилиана от досады стеганул лошадь и спросил командира:

— Послать запрос Августу на его комментарии к данному документу?

Максимилиан помедлил, а потом кивнул головой.

...В это время к ремесленникам спустился Гарбхан. Он помог им спешиться, а Тафари попросил его сейчас же созвать всех, кто был нанят на работы в Стоунбоне.

— У нас есть для вас объявление, — объяснил он Гарбхану.

Через пару минут испуганные визидары собрались у центрального фонтана. К ним вышли все ремесленники. Вперёд выступил Леонар и кратко рассказал собравшимся, как обстоят дела.

— И поэтому, — закончил он свою речь, — любой из вас может покинуть сейчас территорию, чтобы не навлекать на себя гнев властей. Спасибо вам за помощь и за вашу службу.

В толпе никто не шелохнулся.

Полная визидарка из фениксов — Сисилия, главная повариха на кухне, растолкала других, вышла, подбоченившись, на середину и, нарочито сердито сказала, обращаясь к Леонару:

— Да разве ж можно по таким глупостям отвлекать честных визидаров от работы? У меня булочки, наверное, подгорели.

Потом подошла ближе и, уже по-матерински, погладив по руке Тафари, сказала:

— Сынок, не забудь, что в пять я подаю чай. Сегодня к нему булочки с тыквенными сливками, мёдом и корицей. А тыква в этом сезоне сладкая уродилась. Так что булки — объеденье.

Она развернулась и направилась к харчевне. Остальные тоже молча разбрелись доделывать работу. На площади с ремесленниками остались только Гарбхан и Носик. Тафари позвал их на совещание.

Когда все устроились в зале заседаний, Носик вышел вперёд, расправил плащ, которым гордился, вытянулся, чтобы казаться выше и отрапортовал:

— К стражникам только что прилетел почтовый попугай, принес какое-то известие, и они спешно покинули ворота Стоунбона.

А Гарбхан добавил:

— Мы знаем, что вы нам не враги. И если надо готовиться к войне, то будем готовиться, правда, Носик? — повернулся он к коротышу.

— Да, — смело кивнул Носик, — мы за вами, хоть на край света.

— Спасибо, друзья, — улыбнулся Тафари, — но силы неравны. Врагов много. Нужна подмога.

— Не Август наш главный полководец и защитник, — мотнул головой Гарбхан, — а тот, на чьём теле выступают старые визидарские знаки. За ним пойдут все, — парень уверенно указал на Пита.

— Так тому и быть, — кивнул Тафари, — Питер, ты займёшься подготовкой ополченцев. А нам надо как можно скорее разослать почту с обращениями. Гарбхан, Носик, есть надёжные визидарцы, к кому можно обратиться, чтобы они передали нашу просьбу остальным?

— Не вопрос! — кивнул Гарбхан, — проверенных друзей много.

— Ну, и у меня на уме парочка надёжных людей, — сказал Носик.

— Но надо слишком много рассказать каждому визидарцу. Объяснить всю предысторию, для того, чтобы они пошли за нами, — задумался Питер.

Леонар покачал головой и сказал:

— Наша ошибка в том, что мы всё время противопоставляем визидарцев себе. А это неправильно. Они — наши братья. И это не просто слова. Поверь, Пит, надо кратко описать ситуацию и просто позвать. И они придут. А объясним всё подробно мы уже здесь.

Потом Леонар взял лист бумаги, положил его перед Бёрнис и попросил её:

— Тебе не трудно написать то, что я продиктую? У тебя очень разборчивый почерк.

Бёрн кивнула и приготовилась.

— Братья и сёстры, — сказал Леонар, — жители Визидарии. Пришли тяжёлые времена — нам грозит опасность. Спасительная стена рушится и, к сожалению, пока мы не в силах её восстановить. На нас готовится напасть та же сила, что и четыреста лет назад — войско малумов. Чтобы не повторилось прошлое, мы дадим отпор. И нам нужна ваша помощь. Все, кто может, откликнитесь. Ремесленники.

Пинар, Бёрнис, Итиро и Носик с Гарбханом занялись рассылкой. Они размножили письма, и, привязав к голубям, понесли их к Верхним воротам.

Но как только птицы поднялись в воздух, раздался протяжный свист. Откуда-то сверху на голубей упала большая стая пёстрых птиц и растерзала их.

— Кто это? Зачем они напали?! — спросила в ужасе Бёрнис, обернувшись к остальным.

— Это я-я-ястребы с-с-стражи, — ответил Носик, расстроено глядя туда, где последние голубиные перья падали на дорогу, — з-з-значит, отряд дружины никуда не уехал. С-с-скорее всего, они спрятались вон в том перелеске, — он указал на деревья за холмом.

— Но ведь у стражи не было с собой никаких птиц! — возразил Итиро.

— Им не надо возить их с собой. Ястребы стражи всюду. У командиров есть особый свисток. Когда они дуют в него, то ближайšie ястребы слетаются к ним и выполняют команды, — объяснил Носик.

— Кажется, два голубя всё же смогли выбраться, — заслоняя глаза от света, Пинар смотрела на горизонт, где быстро уменьшались две точки.

— Можем только надеяться на это, — покачал головой Итиро. — В любом случае, завтра утром мы узнаем, долетели ли известия до визидаров, если сюда приедет хоть кто-нибудь.

Когда они спустились вниз, то встретили расстроенного Тафари. Пока все его обступили, чтобы поговорить, Носик тихо проскользнул мимо собравшихся, завернул за угол и помчался по коридору. Он подошёл к комнате Пинар и Янмей, постучал, прислушался, приоткрыл дверь и, убедившись, что никого в квартире нет, оглядел коридор и крадучись зашёл в комнату, тихо затворив за собой дверь.

В это время Тафари разговаривал с остальными.

— У меня очень-очень плохие новости, — сказал он.

— У нас тоже, — ответила ему Пинар.

— Нам надо собраться вместе, в Мастерской Архитектуры. Известите остальных. А где Носик? — удивился Тафари, озираясь, — его с Гарбханом тоже надо позвать.

И Следопыт быстро удалился.

Встревоженные ремесленники сидели в мастерской, окружённые моделями зданий, макетами мостов и необычных сооружений, и ждали Тафари. Рассматривая висящий чертёж Иглы сапожника, Стурла сказал:

— Интересно, почему Тафари назначил встречу именно здесь? Я чувствую, что в этом есть какая-то логика. Возможно, он придумал ещё какую-то стройку. Или нас вновь ожидает карабканье на Башню Силы?

— Вот сейчас и узнаем, — кивнул Итиро, прислушиваясь к шагам в коридоре.

Когда Следопыт зашёл в компании Гарбхана, все повскакивали им навстречу.

— Тафари, ты знаешь что случилось с голубиной почтой? — спросила Мэд.

Следопыт кивнул и, сняв шапочку, сказал:

— Возможно, всё же, что пару голубей, как предполагает Пинар, успело вырваться. В любом случае, сейчас у нас есть дело гораздо серьёзнее...

Он нервно теребил шапку, пока Стурла не выдержал и не спросил:

— Да говори уже, что случилось?!

— Есть две новости... И обе плохие... С чего начать?

— Начни с менее печальной, — попросила Пинар, — если такая есть.

Тафари кивнул:

— Алаун рассказала, что Хьюго с консунтами создают «взрывающиеся клубки». Он делает их из силы Мраков. Вытягивает чёрную материю и скручивает. Получаются, как я понял, какие-то волосатые бомбы. Они способны взрывать энергию и мгновенно парализовывать кучу народа. Пока взрывающихся клубков у них всего два, и на их изготовление уходит много времени. Но нам надо быть настороже.

Стурла хмыкнул:

— Нам их бояться что ли, этих волосатых бомб? Ещё чего! У нас пока есть защитная стена. И она ещё достаточно крепкая.

Тафари грустно посмотрел на него и сказал:

— Хьюго утверждает, что клубки смогут пробить стену защиты, когда она будет чуть потоньше.

— Этот Хьюго несносный враль, — махнул рукой Стурла, — ну, что ещё изобрели эти консунты или как-ихтам во главе со своим мистером Психом?

Тафари взял побольше воздуха в лёгкие и, отведя глаза, продолжил:

— И ещё... Алаун сказала, что... малумы... наши тетрадь Леонара...

— Какую тетрадь? — спросил Стурла, глянув на побледневшего Леонара.

— Ту, в которой я описывал наши приключения, — медленно сказал граф, — ту, которую уронил в городе Чудотворцев. Ту, в которой все наши адреса...

— Да, — кивнул Тафари, — с другой стороны стена силы почти исчезла. Скоро она достигнет границ земель Хьюго. Его консунты подсчитали, что осталось дня два. И Хьюго будет освобождён со стороны человеческого мира. Алаун рассказала, что как только защита растает, то Хьюго первым делом нападёт на тех, кто остался из нашей родни среди людей. У него есть тетрадь с адресами. А это значит, что в опасности дед Итиро, отец Бёрнис и..

— И моя драгоценная Дэгни, — взвыл Стурла, со всей силы схватившись за бороду.

Он закрыл глаза, качаясь из стороны в сторону. Стурла отчаянно пытался сдерживать эмоции, как подобает викингу.

— Папа. Мой папа! — Бёрнис закрыла лицо руками и зарыдала. Слезы проступали у неё меж пальцев и капали на пол.

Только Итиро принял новость спокойно, он смотрел невидящим взглядом в окно, было лишь видно, как на его виске запульсировала вена и нервно заходил кадык.

— А моя мачеха с братцем Неисом? — встревожено спросил Питер, — они же тоже в опасности?

— Нет, — покачал головой Леонар, — я про тебя не успел написать.

— Братья и сёстры, — перебил его Итиро, — нам надо что-то придумать. Срочно. Должен же быть какой-то выход.

— Вокруг столько толков, — сердито сказал Стурла, — но все они абсолютно бесполезны. Ах, если бы дом Пинар был цел!

— Даже он не успел бы за такое короткое время обогнуть землю, — возразила Пинар.

— Не все толы и ауксилы бесполезны, — покачал головой Тафари, — я думаю, есть выход.

Он повернулся к Рыболову и, указав на дверное полотно, прислонённое к стене, сказал:

— А теперь, Марио, вспоминай хорошенько, всё, что ты узнал про Дверь-Во-Всё.

— Я понял, — хлопнул себя по лбу Марио, — ты хочешь попасть в дома родни визидаров через неё. Но пойми, за два дня мы не успеем собрать этот ауксил...

— За один день, Марио, за один, — покачал головой Леонар.

— Но... — оторопел Рыболов.

Все, не сговариваясь, обступили Дверь-Во-Всё, и стали внимательно её разглядывать, слушая объяснения Марио. А он, чувствуя важность момента, заволновался, заспешил, проглатывая слова.

Марио стало максимально трудно понять: то, что он говорил, только сбивало с толку слушателей. Предложения начинались гладко, потом слова в них нагромождались, смешивались и сваливались в кучу, как запутанная пряжа.

— Вульф Сториган хотел э-э-э...создать...в общем, такие пространственные пласты...когда э-э-э...через одно зеркало...как портал...проникаешь...он ненадолго открывается...много энергии...запретили...потерялась основная деталь...само зеркало...

— Не торопись, — мягко коснулась его плеча Пинар, а потом обратилась к остальным, — Марио хочет сказать, что для того, чтобы дверь заработала, нужен вечный мелок — но он у нас есть. Но самое главное — надо найти то самое пространственное зеркало, которое создал Сториган. Это зеркало — и есть самая главная деталь данного ауксила.

— А как оно выглядит? — спросил Гарбхан.

— Мы знаем лишь его описание, — Марио, наконец, собрался, вытащил из-за пазухи тетрадь и стал из неё зачитывать собственные пометки, — оно выглядит обычным. Но в этом зеркале даже ночью не отражаются Музы и Мраки. И ещё, если в него светишь Фонарём Теней, то зеркало чернеет.

— Насколько я поняла, оно находится в бывшей квартире этого профессора Сторигана? Ведь зеркало видели в последний раз там? — спросила Мэдлин.

— Вернее, на-на-находилось, — вставил присутствующий здесь же Носик, — Сейчас в ква-ква-квартире профессора Вульфа Сторигана живу я. У меня даже табличка на двери сохранилась с его именем. Но мы с Марио перерыли всё, даже стены простучали в поиске тайных ниш, но... Марио утверждал, что зеркало спрятано то ли под башмаками, то ли некие туфли укажут путь...

— Если быть точнее, — вклинился в разговор Марио, — то кукла из секретной библиотеки дословно сказала, что зеркало спрятано за левым башмаком друга.

— Но никаких старых башмаков...ни ле-левых, ни пра-правых... у меня в квартире точно нет, кроме моих собственных, — сказал Носик.

— У тебя в квартире надо всё осмотреть ещё раз, — сурово выступил вперёд Стурла, — от этого зависит жизнь наших родных.

И двинулся к двери. Повернувшись у порога, он обратился к Носику:

— Показывай, где живёшь. Кто-нибудь, — сказал Стурла остальным, — идёте с нами.

С ними отправились Итиро, Марио и Питер.

Остальные тоже разделились на группы и направились по Мастерским собирать все материалы, относящиеся к работам Вульфа Сторигана. Искали, где могли. Особенно в тех Мастерских, где профессор Сториган когда-то работал.

Так, Леонар, случайно нашёл несколько ящиков с огнивами. О, как стало понятно из прилагающейся инструкции, это были чудесные огнива! Видимо, древние ремесленники, изготовив их, не успели распространить среди визидаров. Огнива состояли из металлического стержня и закреплённого на его конце вытянутого кристалла. Им надо было провести по любой сухой поверхности, и кристалл огнива надолго вспыхивал ровным голубым пламенем, освещавшим, но не поджигавшим. Если же камнем провести дважды — то появлялся огонь красный, и он жёг. Удобная была штука, эти огнива. Но сейчас они не могли помочь найти то самое нужное зеркало. И Леонар с досадой отпихнул ящики с никчёмной находкой, продолжив поиски.

Пока одни ремесленники рылись в книгах и картотеках, команда, отправившаяся к Носику, перетряхивала вещь за вещь в его небольшой квартирке. Они захватили с собой фонарик Следопыта и светили им в каждое

зеркало, какое им попадалось.

— Это мой че-чемоданчик, — кидался на защиту имущества Носик, потому что Стурла был слишком бесцеремонен.

Гном остервенело носился по комнатам в поисках, думая, где ещё может быть спрятано зеркало. Осмотрели стены, простучали плитку на полу, отодвинули абсолютно всю мебель. Но всё было тщетно — никакого зеркала нигде не было: ни в спинке кровати, как предполагали раньше, ни под столом, ни в кабинете или кухоньке.

— Что же делать? — оглядывая полупустой чулан, бормотал расстроенный Стурла. Он поддел носком ботинка мешок и спросил у Носика, — а тут что?

— Это вещи Сторигана на выброс, но поверь, ни-никакого зеркала там нет, — поспешил объяснить Носик, чтобы гном не рылся в мусоре.

Но поздно. Стурла быстро перевернул мешок и вывалил хлам на пол: тюбики и банки с засохшей краской, развалившиеся кисточки и заплесневевшие банки, содержимое которых давно стало одного грязного цвета и даже понять, что это было, не представлялось возможным. Поднялось облако пыли, и даже Питер зачихал.

— Я же говорил, — кашляя, сказал Носик, — что этот Сториган в свободное время рисовал. Вот его работы, — он показал на картины на стене.

Стурла оглядел холсты и вынес сердитый вердикт:

— Надеюсь, что создатель ауксиллов из Сторигана лучше, чем художник. Картины странные. Что за мазня? Хотя вот эта, самая большая, с леприконами, ничего.

Он подошёл к картине и в отчаянии ткнул в неё мечом — может, зеркало внутри?

Но нет, меч прошёл насквозь, сделав в картине внушительную дыру.

— Мы проверяли полотно ещё в прошлый раз, но... — глубоко вздохнув, сказал Марио, но Стурла так на него посмотрел, что парень не решился продолжать.

Визидары молча помогли Носику собрать мусор обратно в мешок.

— Пойдём, — сказал Итиро, — значит, надо искать в Мастерских Архитектуры. Там, в кабинете Вульфа Сторигана, сейчас ведут поиски остальные. Может, потом порыскать в здании администрации? Надо осмотреть все зеркала в Стоунбоне! Стурла, мы обязательно найдём его.

Гном же только, сердито пытаясь, толкнул дверь и побежал по лестнице вниз. Он не хотел, чтобы кто-то видел выстужившие слёзы — ничегошеньки не нашли, чтобы спасти Дэгни, а время шло.

Остальные тоже откопали мало: принесли фотографию Сторигана из картотеки, с которой на них смотрел худой скуластый мужчина с круглыми глазами. Из примечательного в нём было, пожалуй, только то, что его брови и усы могли поспорить между собой по густоте. Пинар притащила из библиотеки статьи Сторигана в соавторстве с Асто Дилманом по расширению пространства. Ну, и Леонар принёс из архива папку с приказом от 1 сентября 1525 года, в котором говорилось, что профессор Вульф Сториган опять на четыре часа лишил энергии весь Стоунбон и округу, чем сорвал работу всех запущенных толлов и Мастерских. К документу была приколота докладная Эхри Доу, преподавателя левитации, о том, что из-за скачка энергии повредилась летательная обувь и несколько учеников, упав с высоты, получили травмы. Тут же была объяснительная Алана Пинара, что из-за отсутствия энергии, в Саду хищных растений на ученика напали камни-каннибаллы, и молодой человек погиб. В этой же папке было вложено прошение, подписанное А. Дилманом о поручительстве за работы Вульфа Сторигана. Но, видимо, глава Стоунбона был непреклонен, и со 2 сентября 1525 года Сторигану было запрещено продолжать опыты по перемещению в пространстве, лаборатория профессора должна была быть расформирована, результаты его исследований сданы в тайный архив, а недоделанный ауксил — Зеркало Перемещения уничтожен, как опасный. Заканчивалась папка Документом об уничтожении зеркала из Двери-во-всё, засвидетельствованный Амалией Холл, Хлоей Дилман и Абсолоном Жобенем.

Ознакомившись с ворохом бумаг, Леонар изрёк:

— Не густо... Но мы не исследовали лишь один архив, который вела семья Мак Дары.

— И что мы там можем узнать? — спросил Стурла.

— Покидал ли первого сентября 1525 года и ближайšie к нему дни территорию Стоунбона Вульф Сториган. Если да, то куда он ездил. Возможно, туда он и отвёз зеркало.

— Но кукла из подвала библиотеки сказала, что зеркало в Стоунбоне, — помотал головой Марио, — мы не можем ей не верить.

— Сам профессор ей оставил эту информацию, — напомнил Итиро, — но всё могло измениться.

— Но идти за стены опасно, там может поджидать стража! — воскликнула Пинар.

— Почти стемнело, и через боковую дверь до Мак Дары добраться будет легче и незаметнее, — предположила Бёрнис, — тем более, что стража не знает об этой двери. Ведь мы не успели её тогда при них открыть, а увидеть её не так-то просто.

— Пойду я и Итиро, — безапелляционно сказал Стурла.

С ними рвался ещё Питер, но его, из-за внушительных размеров, не взяли.

Стурла и Итиро, открыв тайный проход, выбрались за стены Стоунбона. Сегодня в помощь им была пасмурная погода, спрятавшая луну, и тёмные тени священного дуба, которые их надёжно укрыли под своим покровом.

Добрались они до избушки быстро, пробрались на крыльцо и поскреблись в дверь. Услышав их, в клетке очнулась одна из погодных куриц. Она подняла голову, пробубнила: «Скоро будет дождь» и снова заснула.

Мак Дара, которого ремесленники хорошо успели узнать за это время, всегда был где-то поблизости. Если он не спал у себя в домишке, привалившись к тёплой печной стене, то стоял на крыльце, наблюдая за теми, кто направлялся в Стоунбон. Или обходил владения, освещая дорогу огромным фонарём. В этот момент издали он напоминал живой фонарный столб.

Сейчас же Мак Дара был дома. Бодр и весел. Он тихо открыл дверь и высунулся в тёмный проём. Его, обычно опущенные, уголки губ сложились в подобие улыбки. Он огляделся по сторонам, поманил посетителей пальцем внутрь дома. И только когда плотно закрыл дверь на четыре замка, успокоился.

— Что творится? — встретил он вопросом ремесленников, почесывая кота за ухом, — тут за вами охотится дружина.

— Некогда рассказывать. Сложности, — отмахнулся Стурла, — скажи, Мак, дружище, а есть ли у тебя дневники посещений за сентябрь 1525 года?

— Конечно. Мы записываем каждого. Всегда, — старик стряхнул с рук кота и одним ловким движением, почти не глядя, достал из пачки журналов нужный, — вот, — протянул он его Стурле, — а заодно и за август, — положил Мак рядом другой.

Стурла с Итиро открыли журналы и внимательно углубились в изучение списков. Но ни в конце августа, ни весь сентябрь профессор Вульф Сториган не покидал территории Мастерских. Более того, Стоунбона в начале сентября не покидал ни один педагог, ремесленник или его подмастерье. Грузы приходили, но ни одного груза, кроме как с почтовыми голубями, из Стоунбона не вывозили до 4 сентября. А по бумагам зеркало было уничтожено 2 сентября. Значит, оно всё ещё находилось где-то в Стоунбоне.

Тут в дверь настойчиво постучали.

— Откройте Мак Дара, это стража, — сказал густой бас, — мы видели какие-то тени у вашего крыльца. Всё ли в порядке?

Мак Дара, выпучив глаза, приложил палец к губам, а потом сонным голосом сказал:

— Я сплю, сейчас погодите. Открою.

А сам в это время отодвинул решётку под печью, показал ремесленникам на дыру и шёпотом сказал:

— Лезьте туда, там выход.

Итиро вытащил из-под печи пару поленьев, старые сапоги, покрытую паутиной кочергу и, оглядевшись на дверь, в которую опять надрывно заколотили, смело нырнул в темноту. Стурла полез за ним.

Мак Дара добродушно им улыбнулся вслед, хитро прищурил глаза, по-солдатски отдал честь и быстро задвинул решётку.

Ремесленники слышали, как Мак впустил в комнату стражу, поэтому заработали локтями сильнее, двигаясь по ужасно узкому лазу. Тут и Стурле было тесно, а что уж говорить про Итиро. Они спешили, стараясь не думать, что под руками мышиный помёт. Итиро шептал: «Лишь бы успеть, лишь бы успеть добраться». И когда на лицо прилипла очередная паутина, он лишь крепче сжимал зубы.

Вылезли Итиро и Стурла меж корней Эо Мугна и, недалеко увидели стражников, которые стояли, повернувшись к ним спиной. Друзья пригнулись к густой траве и побежали к тайному выходу.

Их всё же заметили, когда они стояли у самой крепостной стены. Кто-то закричал, раздались выстрелы, но Итиро и Стурла успели закрыть дверь перед самым носом стражников.

Грязные, мокрые, в паутине и саже, они явились перед друзьями.

— Зеркало где-то на территории. Абсолютно точно, — отряхиваясь сказа Итиро.

— Что же, — задумался Тафари, — давайте дадим себе передышку в полчаса, а потом продолжим поиски. Приготовьтесь работать всю ночь.

Ремесленники разбрелись по делам. Стурла с Итиро пошли приводить себя в порядок, многие отправились в паб выпить таты, которая не только бодрила, но снимала головную боль и давала хладнокровие. Пинар удалилась уложить Янмей, чтобы потом присоединиться к остальным. А Питер с Мэд отправились в мансарду Мастерских Архитектуры, где девушка, в кабинете Сторигана оставила кофту.

Они поднимались по витой лестнице, как Пит вдруг остановился и потёр руку.

— Ушиб? — спросила его с тревогой Мэд.

— Нет, но происходит что-то странное.

Питер расстегнул рубаху и показал руку, покрытую татуировками. Они двигались, складываясь в новый рисунок: среди рун и узоров явно проступила большая ящерица, которая держала во рту знак визидаров.

— Она иногда горит, — приложив к изображению руку, пояснил Питер.

— И когда это стало происходить? — спросила Мэдлин.

— Как только заговорили о сражении, вот в тот самый момент. Но, уже всё прошло, смотри — рисунок застыл, пойдём дальше.

Они поднялись наверх, нашли забытую кофту, но запутались в темноте коридоров и случайно вышли в новое крыло, где в нише увидели ещё одно зеркало, которой не замечали раньше. Это было старинное зеркало в резной раме. Вернее, если говорить строго, даже три зеркала, соединённых меж собой под углами. Если встаёшь перед ними, то себя видно с трёх сторон. Питер достал огниво, провёл им по каменной стене и ровный голубой огонёк осветил раму, богато украшенную цветочным орнаментом и фениксами.

— Может, это и есть зеркало, которое мы все ищем? — с надеждой спросила Мэд.

Она потрогала его гладкую поверхность, которая неожиданно пошла рябью, словно была из воды. Мэд отдернула руку:

— Это точно оно!

— Нет, — покачал головой Питер, — нет.

— Почему?

— В нём отражаются Музы, это раз, и два, смотри, — он подсветил раму, где была бронзовая табличка, — тут написано, что это — вход в Сад Сновидений. Его создавали в Мастерской Врачевания. Создатели: Георг Петрюссон — ого, мой предок! Вместе с Амалией Холл и Бию Доу. Сад Сновидений — лечит душу. Если кого-то покинул разум, или вследствие злых или непреднамеренных чар душа помутилась и покинула память, то эта комната вылечит пострадавшего. Смотри, тут дальше инструкция: «Когда вступишь в зеркало, оно закроется за тобой. Там на тебя нападёт сон».

— Давай попробуем туда зайти, — Мэдлин опять тронула податливую поверхность зеркала и её глаза загорелись любопытством.

— Нет, — покачал головой Питер, — нельзя. Здесь написано, что ты пробудешь там не меньше двенадцати лепестков часовой девы, то есть 12 часов, если здорова. Но если душа больна, то визидар не выйдет, пока не выздоровеет. Пойдём, возможно, остальные нас уже ждут.

Он двинулся обратно к лестнице.

— Поскорее бы найти этот проход! — говорил Питер, спускаясь. — Мне жаль родню Бёрнис, Итиро и Стурлы. Если бы ты видела, с каким рвением Стурла полосовал картину в квартире Носика! Он так надеялся найти за ней зеркало!

— Какую картину? — спросила Мэдлин.

Пока они спускались, Пит рассказал ей об их сегодняшних поисках у Носика и неумелых картинах Вульфа Сторигана.

— И Стурла с разбегу ткнул прямо в грудь нарисованного леприкона, словно хотел с ним сразиться... — закончил Питер повествование.

— Но такая же картина, какую ты описываешь, висит у меня в квартире! — остановилась Мэдлин на очередном пролёте.

— Постой, ты живёшь там, где когда-то жили Хлоя и СидДилманы... А у Сиды был младший брат — Аугусто Дилман. Тот самый, с кем Вульф проводил опыты по расширению пространства, — сопоставлял факты Питер, — вполне вероятно, что они дружили...

— А ты знаешь, что кукла из подвала библиотеки сказала, что зеркало находится в левом башмаке друга? — спросила это Мэдлин.

— Знаешь, что я вспомнил?! — ответил он ей вопросом на вопрос, — Как же я мог это забыть?! Ты никогда не слышала, как иногда ирландцы называют леприконов? Левый башмак!!!

Мэд на секунду застыла, а потом, схватив Пита за руку, потянула вниз. Они, не останавливаясь, бежали до её комнаты. Их с удивлением проводил взглядом Леонар. Он вывел Огонька на прогулку. И Бёрнис, когда они пронеслись мимо, она шла с чашкой таты. И Пинар, выходящая из главного здания. Мэдлин и Питер чуть не сбили её с ног. Но, ничего не объясняя, они мчались по лестницам и переходам, пока не остановились перед дверью Мэдлин. Она отдышалась, рванула дверь и, пробежав через гостиную, ворвалась в кабинет. Подскочила к камину, поставила стул и, взобравшись на него, стукнула ладонью по картине, которую Пит уже видел в комнате Носика. Раздался дребезжащий звук, словно бьют по стеклу.

— Смотри, — сказал Пит, указав на правый нижний край огнивом, — тут написано «Вульф Сториган, 1 сентября 1525 года, Асто на память. Спасибо за то, что умеешь хранить секреты».

— Всё совпало! Это значит, что Вульф Сториган зарисовал зеркало, превратив его в картину! Потом передал её другу Асто Дилману. А он, по каким-то причинам, повесил её у своего брата Сиды... — в волнении воскликнула Мэд и поскребла по краске.

Под её ногтем кусочек картины отвалился и оголил зеркальную гладь.

— Мы нашли его, — обрадовано сказал Пит, — Мэдлин, ты настоящая спасительница!

В порыве ликования он взял её в охапку, снял со стула, и неожиданно поцеловал. И сам оторопел от своей решимости.

Минуту они стояли молча.

— Мэд, ты будешь моей девушкой? — спросил он её несмело.

Мэдлин, покраснев, кивнула. Они услышали, как дверь без стука растворилась, Мэд успела лишь выскользнуть из больших рук Пита, как к ним вошли остальные ремесленники. Никто, кроме переглянувшихся Леонара с Пинар, не заметили их смущения и румянца.

— Ну, вы чего тут сидите? Поторапливайтесь, — командовал Стурла, — времени всё меньше! Надо продолжать искать зеркало!!!

— Мы нашли его, — сказала ему Мэд.

И они с Питом показали на картину.

Потом были расспросы и объяснения. Картину сняли, отнесли в Мастерскую Архитектуры и смыли с неё краски. Перед ними предстало тёмное мутное зеркало. Оно отражало лишь расплывчатые пятна, словно было покрыто толстым слоем жира.

— Интересно, — тронув зеркало, размышляла Бёрнис, — оно должно быть таким размытым? Или потемнело из-за красок и уже испорчено?

— Никто не знает, — пожал плечами Марио, — в трудах Сторигана нет чёткого описания его поверхности.

Зеркальную пластину установили в дверной проём, куда она поместилась идеально. Раздался щелчок, и пятна в зеркале заплясали, задвигались. Итиро закрыл Дверь-Во-Всё, и наступила тишина. Было слышно, как отбили часы.

Пит выглянул в окно и сказал:

— Часовая дева отбрасывает второй листок.

— Что же, — выдохнул Тафари, — пришло время пробовать нашу Дверь.

— Постойте, — занервничала Бёрнис, — а вдруг получится как с усилителем? Вдруг не хватит энергии? Вдруг что-то пойдёт не так? Вдруг мы не спасём своих родных?

— Бёрнис, деточка, — успокоил её Леонар, — не спеши пребывать в горе. Когда его ещё нет. Давай решать всё постепенно.

— В любом случае, надо попробовать, — подошла к ней Мэдлин.

— Я просто...очень боюсь... — закрыла Бёрн лицо руками.

Вернулись Пинар и Леонар. Они ходили за вечным мелком, вытащив его из Механизма, вырабатывавшего энергию для Стоунбона.

— Говори адрес, — сказал Бёрнис Марио и, взяв из рук Пинар вечный мелок, подошёл к двери.

— США, Арканзас, Эль Дорадо, ферма Холлов, — дрожащим голосом, полным надежды, сжав ладони между коленей, произнесла Бёрнис.

Марио всё старательно записал. И три раза стукнул вспотевшим кулаком в дверь. Она мелко затряслась, свет замигал, а потом погас. И из окон было видно, что он исчез во всём городке.

Ремесленники зачиркали огнивами, и комната осветилась голубым светом. Марио осторожно открыл дверь. За нею было всё так же мутно и темно. Бёрнис подошла к проёму и протянула руку. Та прошла сквозь муть, не встречая препятствий. Девушка приблизила лицо к невидимой границе и шумно втянула воздух:

— Это точно наша ферма! — обрадовано сказала она, обернувшись к остальным, — пахнет кукурузой и чем-то безумно родным!

Она смело шагнула внутрь и исчезла.

— Нужно пойти за ней. Но здесь тоже должен кто-то оставаться на всякий случай — мы не знаем, сколько у нас времени! — сказал Итиро и нырнул за Мэдлин.

За ними в темноту вскочил и Тафари.

...Джон Холл очень устал.

Сегодня он целый день убирал картофель. Ему обещались помочь братья Стэнли с соседней фермы, но они так и не появились. Возможно, из-за проливного дождя. Но откладывать уборку было уже нельзя. Джон, неуклюже ковыляя на деревянной ноге, ковырял тяжёлую землю и до обеда поглядывал на дорогу — может, вон та повозка свернёт к нему и братья всё же приедут? Но в три, съев промокшую лепёшку, решил больше ни на кого не рассчитывать.

И Джон сконцентрировался на лопате. Поначалу он даже не заметил, что мыши-полёвки идут за ним и, подхватывая картофелину, тащат её в телегу. Увидев первую мышку, он оторопел, даже замахнулся на неё, но она пискнула и потащила клубень дальше, потом ловко взобралась по колесу и бросила его в кучу. Джон оглядел поле

— среди выкопанного картофеля носились серые помощницы. Мужчина улыбнулся — вот так подмога. Так с мышами до потёмок они убрали целое поле.

— Спасибо вам, — оглядев вскопанную землю, поклонился Джон серым помощникам.

У него оставалась ещё одна большая лепёшка и он, вытащив её из куртки, бросил мышкам:

— Угощайтесь.

А сам подхватил ручки телеги и, хромя, потащил к дому. Он так утомился, что оставил картофель под навесом, не в силах его перетаскать в сарай. Решил, что сделает это завтра. Поднялся в дом, съел кусок холодного мяса, да так, прямо в одежде, лёг на диван, вытянув здоровую ногу к тлеющей печки-толстобрюшке. И задремал.

Снилась ему дочь. Она сидела рядом, маленькая, держала в руках большого кролика и когда его уши задевали Бёрн носик, она заливалась звонким смехом.

— Доченька моя, — сказал сквозь сон Джон.

Рука его дрогнула и потянулась погладить дочь по волосам.

А она стояла рядом, близко-близко. И не во сне.

Бёрнис коснулась плеча отца и легонько потрясла:

— Папа, вставай.

Джон открыл глаза и секунду непонимающе смотрел на дочь. Потом обрадовано кинулся к ней, обнял. Увидел в потёмках за её спиной Итиро и Тафари.

— Мы пришли за тобой, Джон, — сказал Итиро, — собирайся. У нас мало времени.

Мужчина, не задавая вопросов, встал, на секунду задумался, схватил из шкафа фотоальбом, коробку с шахматами и сказал:

— Я готов.

Бёрнис держала отца за руку, крепко прижимаясь к нему. Они вчетвером подошли к зеркалу, которое всегда висело напротив входной двери. Но сейчас в нём ничего не отражалось, кроме расплывающейся живой темноты. Туда они и шагнули.

И оказались в мастерской. Света ещё не было и, сначала Джон увидел лишь бликующие голубые огоньки. Слезы радостной встречи застилали ему глаза, он мало понимал что происходит. Голова шла кругом, будто вокруг было продолжение сна. Но тут Джон увидел ремесленников. Они радостно обступили вернувшихся.

— Ура! — ликовала Мэдлин.

Напряжённая атмосфера ожидания в мастерской сразу разрядилась. Все приветствовали Джона Холла. А он знакомился с теми, кого видел впервые. Кто-то его спросил, как обстояли его дела в том свете, человеческом.

— Благодаря Следопыту, жилось мне не так уж трудно, — улыбнулся Джон, — спасибо тебе за помощников и защитников, Тафари!

— Жаль, что в Визидарии я уже не обладаю такой силой, — засмеялся Следопыт, обнимая Джона.

— Давайте теперь спасти мою Дэгни, — растолкав всех, протиснулся вперёд Стурла.

Он подтащил к двери стул и рукавом стёр с неё адрес Холлов.

— Пиши скорее адрес моей фермы! — требовательно обратился он к Марио.

— Подожди, Леонар с Пинар пошли устанавливать в Тол энергии мелок. Когда в Стоунбоне заработает свет, они принесут его обратно. Надо чтобы накопилась энергия, — покачал головой Рыболов, — иначе дверь не заработает.

— А сколько энергия будет копиться? — спросил Стурла.

— Не знаю, — честно ответил Рыболов, — но будем надеяться, что недолго. Иначе...

— На это может потребоваться несколько часов, — сказал Тафари, — в одной из докладных, было указано, что когда Вульф проводил опыт, он лишил Стоунбон света на четыре часа. Я думаю, сейчас будет так же...

Оставалось лишь ждать. Бёрнис повела отца устраиваться на ночлег, но потом вернулась. Сколько бы ни говорил Тафари ремесленникам разойтись, никто не решался уйти. Отлучались лишь за новой порцией таты.

Наконец, через четыре часа, действительно, вспыхнул свет и дверь тряхнуло.

— Заработала? — вскочил дремавший Стурла, и ответил сам себе, — Заработала!!!

— Может, подождём ещё немного? — нерешительно спросила Мэдлин, — чтобы подкопить энергии. Вдруг её не хватит?

— Нельзя ждать, — нервничал Стурла.

Леонар с Пинар снова отправились за её мелком. Когда принесли его обратно, она протянула его Марио, а граф доложил:

— Запасы энергии восстановлены!

Марио стёр с двери прошлую запись, и Стурла стал диктовать ему адрес в далёком фьорде Оса.

— И ещё припиши, — волновался Стурла, сняв шлем и размахивая им, — бордовый дом с белыми ставнями и удивительным колокольцем, где вместо языка ...

Марио растерялся. Мелок в его руке застыл.

— Стурла, возможно, этого уже и не надо добавлять, — мягко сказала Пинар, но увидев, сникший взгляд Стурлы, кивнула Марио, — пиши и это.

Как только Марио дописал, гном нетерпеливо откинул шлем, стукнул в дверь три раза и отступил, ожидая, пока она перестанет вибрировать. Опять погас свет, но Стурла смело открыл дверь и шагнул через мутный слой.

На него сразу пахнуло вяленой сельдью и сыром. Да, это была его ферма!

Казалось, Стурла покинул её только вчера — знакомо колыхались шторы на окне, на столе стояла его любимая чашка с отколотой ручкой, наполненная брусникой. С рукомоиника в фарфоровый таз тихо капала вода. Только Дэгни нигде не было. Ни в подвале, ни в спальнях, ни на чердаке. Стурла в ужасе метался по дому, а пришедшие с ним Итиро и Тафари, пытались его успокоить.

Тафари не помещался полностью в крохотной комнатке, поэтому сел на пол и говорил:

— Не тревожься так, Стурла. Найдём мы твою Дэгни.

— А что, если она уехала в город?! — кричал Стурла, — что если...

Тут открылась боковая дверь и вошла Дэгни, неся полное ведро овечьего молока. Она вытерла пот со лба и тут увидела Тафари. Дэгни побледнела, испугалась и уж было кинулась бежать из дома. Потом заметила Итиро и остановилась, а потом и Стурлу. Дэгни бросилась к мужу, опрокинув ведро. Молоко разливалось белым пятном у них под ногами, а они обнялись и не могли оторваться друг от друга.

— Славный мой Стурла, — плакала Дэгни, вытирая глаза рукавом и глядя мужа по лысине.

— Нам надо спешить! Сейчас мы уйдём через проход в Визидарию, — сказал он ей и побежал снимать остатки оружия со стен.

— А как же дети? — опешила Дэгни.

— Они пока в безопасности, мы им напишем, — успокоил Стурла, — слава Одину, Леонар о них не упоминал.

— Кто такой Леонар? Что упоминал? Что вообще происходит? — начала приходить в себя Дэгни.

— Потом объясню, — рассовывая по рукам друзей охапки оружия, коротко сказал Стурла, — на вот, держи, — дал он ей секач.

— Мы идём сражаться? — спросила Дэгни.

— И это тоже будет, но не сейчас, — подхватил её за локоть муж и потянул к зеркалу.

Растерянную Дэгни в Мастерской Архитектуры ремесленники встретили всеобщим ликованием. Подсвечивая огнивами дорогу, её со Стурлой проводили к лестнице. Остальные, воодушевлённые победой, немного расслабились, ожидая, когда снова загорится свет.

— Теперь можно и поесть, — предложил кто-то, и все двинулись в харчевню.

Туда же пришёл и Леонар, который ходил устанавливать мелок на место в накопитель Силы.

— Скоро и ты увидишь своего деда, — сказал граф, присаживаясь рядом с Итиро.

Парень с надеждой кивнул. Поели, вернулись в Мастерскую. Постепенно сюда подтянулись и остальные. Пришли Дэгни с Джоном. Им объясняли местный быт и правила жизни, пока ждали, поглядывая на лампы.

Прошло четыре часа, но дверь не работала. Несколько раз Итиро подходил к дверному полотну и приоткрывал его, чтобы убедиться, что прохода нет.

— Не расстраивайся, скорее всего, в этот раз надо чуть больше времени, — пыталась успокаивать его Пинар.

Опять ждали. Кто-то читал, кто-то пытался дремать, но это плохо получалось из-за волнения и таты.

В десять утра Стурла принёс им завтрак, но энергия в Стоунбоне так и не восстановилась.

Задремавший Тафари проснулся от того, что зеркальце в его кармане завибрировало. Он оглядел мастерскую — все кто были в комнате, спали, только Итиро читал рукопись Вульфа Сторигана, сидя на подоконнике.

Следопыт поднялся, тихо вышел на лестничную площадку, открыл зеркальце и увидел расстроенную Алаун. Оглядываясь на дверь за спиной, она приглушённо заговорила:

— Тафари, стена почти растаяла. До вас ей ещё разрушаться недели три, но внешняя сторона в человеческий мир... её почти нет. И Хьюго только что объявил, что ещё чуть-чуть, и малумы отправятся в три дома на Земле, где осталась родня визидаров, — девушка всхлипнула, — мне очень жаль, но я не знаю, чем помочь.

Следопыт нахмурился, тронул зеркало, как будто хотел прикоснуться к щеке Алаун, чтобы убрать с неё слезу.

— Мы делаем всё возможное, Алаун, — сказал он.

Вдруг везде загорелся свет, и стало слышно, как за окном заработал фонтан.

— Извини, мне нужно спешить! — сказал Тафари и, захлопнув зеркало, помчался обратно в мастерскую.

Все тоже повскакивали. У вибрировавшей двери стоял Итиро. Он держал мелок и выводил самый дорогой для него на свете адрес. Написав, открыл дверь и заглянул в бурлящую темень.

— Постой, Итиро, я должен тебя предупредить, что стена растаяла, — тронул его за плечо Тафари, — И с минуты на минуту малумы вырвутся во внешний мир.

— Так тем более надо спешить, — кивнул Итиро и спросил, — кто со мной?

К нему, вытащив из ножен оружие, шагнули Пит и Тафари. Они по очереди вступили в проход за ним.

И оказались в маленьком дворике. В темноте ночи Итиро сразу узнал дом. Здесь всё было по-прежнему: ухоженный каменный садик, сосна, настилы вокруг, только ручеек не журчал.

Итиро помчался внутрь дома и разбудил спящего деда. Таисуке словно расстался с внуком вчера: он открыл глаза и просто спросил:

— Как здоровье, Итиро?

— Дедушка, — обняв старика, прошептал Итиро, — я пришёл тебя забрать. Здесь угрожает опасность. Со мной пришли мои друзья.

Итиро показал на две тёмные фигуры в проёме.

— Коничива, — кивнул им господин Таисуке.

Он вскочил, накинул халат и сказал:

— Вас надо бы напоить чаем.

— Нет, дедушка, нет, мы очень спешим, — покачал головой Итиро, — возьми только то, что тебе дорого, но только быстрее.

Дед разложил простынь и стал складывать в неё любимые палочки для еды, старые сандалии, выцветшие фотографии...

— Быстрее, дедушка, быстрее, — подгонял Итиро.

Но дед шаркал по дому босыми ногами и растерянно говорил:

— Что-то важное забыл.

Наконец, Тафари не выдержал, завязал в узел то, что было собрано, и двинулся к тёмному зеркалу.

— Нам, правда, нужно идти, — сказал деду Итиро, — поспешим.

— А как же щенки? — растеряно спросил дед, — если мы уйдем, люди положат их в ящик снов. Или они погибнут от голода.

...Визидары в мастерской не ожидали, что когда откроется дверь, из неё начнут выскакивать пушистые комочки. Только когда первый щенок затыкал, ремесленники поняли, что это собаки.

Во дворе японского дома от сарая до двери выстроилась цепочка: дед, Итиро, Тафари и Пит. Они передавали друг другу щенков, коих было семнадцать, и бросали их в проём.

Только они передали последнего, как небо над ними почернело, словно зашла луна. Тафари осветил вверх фонарём теней и увидел войско малумов, приближающееся к ним. Ремесленники помчались в дом. Малумы же, увидев их, стали кидаться вдогонку какими-то сгустками — видимо теми самыми волосатыми шарами, которые взрывались и поджигали всё вокруг.

Последним в проход запрыгнул Питер, но сразу за ним зеркало взорвалось и рассыпалось на мелкие кусочки, осыпав головы ремесленников осколками.

— Ой, — подскочила к Питу Мэдлин, — ты не ранен?

— Нет, — успокоил её великан, стоя среди битых стёкол и дымящегося пола на котором возились в пыли семнадцать пушистых собачат.

Вдруг один из щенков бросился в угол и схватил чёрный шар, который состоял из шевелящихся жгутов. Они напоминали клубок змей. Никто не заметил, что одна из бомб залетела в комнату и теперь, шипя, готовилась взорваться. Острыми извивающимися концами она жалила собаку, но тот, скуля, мотал мордой, пытаясь раскусить врага. К нему подлетели остальные щенки и, растащив бомбу на части, разорвали каждый змеящийся жгут по отдельности. Всё это произошло молниеносно, на глазах изумлённых ремесленников, не успевших отреагировать.

— Вот это собаки! — восхищённо смотрел на чумазые морды щенков Стурла, — погляди, Дэгни! Маленькие, а какие смелые!

— И словно знали, что делать, — кивнул Леонар, — настоящие визидарские малыши.

Ремесленники вышли на улицу, неся охапками щенков. Визидары никогда не видели таких животных и быстро разобрали потешных зверей себе по домам.

Итиро познакомил деда с каждым жителем Стоунбона. Старый Таисуке ходил, кланялся по сторонам, удивлённо глядя на здешние чудеса.

А Питер поднялся к Верхним воротам и до самых потёмок вглядывался в дорогу, ожидая прихода визидаров. Но так никто и не появился. То ли ни один голубь не выжил, то ли Визидария, действительно, отказывалась сражаться, как предрекал Август Непомнящий.

— Что же, — сказал Пит за ужином остальным, — тогда к сражению мы будем готовиться сами. На территории Стоунбона, за корпусами Мастерских и оранжерей, есть поля. На карте они обозначены как Дымящиеся, видимо, из-за туманов. Там мы и разобьём военный лагерь. Марио с Гарбаханом там уже начали устанавливать платки. Сегодня ляжем пораньше, а с утра приступим.

Он выложил на стол свой браунинг и добавил:

— Будем защищаться современным оружием. Его надо размножить.

— Но ведь пули малумов не берут, — удивилась Бёрнис.

— На то мы и ремесленники, чтобы что-нибудь на этот счёт придумать, — задумался Тафари.

В это время пришла Янмей.

— Наши птички куда-то делись, — сказала она грустно, обращаясь к Пинар, — я всегда слушала, как они поют перед сном.

— Что за птички? — удивилась Пинар.

— Ну, те, которые пели в клетке, — объяснила Янмей.

— Возможно, они улетели? Хотя как могут летать деревянные птички? Но сейчас не до них. Я спою тебе колыбельную, которую мне пела мама, и ты уснёшь, хочешь? — успокоила её женщина,

Девочка кивнула и Пинар, взяв её за руку, ушла.

— И нам пора, — сказал Тафари, — надо отдохнуть.

Но по традиции, которая установилась в Стоунбоне сама собой, выспаться им не дали. В три ночи кто-то стали колотиться в ворота и звонить в колокольчик. За воротами поднялся такой шум, что проснулись все.

Выглянув в окна, ремесленники увидели, что всё видимое пространство заняли визидары. Всех сословий и племён Визидарии. Это была бесконечная толпа. Кто приехал на лошади, кто на осле, кто на драстидах. Фермеры прилетели прямо на островах, управляя драконами. Жители из Парящей Иде притащили с собой пару летающих домов. Многие пришли пешком.

К этому моменту зарядился Тол энергии, и как по мановению палочки, везде вспыхнул свет, осветив бесконечную толпу. Визидарцы, увидев в окна ремесленников, приветствовали их громкими криками. Но когда из своего окна выглянул Пит, не успевший до конца натянуть на себя верхнюю одежду, он показался с голым торсом, толпа взревела, взметнув руки вверх.

— Вы видели? — кричали из толпы, — у него боевая саламандра, держащая знак визидара! Вот наш Полководец!

У самых ворот стоял Сиридин, а рядом с ним — Максимилиан за которым толпилась дружина.

Ремесленники вышли им навстречу.

Максимилиан поклонился Питу и сказал:

— Прошу прощения, предводитель, за свою ошибку. Но теперь я и моё войско в вашем распоряжении. Не сердитесь на Августа... — Максимилиан вздохнул, — он любит Визидарию. Но, как любой руководитель, слишком боится совершить ошибку и рисковать народом. Перед уходом из Медиката я поговорил с ним. Он ничего мне не ответил, но, зная его... Августу нужно время для принятия решения. И я верю вам. Как и любой солдат под моим руководством. Я верю каждому вашему слову.

Питер кивнул. Он подошёл и обнял Максимилиана, словно брата.

— Как вы узнали о нас, Сиридин? — удивлённо спросил старика Тафари, взяв под уздцы его изнурённую лошадь.

— Я получил весточку от своего друга, — устало засмеялся Сиридин и разжал ладонь на которой сидели две маленькие деревянные канарейки.

— Мои птички! — закричала Янмей и протянула к ним ручки.

Из-за спин ремесленников вышел Носик:

— Привет Сиридин! Здравствуй, Кормак и Креван, — обратился он к двум коротышам фермерам, стоящим рядом. А потом повернулся к Пинар и сказал:

— Извините, что я украл ваших птиц. Однажды я услышал, как Янмей рассказывала о кенарах. Матушка же мне говорила, что в далёкие времена были деревянные письменосцы. Они передавали вести не хуже голубей. Вот я и подумал о ваших птицах. Но не знал, получится ли, и не разорвут ли их ястребы...

— Обе птицы долетели, — подтвердил Сиридин, — а потом я послал весть брату в Медикат, — он кивнул на Максимилиана, — и объяснил положение вещей. Велел ему собрать войско.

Распахнув ворота, Тафари сказал:

— Проезжайте по объездной дороге, что проходит справа до Дымящихся полей. Там разобьем лагерь и начнём подготовку.

Напряжение нарастает

В замке Хьюго был траур — малумы вернулись ни с чем.

— Это потому, что в латах им стало тяжелее шевелиться. Они стали неповоротливыми, — кричал Хармус на Джейкоба и Мальша и швырял всё, что попадётся под руку об стены.

Хьюго орал, заводя себя. Его лицо налилось кровью. В исступлении, от злости, он схватил длинный нож, и двинулся на Джейкоба:

— Я сейчас разрежу тебя на куски, тварь. И самолично скормлю малумам. Кто обещал сделать их непобедимыми?

— Мы работаем над этим, — сжался Джей, в ожидании удара.

Но в этот момент зашла Алаун. Она бросилась между Хьюго и работниками.

— Они невиновны, — умоляюще говорила она.

Хозяин расвирипел ещё больше, схватил девушку за косы, волоком потащил в свой кабинет и там, закрыв дверь, ударил её наотмашь так, что Алаун пролетела через всю комнату к столу.

А потом Хьюго сказал ей:

— Посиди здесь. И тогда в следующий раз ты подумаешь, как позорить меня. В конце концов, когда я стану владеть миром, ты собираешься поступать так же?

Он подошёл и грозно наклонился над ней, заглядывая в испуганные глаза.

— Нет, — прошептала Алаун.

— С вами станешь философом, — вздохнул Хьюго, сев в кресло. — Сначала даёшь тому, кого любишь всё, а потом он наглет, садится тебе на шею и играет против тебя.

Потом он повернулся к Алаун и спокойно сказал:

— Если ты будешь делать наперекор, мне придётся тебя убить. И я сделаю это, как уже один раз сделал...

Тут он осёкся, встал и вышел из комнаты.

Хьюго подошёл к Джейкобу, взял из его рук серо-чёрный щипящий клубок.

— Клок. Мне нравятся твои клоки, Джей. Я прощаю тебе все пригрешения за их чудесное изобретение. Посмотри, — Хьюго взгляделся в клубок, и лицо его осветилось, — я чувствую этот сгусток злобы в его нутре. Но мне нужно их ещё больше. Впереди битва, которую мы выиграем.

— Малыш нашёл способ сделать прозрачными и латы малумов, — сказал Профессор, — теперь они будут вообще неуязвимы перед визидарцами. Да, в них немного видно малумов. Но только чуть-чуть. Их очертания. Вот увидите, сражение будет длиться меньше, чем в прошлый раз. И победа будет оглушительной. Ведь коль ремесленники ещё не укрепили стену, то они в этом несведущи. Они растеряли все магические знания, и убивать их будет также легко, как людей, в которых они превратились. Это значит, мы сейчас гораздо сильнее их. Вы будете единственным ремесленником во всём мире. Абсолютно все визидарцы будут зависимы от вас и вашей воли.

Его речь понравилась Хьюго и успокоили его. Он вышел из мастерской довольным.

...Питер проснулся, наскоро собрался и отправился на Дымящиеся поля. Туда, где его ждали прибывшие. Но только он вышел из-за корпусов к безбрежным просторам, как на дальнем поле кто-то вскрикнул, а потом стали раздаваться хлопки. Там, по всему пространству, расчерчивая его на замысловатые ломаные линии, бежали облачка взрывов, оставляя за собой мелкие неровные канавки. Когда взрывающиеся линии попадали на палатку, то её жители выбегали, наблюдая, как рушатся тканевые стены, подскакивают и валятся вещи. Но гораздо неприятнее были мелкие маленькие кругляши из острых шипов, которые при этом разбрасывались в стороны. Словно неглубоко под землёй бьют молнии, оставляя за собой мелкие землетрясения. Шума было много, но через полчаса всё прекратилось, вызвав среди присутствовавших неразбериху.

К этому времени на Дымящиеся поля прибежали все ремесленники. Они успокаивали визидарцев и помогали собирать вещи.

— Что это такое? — спросил Максимилиан, протянув Питеру шарик с шипами.

— Это разрывай-трава, — сказала подошедшая Пинар.

Все, кто это слышал, удивлённо на неё уставились.

Она нагнулась и вырвала синеватое растение, похожее на одуванчик. Только корень его был длинным и тянулся вбок до следующего кустика.

— Похоже на бикфордов шнур, — потрогал корень Питер.

— Это растение когда-то было выведено ремесленниками, чтобы рыхлить поля. И, видимо, осталось расти лишь здесь, — объяснила Пинар. — За пятнадцать минут оно разрастается до тридцати ярдов. А за полчаса достигает зрелости и выбрасывает колючее соцветие с острыми семечками. И как только кто-то наступит на один

из кустиков, на всём протяжении разрывай-трава будет взрываться, раскидывая опасные семена.

Тафари взял из её рук странный цветок и сказал:

— Мы сделаем из него оружие. Разрывай-трава нам очень пригодится.

И унёс его в Мастерские.

...С этого дня Стоунбон и его окрестности перешли на особый режим работы.

Пит разделил прибывших на отряды. Назначил командиров. Новобранцы прибрались в лагере, снова возвели палатки: холщевые домики с тёмными стенами и белыми крышами, чтобы через них легче поступал свет. По ночам, когда Пит обходил войска, эти бесконечные крыши светились огнями и из каждой виднелись Музы. Когда он увидел это впервые, то очень удивился. Показывая на большие, покачивающиеся от ветра фигуры, он спросил у Максимилиана, шедшего рядом:

— Почему они стали такими огромными?

— Выросла решимость визидаров. Тех, кто сюда пришёл, — объяснил ему Максимилиан, — чем глобальнее мысли визидарца, тем больше его Муза.

— Скажи, а они тебе не мешают жить? Мне пока тяжело привыкнуть видеть ночных Муз. Ты словно заглядываешь визидарцу в голову, — покачал головой Пит.

— Мешают? Нет, конечно. Я к ним привык. Помеха ли тебе от теней за телами днём? Вряд ли ты их вообще замечаешь. Посмотри, — окинул поле Максимилиан, — Музы разные: от почти прозрачных, до тёмно-серых. Всё зависит от мыслей хозяина, его дум, настроения. Мне это только помогает общаться или знать, что надо оставить другого в покое. Я не знаю, как эти вопросы решаются среди людей? Меня это больше удивляет. Как люди понимают, в каком состоянии их собеседник?

Пит задумался. Они порассуждали ещё немного, потом составили план на завтра и разошлись спать. А туманные Музы, огромные бестелесные образы, так и покачивались до утра над лагерем, охраняя покой хозяев, пока их не растворило утреннее солнце.

...К границам Визидарии — Спасительным воротам, дежурными отправили друзей Носика — Кормака и Кревана. Двух братьев-весельчаков. Они лучше других знали район Горячих топей. И Питер стал ежедневно получать от них голубей с известиями, в которых те писали, о состоянии стены. Иногда Кормак присылал её фотографии, сделанные копиящиком. Стена каждый день становилась светлее, а пространство за ней постепенно прояснялось. Пит нумеровал эти снимки и вешал у себя в палатке.

В лагере же царил военный дух. Днем каждый воин выкладывался на полную катушку. На стрельбище осваивали мушкеты и браунинги. Тренировались, развивая ловкость в поединках на мечах и ножах. Но практически у каждого визидарца имелось своё, особенное оружие его рода. То, с которым сражались когда-то его предки. У визидарцев от троллей это были булавы и палицы, у тех, в ком текла эльфийская кровь — всевозможные луки. У гномов — разнообразие мечи.

Оказалось, что визидарцы не так уж далеки от борьбы. В них быстро проснулась кровь воинов. Так, налетевшая буря, неожиданно оголяет следы сражения с холмистого поля, до этого заботливо спрятанные слоем векового моха. То же произошло с визидарцами: к стенам их дома подступила опасность, и сами собой сжались их кулаки.

Чтобы атаковать малумов с воздуха Питер решил создать летучие отряды. Их возглавил Максимилиан.

— Драконы — это воины тоже! — говорил Пит, — они, конечно, одомашнены вами, но всё же, это суровое и бесстрашное животное.

Сначала хотели приспособить к боям в воздухе летательные туфли, но все эксперименты закончились неудачами — к сожалению, не было времени учиться передвигаться в этой обуви. Она не делала солдат сильнее. Наоборот, полностью их дезориентировала в пространстве, и целый отряд просто повисал в воздухе, ногами кверху. Зато на летающих островках замечательно получалось сражаться у жителей Парящей Иде. Они составили с фермерами пары и ловко справлялись с оружием, точно попадая в цель.

Летатели, как их тут же стали называть другие, располагались на островках, в которые впрягли драконов. Визидарцы фермеры, выращивавшие на таких островках тату, привыкли к высоте, но самое сложное было научиться управлять непослушными драконами, пытавшимися выскочить из сбруи и перевернуть островок. Драконов тренировали с утра до ночи, носясь летучим отрядом над Дымящими полями.

А вечерами, сидя вокруг костров, воины наносили себе на руки рисунки, похожие на саламандру Питера.

Среди палаток вечно носилась Дэгни. Она разносила еду, и пыталась, чем только может, облегчить быт солдат. Ей помогал дед Итиро и отец Бёрнис. Они быстро освоились и принимали участие в каждом учении. Ремесленники же много работали в Мастерских, придумывая новые аусилы, которые могли бы усилить мощь войск. Стурла и Итиро закаляли визидарцам оружие. Тафари работал в Мастерской по изготовлению огненных взрывателей из разрывай-травы. В итоге, за неделю опытов, Следопыт создал маленькие бомбочки. Если с силой кинуть её на землю, она с грохотом молнии металась, вычерчивая огненные дорожки, сжигая всё на своем пути.

Марио как-то додумался закалять Огненным толлом те самые кости динозавров, которые визидары использовали для изготовления сковородок и кастрюль. С этого дня воины несли ему ручки от посуды, а он обрабатывал их огнём, и те защищали визидарцев не хуже лат. Чем больше висело на визидарце таких костей, тем сильнее была вокруг него защита.

Пинар с Леонаром изготавливали снадобья, лечили больных и готовили полевые аптечки.

А в Стоунбон всё прибывали и прибывали новые визидарцы. Ремесленники, отработав в Мастерских днем, по ночам дежурили на входе, чтобы принимать тех, кто пришёл вступать в ряды добровольцев.

...Сегодня ночью было дежурство Бёрнис. Она уж было задремала над книгой, которую ей подсунул Стурла. В ней повествовалось о видах оружия, сделанном из клыков хищных животных, как во входной колокольчик зазвонили. Она открыла дверь. За нею стоял Мак Дара.

— Я решил, — теребя шарф, сказал он, — что тоже пойду сражаться.

— Но...уважаемы Мак Дара, — с сомнением в голосе ответила Бёрнис, оглядывая хилую фигуру старика (куда ему сражаться?), — вы и так заняты важным трудом — ведёте архивы. И потом, может, вы придёте с утра?

— Я знаю, что стар, мне уже почти сто, — качнул головой Мак, — но говорят, что Пинар оживила печь Фениксов? А ведь я из них. И она могла бы мне помочь снова стать сильным. И я не вернусь домой. Я сделал выбор.

Бёрнис раздумывала, но Мак Дара решительно добавил:

— Я всё равно не уйду.

Бёрнис вздохнула и отошла, пропуская старика внутрь.

— Сейчас я внесу вас в журнал, — сказала она.

— Всю жизнь я всех записывал в журналы, а теперь вот и меня, — удовлетворённо сказал Мак Дара, садясь на предложенное кресло, пока Бёрнис вносила его в списки.

Колокольчик опять тревожно звонил. Бёрнис вскочила и пошла отворять. За дверью она обнаружила... раненого визидарца. Он лежал лицом вниз. Бёрнис перевернула его, убрала налипшие на лицо волосы. И узнала его.

Это был Уильям. Секретарь Августа Непомнящего. Он был без сознания.

Вместе с Мак Дара они оттащили Уильяма в медицинский корпус и разбудили Леонара. Он пошёл осмотреть пострадавшего.

— У него длинная рана на бедре. Скорее всего от меча. С ним всё будет хорошо. — констатировал граф, выйдя навстречу ожидавшей вестей Бёрнис, — Иди, позови Пинар. И возвращайся на пост.

Дождаться Пинар остался и Мак Дара. А Бёрнис выполнив поручение, опять села за дежурный стол. Чтобы отвлечься от тревожных мыслей об Уильяме, она рассеяно рассматривала в книге рисунок булавы из зубов морского броненосца, которые были похожи на бутылочные штопоры, как колокольчик опять затрещал.

За воротами обнаружился пухлый рыжий паренёк. Бёрнис он показался знакомым. Она оглядела его повнимательнее. Оранжевые вихры, волосатые руки в которых он мямл цветную шапочку. Бёрнис вспомнила:

— Ты, кажется...сын хозяев «Двух унций»?

— Ага, — кивнул он, — меня зовут Лапе. Я пришёл сражаться.

— Но...кажется, ты боялся оружия?

— Не я, а родители, — глаза его блеснули, — не я... Я не трус!

— Ну хорошо-хорошо, — миролюбиво пропустила Бёрнис его внутрь, приглашая присесть, — а что в мешке?

Она указала на тяжёлую поклажу за спиной парня. Лапе с шумом бросил котомку на пол и развязал её. Мешок до краёв был наполнен костяными ручками от кастрюль и чашек, держалками для сковородок.

— Всю посуду разобрал в нашей харчевне. Для доброго дела. Они же тут больше нужны, — с гордостью доложил Лапе, растерянной Бёрнис.

...Через полчаса, когда Лапе был препровожден до палатки и получил форму, Бёрн вернулась на пост и утомлённо опустила на стул, взяв книгу. Но только она это сделала, как колокольчик снова ожил.

— Да что же это такое... — откинула Бёрнис книгу.

За дверью девушка увидела бурозубика, висящего на языке колокола.

— Кланки? — узнала она его.

— Да, — прыгнул в подставленную девушкой ладонь бодрый бурозубик.

Он вытащил самодельный меч, больше похожий на зубочистку, и сказал:

— Я пришёл сражаться.

— Но...Кланки...Возвращайся к Брай, — улыбнулась Бёрнис, — надеюсь, она в добром здравии?

— Да. Вы спасли её, и я обязан быть на вашей стороне. Защищать Брай и родину, — тоненько пропищал Кланки.

— Ну, не знаю, — задумалась Бёрнис, — давай дождёмся Пита. Он — Полководец, вот пусть и примет

решение по тебе.

— Согласен, — мирно сказал Кланки и прыгнул на стол, — а пока я посплю вот здесь.

Он указал на платок Бёрнис, который она оставила на краю среди бумаг.

Больше до утра их никто не беспокоил.

Только когда часы пробили шесть, вниз спустился Питер. Кланки первым его услышал и успел разбудить Бёрнис.

Когда Пит появился в двери, Бёрнис встретила его рапортом:

— Приветствую, Предводитель, — широко улыбнулась девушка Питу.

И доложила ситуацию.

— Спасибо за дежурство, Бёрн, — поблагодарил её Питер.

А потом повернулся к бурозубику.

— Привет, Кланки! Я рад, что ты пришёл, но, может, всё же тебе вернуться домой?

— Полководец, я могу пригодиться, потому что незаменим. Знаешь ли ты, какой у меня чуткий слух? — поднял лапку бурозубик, — и самый лучший на свете нюх!

Он втянул воздух, и добавил:

— Например, ты пахнешь...этой...визидаркой...как же её?

Бёрнис с любопытством подняла брови.

— Как же... — вспоминал бурозубик.

— Ладно-ладно, — перебил его Питер. — Мы рады всем. Иди на Дымящиеся поля, найди там Стурлу. Ты поступаешь в его отряд. Но только, боюсь, формы такого размера у нас нет.

— Слушаюсь! — вытянулся бурозубик, отдал Питу честь и легко соскочил со стола.

В это мгновение зашла Пинар и стала докладывать Питеру о состоянии Уильяма

— Он очень слаб, видимо, пережил ещё и тяжёлый удар по голове, — сказала Пинар, а потом обратилась к Бёрнис, — Уильям просил тебя зайти.

Девушка тут же помчалась в лазарет.

Когда к Уильяму ворвалась Бёрнис, он лежал в кровати и наблюдал, как за окном начинал накрапывать мелкий дождь. Девушка отдышалась, остановилась у двери и, посмотрев на его бледную кожу, сказала:

— Ещё день и ты будешь здоров. Пинар с Леонаром отличные лекари.

Он посмотрел на неё и спросил:

— Разрешешь сражаться рядом с тобой? Я бы пришёл раньше, но когда, после ухода Максимуса, меня назначили управлять оставшейся дружиной, я объявил, что не пойду против ремесленников, меня арестовали. Потом началось восстание. Медикат почти весь на вашей стороне.

— Поправляйся, Уильям, — Бёрнис положила ему руку на лоб, — мы будем ждать тебя.

...Через неделю в Стоунбоне начались первые масштабные учения. Питер выстроил и обошёл войска. Больше всех выделялись гномы. Их отряд возглавлял Стурла. У визидаров-гномов оказался один культ на всех — шлемы. Каких тут только не было! У одних они были вытянуты и закручены как раковины, у других представляли собой выкованные морды животных, у третьих напоминали тыквы. Но однако же эти коренастые мелкие визидарцы двигались, пожалуй, чётче и слаженнее всех.

Летатели надели латы и на драконов — у них было слишком беззащитное брюхо. И если в жизни это не было проблемой, то в бою могло стать роковым фактом. Каждому дракону пришлось изготовить тонкие пластины, закреплявшиеся ремнями на спине меж крыльев. Пока драконы к ним ещё не совсем привыкли и были достаточно неуклюжими.

...Из всех драконов особо выделялся один — со светлым пятном в виде короны между глазами. Все в лагере давно знали, что его зовут Кроун, а его хозяина Дойлем. Когда фермеры подходили к амбарам, в которых наскоро были сооружены стойла для драконов, Кроун первым нетерпеливо хлопал крыльями, вытягивал шею, раздувая ноздри и пытаясь уловить запах хозяина. И Дойль единственный мог проделать, жуткий надо сказать, трюк: на поле ставили смельчака в шлеме. На его макушку водружали яблоко. Дойль залезал на хребет к Кроуну, вставал, держась лишь за поднятую драконом шею, шептал ему на ухо команду. И мощный Кроун, резко взмывал вверх. Он делал в воздухе круг и стремительно пролетев над смельчаком одним нежным рыком сжигал яблоко до тла. При этом Кроун умудрялся не только не опалить смельчаку волос, но даже не нагреть шлема.

Однажды, когда Дойль с Кроуном демонстрировали эту забаву очередной раз, этому стали свидетелями Пит со Стурлой. Они стояли у костра, обсуждая детали боя, но, подняв головы и увидев пикирующего Кроуля, замерли, в ожидании неизбежного несчастья. Но когда под гиканье и хлопки солдат яблоко аккуратно было сожжено, Пит помчался распекать за ненужный риск Дойля, а Стурла удовлетворённо пробурчал себе под нос:

— Ну, вот — это настоящие воины. И настоящие драконы. А то «они несут у нас яйца...»

...Всех солдат Питер разделил на две части. В ходе учений надо было взять крепость врага — огромную кое-

как сколоченную конструкцию, напоминавшую замок. Войска разделили на две части, и Питер подал сигнал к наступлению.

Через час заинтригованные Итиро, Питер и Кланки сидели в Мастерской Архитектуры и ждали от Тафари объяснений.

Гномы успели сшить Кланки форму — на его штаны и жилетку ушёл не такой уж большой клочок ткани. Ему даже изготовили настоящий маленький плащ. И то, чем Кланки гордился сейчас больше всего — Стурла самолично смастерил ему шлем. Он выпросил у Пинар металлический колпачок от одного из её снадобий, прикрепил к нему кожаные ремешки, сверху приделал шишечку. И теперь эта конструкция красовалась на голове гордого бурозубика.

— Давайте пока перескочим первый пункт, и представим, будто оборудование, — Тафари похлопал по усилителю, — уже у Алаун. И она даже смогла объединить его с ауксиллом Времени. Но Алаун понадобится помощник. Самое активное время для малумов — это ночь. Алаун говорила, что ночью они черпают силы из темноты, а свет их ослепляет и делает более неповоротливыми. Значит, лучший вариант для Хьюго: перебить нас ночью, при входе в ущелье. Мы же должны помешать ему это сделать. И для этого нам очень нужен Кланки.

Бурозубик сидел на старой чернильнице, как на кресле, сложив лапки на коленях, и внимательно слушал Следопыта, кивая головой.

— Кланки, вот усилитель, — Следопыт тронул медный ящик. — Нам придётся его разобрать, и ты поможешь собрать его Алаун. А потом, рано утром, когда она укроется от света, ты запустишь его. Оставаясь невидимым для врагов, потому что ты маленький. Все в развалинах погрузятся в сон, и у нас будет время подвести войска к Ведьминому Пальцу как можно ближе.

— Я согласен, — воодушевлённо вскочил Кланки.

— Но у тебя же есть этот странный напиток для Алаун. Который должен сделать её живой. Она выпьет его, и свет солнца ей не будет страшен, — рассуждал Итиро.

— Я очень хочу помочь Алаун. Но мы многого не знаем. Во-первых, не испортилось ли снадобье? Оно должно так пахнуть? Или нет? Во-вторых, мы не знаем, как на это отреагирует тело Алаун... И у нас совершенно не будет возможности ей помочь, — склонил голову Тафари, — поэтому попытку оживления Алаун нужно провести позже. Я не могу... Мы не можем... ею так рисковать...

— Соглашусь с тобой, — кивнул Итиро.

— План твой хорош. И, я думаю, Алаун с ним согласится, — потёр лоб Питер, — но всё же — что с первым пунктом, который ты пропустил? Кланки, конечно, маленький и незаметный. Но как он преодолеет ущелье с таким-то грузом? Как Кланки попадёт в развалины?

— С помощью этого! — Тафари достал переговорное зеркальце, — я ещё не проверял, но почти уверен...

— Почти уверен в чём? — спросил Итиро.

— Поглядите, — Тафари протянул им зеркальце и показал на печать, — его создал Вульф Сториганн. Тот самый. Автор проходной двери. Если мы закрепим это зеркальце в проёме, то, скорее всего, оно начнёт работать как Дверь-Во-Всё. Правда, очень маленькая. Только Кланки сможет пролезть в него, протащить оборудование, помочь Алаун его собрать и запустить. А так же... — голос Следопыта дрогнул, — Кланки сможет доставить консултам лекарство.

— Я готов! — вскочил Кланки.

— Но сможет ли Кланки запомнить, как собрать усилитель? Ведь если тыкрепишь зеркальце в проёме, и всё сработает, как надо, то оно станет мутным. И мы ничего не сможем увидеть и посоветовать. Возможно, мы даже не сможем больше ничего сказать Алаун, — засомневался Итиро.

— У меня хорошая память, и в приборах я разбираюсь, — обиженно засопел Кланки. Он сдвинул брови и сурово сказал, — я справлюсь и не подведу.

— Тогда остаётся переговорить с Алаун — согласна ли она с этим планом. Сейчас мы побеседуем с ней, — выдохнул Питер.

Тафари положил зеркальце на стол, раскрыл его и постучал в стекло. Но никто ничего не успел сказать появившейся в отражении Алаун. Она была очень взволнована. Как только зеркальце её показало, Алаун тут же стала говорить:

— Всё рушится. Я боюсь, у нас ничего не получится. Стена вот-вот растает. А малумы... Они сильны как никогда. Хьюго с помощниками придумали какой-то страшный приём против вас. Но я никак не могу узнать, что это. Он только лишь повторяет, что теперь их не победить, потому что каждый из вас будет сражаться не с малумом, а с самой страшной силой на свете! И я впадаю в ужас, когда Хьюго рассуждает об этом. Потому что говорит он очень уверенно.

— Ну, не бойся, — качнул головой Питер, — возможно, он просто пытается себя в чём-то убедить.

— Нет! Ты не знаешь его. Они точно что-то придумали. И что-то страшное, — покачала головой бледная Алаун. — Вы должны отступить от своей идеи и лучше подумать, как спрятаться и где укрыться. Может, можно для этого применить комнату Сада Сновидений? Помнишь, Тафари, ты мне о ней рассказывал?

— Но в комнате, как бы она ни была велика, не спрячешь всю страну, — перебил её Итиро, — Алаун, успокойся, у нас хороший план...

— Меня сейчас волнует другое, — обратился к ней Тафари. — Сможешь ли ты достать в лабораториях Хьюго что-то вроде объединяющего тола? Ведь твой перстень Воли уже больше не действует.

— Ах, — махнула рукой Алаун, — это полбеды. У Хьюго есть амулет Мощи. Треугольник из трёх металлов. Пусть он не такой мощный, но действует, как объединяющий тол.

— Сможешь ли ты его взять? И не будет ли это угрожать тебе проблемами? — с тревогой спросил Тафари.

— Смогу. А проблемы... Они здесь могут вырасти на ровном месте. Не будем об этом — это мелочи. Вы не понимаете... Они перебьют вас, — устало сказала Алаун, — Хьюго — страшное существо. Он опаснее всех визидаров. Например, он видит Муз и Мраков не только ночью, что и вы, но и днём тоже. И даже я не знаю всего, на что он способен... Я думала, что с его войском будет легче сражаться, когда они видимы, именно поэтому уговорила Хьюго создать для них доспехи. Но сделала только хуже. Помощники Хьюго изобрели способ, и теперь доспехи малумов практически невидимы. Как сражаться с армией, если её не увидишь? Теперь они неуязвимы. Ваши заколдованные пули могут убить их, только попав в самого малума, то есть в узкую глазную прорезь шлемов.

— Нам этого будет достаточно. Наши стрелки тренируются день и ночь, — успокоил её Питер.

— Но как попасть в то, чего ты не видишь? — спросила Алаун и печально добавила, — ах, вот если бы вы могли их хотя бы видеть, как в свете фонаря теней...

— Видеть... — размышлял Питер, — видеть... А что если создать такие Окуляры, через которые малумов было бы видно? Я думаю, что это не так трудно сделать.

— Окуляры! Точно! — вскочил Итиро. — В подвале промышленной магии я видел огромный короб со стекляшками. Из них получатся чудесные очки, которые можно было бы обработать фонарём теней! Надо срочно созвать ремесленников!

Питер и Итиро вышли, а Тафари остался с Кланки успокаивать Алаун. Следопыт рассказал ей их план с усилителем и бурозубиком. Он так же объяснил Алаун про Оживитель из глазастого плода.

— Я не знаю, действует ли оно ещё, — добавил Тафари, — но в любом случае, надо попробовать.

— Неужели всё может получиться? — от волнения Алаун закрыла глаза, — Да, Тафари, мы должны бороться, ты прав. Иначе, какой в таком существовании смысл? Это не жизнь, а только слабое её отражение. Когда вы отправите сюда Кланки?

— Я думаю, как только он научится разбираться в усилителе. Буквально через день-два, — сказал Тафари.

Алаун кивнула.

...На следующий день голуби принесли известие от Кормака и Кревана о том, что стена почти исчезла. Питер получил его, когда стоял перед построенными войсками.

— Что же. Через сутки отправляемся в путь, — прочитав его, scomандовал Питер, он оглядел взволнованные ряды и добавил тише, — братцы, собираемся. Завтра с восходом выдвигаемся к границам.

Каждый понимал, что это означает. По рядам пронёсся гул возбуждения.

— Предводитель, — раздалось из отряда Стурлы, — а можно мы подготовим знамёна?

— Конечно, — кивнул Пит.

— А можно, — опять раздалось оттуда, — мы на своём знамени изобразим ину?

— Ину? — удивился Пит, не понимая.

Но он торопился, и ему некогда было рассуждать:

— А знак ину вас вдохновляет? — спросил он.

— Да, — раздалось голоса гномов, — очень!

— Тогда можно, — кивнул Питер.

И поспешил в Мастерские. Но ему навстречу бежали визидарцы, дежурившие у входа:

— Там приехал Август Непомнящий с отрядом, — кричали взволновано Питу.

— Да почитай с целым войском! За воротами тьма народа! — добавил другой дежурный.

Пит отправился к воротам, с досадой размышляя, что на полемики с Августом совсем нет времени и с неудовольствием думая, как бы не забыть всё то важное, что держит в голове. Полководец вышел из ворот и оглядел визидарцев, которых было так много, что последние их ряды скрыли ветки священного дуба. Впереди стояли спешившиеся члены Совета во главе с Августом. Он поднял руку, и в рядах за ним мгновенно наступила тишина. А Август подошёл к Питу, неожиданно склонил перед ним колени, звонко сказал: «Присягаю», и поприветствовал его, как воина. За Августом повторила вся толпа.

Август поднял суровое лицо и сказал уже тише:

— Простите, что не поверил вам с самого начала. Простите, что из-за меня прошли боины по всей стране. И простите за то, что сомневался в подлинности письма Аластара...

— Я рад, что вы всё поняли, — кивнул ему Пит.

— Стена защиты, действительно, почти растаяла... — сообщил Август.

— Вот поэтому у нас совсем нет времени, — перебил его Питер

Он помог Августу подняться, обнял его и показал окружную дорогу, по которой вновь прибывшее войско поехало присоединяться к остальным частям.

Пит же поспешил по делам.

...Последние сутки прошли в тревоге и хлопотах. Как ни странно, но окуляры теней создали очень быстро. Ремесленники создавали очки, Итиро обрабатывал их фонарём теней. Сквозь созданные окуляры, даже днём было видно Муз, а значит, и малумов тоже.

В отрядах шли последние приготовления. Работы было много. Везде, раздувая от напряжения ноздри на мясистых носах, сновали визидары-тролли. Они целыми подводами таскали корм для своих драстидов, — те ели всего лишь раз в неделю. А ещё их надо было досыта напоить, иначе драстиды начинали плевать огнём. В остальных отрядах готовили лошадей, проверяли латы драконов и прочность упряжи. Чистили оружие, грузили на плавающие острова боеприпасы. Особо каждый приводил в порядок обувь. Частенько меж солдат слышалась визидарская поговорка: «Обувь должны быть чистой, как совесть».

Драконы, словно почуяв поход, волновались в загонах. Сегодня их кормили хиларитатой — перед боем она должна была придать им сил и выносливости.

По рядам солдат бегала Янмей и раздавала всем окуляры, которые те натягивали на шлемы. Пинар с Леонаром так же разносили аптечки, полные снадобий и свёрнутых в рулоны змеелистников.

...Уже поздно ночью ремесленники собрались в Мастерской Промышленной Магии.

Тафари аккуратно вытащил зеркальце из шкапулки, и посмотрел на сосредоточенного Кланки. Он сидел на деталях разобранного усилителя.

— Готов? — спросил Следопыт бурозубика.

Тот поправил шлем и кивнул.

На медных проволочках Итиро закрепил зеркало в проёме. Все напряжённо ждали. И вот, наконец, зеркальце завибрировало.

— Ура! — захопала Янмей, — я знала, что получится!

На двери написали адрес: «Медовые холмы, Дагхэд, тайная комната в гардеробной Алаун» открыли её. В зеркальце была чёрная муть.

— Алаун, ты здесь? — спросил, приблизившись вплотную к тёмному проходу, Тафари.

— Да, — словно из колодца с размножающимся эхом донеслось оттуда.

Янмей взяла в руки бурозубика, поцеловала его в маленький лобик и сказала:

— Береги себя.

Она поднесла его к зеркальцу. Кланки махнул рукой и исчез в темноте. За ним стали просовывать в зеркало детали. Последним втиснули на ту сторону бутыль-плод. И закрыли дверь.

— Остаётся надеяться, что у них всё получится. И они справятся, — вздохнул Тафари.

Он, с тайной надеждой, снял зеркальце с державших его проволочек, открыл и постучал. Но оно покрылось сеточкой трещин и больше не работало так, как прежде.

...Алаун очень обрадовалась появлению Кланки. Она целый вечер ждала его в тайной каморке, спрятанной в гардеробной. Пространство этой комнатки, и без того узкое и тесное, было забито визидарскими учебниками и ауксилами, так что девушка здесь еле умещалась. Но только в этом месте замка она чувствовала себя свободной и по-настоящему защищённой.

Появившись из мутного пространства и подхваченный Алаун, Кланки церемонно раскланялся и, коснувшись пальчика девушки, поцеловал её ноготок. Но за бурозубиком тут же стали появляться детали усилителя, и Кланки с Алаун пришлось срочно принимать груз, чтобы ничего не закатилось, не затерялось и не разбилось. Последним они получили воняющий плод, который выскользнул из рук Алаун и чуть не упал. Но она успела его подхватить.

Когда пространственная дыра в зеркальце затянулась, оно треснуло и развалилось. Кланки сел на ближайшую книжку и вытер пот.

— Теперь нам никто поможет. Сможем ли мы собрать усилитель? — засомневалась Алаун, оглядывая груды мелких деталей.

— Это не проблема, — махнул лапкой Кланки, — у нас только одна сложная задача — объединить его с созданным тобой усыпляющим ауксилем. Успеем ли мы за стучки? Ведь войска откроют Спасительные ворота на границе завтра с первыми лучами солнца. И к этому времени все в подвалах Дагхэда должны заснуть. Где тот амулет Хьюго, о котором ты говорила? Он нам очень скоро понадобится. Ты достала его?

— Хьюго носит амулет Мощи на шее, не снимая. Он даже спит в нём. Я решила напоить Хьюго одуряющим порошком. Когда он заснёт, и я легко добуду амулет. Возможно, мы даже успеем вернуть его на место. И тогда никто ничего не заметит, — успокоила Алаун бурозубика.

— Тогда, — вскочил Кланки, — поскорее приступим к работе!

...Алаун приходилось отвлекаться и уходить, когда её звали к столу или Хьюго хотел с ней поговорить. Но как только была возможность, девушка возвращалась в каморку к Кланки и помогала ему, чем могла.

Глубоко за полночь усилитель был собран.

— Мы молодцы, — похвалил Кланки девушку и себя, удовлетворённо осматривая работу, — теперь надо немного вздремнуть, а то мне уже не помогает даже жевание таты, да и ты совсем бледная.

— У меня всегда такая кожа, — улыбнулась Алаун, — ведь я неживая. Но отдохнуть надо. Ты спи здесь, а я пойду к себе.

...В это время в Стоунбоне проснулся Пит. Он лежал, думая о том, что покой вокруг совсем скоро сменится шумными построениями, а потом в Стоунбоне снова станет тихо. Как было тихо четырёхста лет. Вернутся ли они сюда? И, если да, то все ли?

Заныло плечо — Питер потёр кожу в том месте, где извивалась саламандра. С каждым днём она разгоралась всё больше, но сегодня жгла, полыхая ярко-алыми линиями, переливаясь и подрагивая. Пит вздохнул и прочёл молитву, которая висела перед его глазами над портретом Делмара Иму:

— Спаси и укрой нас ветер, поддержи исохрани вода, направь и помоги земля, дай нам мудрости и терпения огонь, — шептал Питер.

Он встал и начал собираться.

Через два часа, в предрассветном сумраке, войска Визидарии были построены на поле близ Эо Мугна. Все деревья в округе давно оголились. Но священный дуб стоял, покрытый золотыми листьями. Он протягивал над воинами ветви, осеняя их светом, словно хотел обнять и защитить. Над полем повисла такая тишина, что было слышно, как куры, на крыльце сторожки Мак Дары, спорили о погоде. Будто и не было здесь сотен солдат.

Питер выехал из ворот, в сопровождении ремесленников. Каждый из них сегодня надел сиреневый пояс предков и тот самый плащ, который им когда-то придумали сами визидарцы. Лица ремесленников были суровы и собраны. Даже Янмей выглядела сильно повзрослевшей. До этого шли долгие споры, брать ли её с собой. Практически все ремесленники были против. Но Янмей, послушав их рассуждения, по-взрослому сказала:

— Я — Прославленная. Нас десять. Мы едины, словно десять пальцев рук. В сражении нужен каждый. Если не возьмёте, я всё равно сбегу и поеду с вами. И это не обсуждается.

Так всё и решилось. И когда девочка, одетая в шлем и латы, проезжала мимо солдат, все и ей отдавали честь, как главному Полководцу.

У Питер меж глаз пролегла суровая морщина. Он выехал вперёд, развернул Вульфа перед строем и окинул внимательным взором войска. Здесь были все. Он видел Мак Дара, Носика, Сиридина, Максимилиана... И многие тех, с кем успел познакомиться, сблизиться, подружиться. Взгляд Пита выхватил рыжего паренька. Как же его? Лапе! Сын хозяев «Двух унций». Лапе был очень серьёзен и, не отрываясь, смотрел на Пита. Полководец прочёл в его глазах решимость и непреклонность. Он легонько кивнул парню, а тот почтительно склонил голову.

Визидарцы были одеты в шлемы, на которые нацепили очки теней. На каждой груди гроздьями висели амулеты из зубов вулукулов и обереги от огня из драконовых ручек. Посверкивало начищенное оружие. Перебирали копытами лошади, нетерпеливо пыхали паром драконы, запряжённые в летучие островки.

Визидарцы-тролли, возвышались над другими, словно горы, держа на плечах любимые дубинки. Сколько на учениях ни убеждал их Питер освоить браунинг, но те отказывались, трясая палицами, которыми, правда, при всей своей медлительности, управлялись весьма ловко.

Пит перевёл глаза на гномов. Их грозные шлемы и вид компенсировали небольшой рост. Знамена гномов на длинных флагштоках были самыми яркими. На каждом из них в визидарском круге был изображён...

— Стурла, а что на ваших знаменах? Никак не разгляжу? — повернул голову к другу полководец.

— Это, как говорил дед Таисуке — ину. Те собаки, которых он взял с собой. Очень они нам полюбились. Маленькие, но верные и бесстрашные. Как мы, — объяснил Стурла, и, поймав улыбку Итиро, растерянно спросил, — а что, их нельзя было изображать? Они что, не преданные?

— Преданные, преданные, — успокоил Итиро.

Леонар поглядывал на Огонька. Его привязали к одной из повозок в медицинском обозе. На лошади была новая попона с крестами и большими карманами для быстрой переноски лекарств.

У дружинников одно плечо было покрыто толстым кожаным надплечником. На нём сидели ястребы.

— Друзья, — обратился Питер к войскам, — пришло время защитить нашу отчизну. И даже если не всем нам дано вернуться, мы будем бороться до конца. За наших предков, за наших потомков. И за самих себя.

Рев одобрения пронёсся по рядам.

— Ну что ж, — полководец поднял руку, — в путь.

В это время, дуб Эо Мугна, перекрывая гул визидаров, зашумел, заволновался, тряхнул ветвями и вдруг разом сбросил листву. Её тут же подхватил ветер и закружил над строем, опуская на головы солдат.

— Эо Мугн нас благословляет, — пробежало по рядам.

Один лист упал и на седло Пита. Он подобрал его и сунул за пазуху. Затем подстегнул Вульфа, и поскакал вперёд. Войска медленно двинулись за ним.

Постепенно повозки, перемежавшиеся с марширующими отрядами, летучими островами, растянулись почти на милю.

Прославленные ехали все вместе. Итиро повернулся к Янмей и спросил:

— У тебя сегодня не предсказательное настроение? Скажи, что нас ждёт?

Янмей задумалась, а потом ответила:

— Сегодня мой дар закрыт. Судьба решается сейчас. Никто не знает, победим ли мы или нет. Всё зависит от нас.

Итиро сжал зубы. А Янмей добавила:

— Но если мы одержим победу, то у нас будет много свадеб.

— Ого, — удивился, улыбнувшись Итиро, — чьих?

Тут мимо них проехал Уильям и украдкой нежно взглянул на Бёрнис. Сегодня Уильям, одетый в темно-зелёную рубаху, поверх которой были доспехи, скреплённые ремнями, был невероятно хорош. И решительный взгляд Бёрнис смягчился. Она хотела что-то ему сказать, но тут вперёд вырвался Стурла.

— Подождите вы, про свадьбы говорить, — перебил всех гном, — сейчас не до них.

Он сердито прищепил коня, подъехал к своему отряду и вдруг звонко затянул свою боевую песню.

Гномы её подхватили. А затем и все остальные.

Даже дальние хутора округи слышали в тот день, как уходили отряды. Визидары останавливали работу, поднимали лица вверх, прислушиваясь. И кто про себя, кто вслух, начинали молиться. «Спаси и укрой их ветер, поддержи и сохрани вода, направь и помоги земля, дай им мудрости и терпения огонь», — шептали визидарцы. И летели к воинам легкие, как облачка Музы. От каждого сердца, от каждой молитвы, вливаясь в армию и делая её на каплю сильнее.

Когда армия проезжала мимо кенотафов, они начинали светиться, духи воинов отдавали честь проходившим мимо отрядам и тоже вливались в их ряды. Так армия незаметно множилась душами.

...К вечеру, уже в потёмках подъехали к границам. Кормак и Кереван ждали прибытия войска. Они залезли на крышу дома Носика и оттуда вглядывались в горизонт. Сначала меж холмов они увидели море огоньков. Это каждый воин зажёл огниво. А над огоньками клубилась ещё одна армия из душ и Муз. Кормак и Кереван слезли с дерева и, когда войска подъехали ближе, уже ждали их на дороге. Они выскочили навстречу Прославленным и стали махать руками:

— Хорошо, что вы успели! — кричал Кереван, — стены то защитной, считай, почти и нет! Мы боялись, что ещё немного и всё! Каждый день за стеной мелькает всё больше теней!

— Прилипнут своими страшными рожами и висят. Жуть, — добавил Кормак.

— Завтра с утра выходим за пределы защиты, — успокоил их Питер, — без паники. Сейчас помогите прибывающим отрядам разместиться.

Он оглянулся. В сумерках войско за ним представляло из себя бесконечный растекающийся млечный путь.

Лагерь разбили от Горячих топей до самого холма ясеня Биле Ушнега.

Многие из воинов ходили к священному дереву. Они, по старой визидарской традиции, обходили Холм Вечности три раза. А после взбирались по корням до ствола, и пытались залезть по веткам до вершины дерева, чтобы положить в двенадцать его дупел по белому камешку. Сегодня у Биле Ушнега одновременно можно было увидеть визидарцев всех видов и мастей: из троллей и гномов. Из русалок и эльфов. Но просили они у ясеня одного — победы. Каждому в ладони дерево скидывало по листку, обещая помощь.

Ночью, когда в лагере стало совсем тихо, погасли все костры, кроме одного — большого, раскидывавшего искры высоко в темноту, у палаток Прославленных. Ремесленники сидели вокруг огня и разговаривали. Янмей дремала, крепко сжимая в руках маленький шлем.

— Ах, только бы с ней ничего завтра не случилось, — тихо с нежностью сказала Пинар, прикрыв ноги девочки своей кофтой, — Леонар, надо дать Янмей задание в медицинском лагере, чтобы она помогала нам с ранеными.

— Да, — кивнул Леонар.

— Надо бы отдохнуть, а спать не могу, — сказал Питер.

— Точно, — подхватил Тафари, — я всё время думаю, как там Кланки с Алаун? Справятся ли они? До выхода войск за ворота осталось... — Тафари взглянул на часы, — осталось всего пять часов. На Алаун и Кланки сейчас

вся надежда.

— Я думаю, брат, они это понимают, как никто другой, — похлопал его по плечу Питер, — если нужно, они и жизни не пожалеют.

— Знаю... — голос Тафари дрогнул, — они такие... Она такая... единственная... Понимаешь?

Следопыт, замолчав, посмотрел на Пита.

— Понимаю, — кивнул тот и встретился глазами с Мэдлин, сидевшей напротив.

— Я хотел сказать, — Пит осёкся. Он обвёл товарищей взглядом, — может, это не вовремя, но мы с Мэд... Мы с Мэд...

— Любите друг друга, — сонно сказала Янмей, — мы все знаем.

Мэдлин покраснела.

— Стурла прав, — тряхнула она косами, — не до любви. Сейчас Визидария больше нуждается в нашей любви.

— Главное, чтобы Алаун и Кланки успели установить и включить усилитель, — сказал, зевая, Стурла.

Он встал, посмотрел туда, где мерцала почти растаявшая стена, и отправился в палатку, чтобы хоть немного вздремнуть. За ним потянулись и остальные. У костра остались лишь Пит и Мэдлин. Он обнял её, прижал крепко и сказал:

— Мы должны победить. Должны...

...Алаун зашла в мастерскую Хьюго. Там только что закончилось собрание Хозяина с консунтами, и Хьюго был безумно весел:

— Стены почти нет! — сказал он радостно Алаун, — ещё чуть-чуть, и я положу к твоим ногам волшебную страну. Готова стать её королевой? Малумы наготове. Ты видела сегодня их построение? У нас теперь сильнейшая армия во всей Визидарии. Да и, возможно, во всём мире.

— Да-да, — девушка выглядела напряжённой, — я принесла тебе вкусного настоя. Выпей, он бодрит.

Алаун протянула ему большой бокал.

— Ты так странно выглядишь, — прищурился Хьюго, — может, хочешь меня отравить?

Он нахмурился, грозно двинулся к ней, но увидев, как остекленел взгляд Алаун, весело рассмеялся.

— Шучу же я! — сказал он.

Взял из её рук бокал и отхлебнул. Но тут в кабинет ворвался Джейкоб.

— Хозяин, надо обсудить ещё кое-что, — сказал учёный возбуждённо.

Хьюго посмотрел на Алаун, и, подтолкнув её к двери, быстро проговорил:

— Иди, дорогая, иди. Здесь тебе делать нечего.

— Но ты же выпьешь настой? — с досадой спросила Алаун.

— Да. Обещаю, — кивнул Хьюго и захлопнул дверь.

Сколько ни подслушивала девушка, стоя под дверью, но разобрать ничего не смогла. Она вернулась к Кланки.

— Ну что? — спросил он нетерпеливо, — Хьюго заснул? Ты принесла объединяющий амулет?

— Нет, при мне он выпил лишь глоток. Но этого слишком мало, — покачала головой Алаун, — Хьюго пока в кабинете. Но скоро должен пойти спать.

— У нас почти нет времени, — схватился за голову бурозубик, — мы не можем подвести ремесленников.

— Время ещё есть. Мы справимся, — попыталась как можно твёрже сказать Алаун, чтобы успокоить бурозубика, хотя сама была в панике.

Кланки замолчал. Он посмотрел на усилитель, внутрь которого встроил песочные часы с впаянным в них перстнем Воли и сам себя похвалил:

— Отличная работа, Кланки!

Но потом сердито забегал вокруг прибора, заложив лапки за спину:

— Прибор мы собрали, но он не работает, пока ты не достанешь амулет!

— Нам остаётся только ждать, — присела на пол рядом с ним Алаун и вдруг увидела в стороне плод с глазами, о котором они с Кланки в суете позабыли.

— Надо же, мы с тобой привыкли к запаху Оживителя, — сказала она, взяв плод в руки.

Она крутила воняющий кокос, разглядывая, но боялась из него отхлебнуть. Не запаха она страшилась. И не смерти. Вдруг ей надолго станет плохо? Вдруг питьё испортилось и не сможет помочь, а она потеряет время и не успеет включить усилитель? Нет, раствор она выпьет лишь тогда, когда убедится, что армия малумов вместе с Хьюго заснула. И, обмотав тряпкой странную бутылку-плод, она заснула его в тайный карман подюбника.

Наконец, через два часа в коридорах подземелья стало тихо. Алаун подняла бурозубика и положила его в карман передника. Сначала они отправились в мастерскую и нашли там пустой бокал — значит, Хьюго выпил зелье. И теперь наверняка спит у себя. Алаун побежала к спальне Хьюго. У двери она прислушалась. В комнате было тихо. Кланки заёрзал у неё в кармане, подгоняя Алаун. И девушка, стараясь не шуметь, медленно открыла дверь.

В спальне было темно и тихо. Хьюго, действительно, заснул. Он развалился на кровати прямо в одежде и сапогах. Алаун на цыпочках подошла ближе, откинула полог кровати и протянула руку.

Резко зажётся свет. И девушка увидела, что перед ней лежит вовсе не Хьюго, а Джейкоб. А из-за высокой спинки кровати вышел Хозяин и, покачав перед лицом Алаун рукой, грозно рявкнул:

— Ты пришла поцеловать меня на ночь, дорогая?

Девушка оцепенела. От ужаса у неё перехватило дыхание. Она не могла говорить. Только покачнулась и чуть не упала.

Хьюго подхватил её, за горло прижал к кровати и прошипел:

— От тебя странный запах. Наверное, ты притащила ещё какой-нибудь яд?! Скажи, зачем ты подлила мне зелья? Слава богам, его случайно выхлебал этот придурок Джейкоб. Ты хотела меня отравить?

— Нет-нет, — хрипела Алаун.

— Тогда зачем ты это сделала? — орал Хьюго, распалаясь.

Алаун почти не чувствовала, как задыхается от того, что рука Хьюго сжимает её горло всё сильнее. Она почти не ощущала, как неистово он хлещет её по щекам другой рукой. Сквозь алые круги перед глазами, она лишь видела, как покачивается в такт ударам амулет-Мощи на груди Хьюго. Протягивала к нему ослабевшие пальцы, но не могла дотянуться.

Уже теряя сознание, Алаун увидела, что Кланки незаметно и быстро взобрался по рукаву беснующегося Хьюго, пробрался к его шее и молниеносно ударил тонким и острым, как зубочистка, клинком в то место, где у распсиховавшегося вздулась вена.

Хватка ослабела, Алаун смогла вырваться. Закашлявшись, она отползла от кровати. Хьюго лежал на полу, удивлённо глядя на Кланки, и зажимая на своей шее рану, из которой хлестала кровь.

— На помощь, — заорал он, — сюда!

И в коридорах раздался топот множества ног.

Алаун схватила амулет, бурозубика и, выскользнув за дверь, нырнула в ближайший тайных ход, скрытый гобеленом. Они слышали, как Хьюго потащили в лабораторию к ящику воскрешения, как он что-то орал. Но Алаун было уже всё-равно. Она добралась до гардеробной, нырнула под платья и открыла дверцу.

Приложив к прибору амулет, Алаун произнесла заклинание, и усилитель вместе с часами засветились. Их окружили, искрящиеся змейки, воздух нагрелся, источая запах гари.

— Так и должно быть? — с опаской посмотрел на неё Кланки.

— Да, — успокоила его Алаун.

Через полчаса усилитель был готов. И тайными ходами Алаун понесла его к башне.

На улице было ещё темно, когда они с Кланки выбрались наружу. По краю развалин, словно большие птицы, сидели Мраки. Но они не проснулись, и не обратили внимание на тёмную фигурку в плаще, метнувшуюся к входу башни.

Алаун было очень тяжело тащить прибор вверх по ступенькам. Ей часто приходилось делать передышки. Кланки переживал, что никак не может ей помочь.

— Ничего, — вытирая пот со лба на очередной остановке, говорила Алаун, — главное успеть.

Наконец, они добрались до верхней площадки. Алаун откинула тяжёлую крышку и попыталась втянуть усилитель наверх. Но зацепилась за край собственного подола и выпустила из стёртых в кровь рук прибор. Он с гулким грохотом покатился по лестнице, разрушая ступени и сверкая в разные стороны брызгами зубчатых колёсиков.

От шума над развалинами поднялись Мраки и закружили, вглядываясь в тьму. Алаун села на последней ступени лестницы и расплакалась, размазывая по лицу кровь и грязь. Кланки же выскочил у неё из кармана, и побежал вниз, ловко подхватывая детали.

— Не реви! — командовал он. — Сейчас соберём ещё раз. Помогай.

Ещё полчаса, водрузив малюсенькие очёчки себе на нос, Кланки возвращал детали на их места.

— Но даже если мы его соберём, то когда мы выйдем наружу, нас схватят разбуженные Мраки, — тряслась Алаун.

— Но ты же говорила, что они боятся света, как и ты, — сказал Кланки, — успокойся, они скоро улетят. Рассвет близок.

— Но ведь и мне... — Алаун осеклась.

— Что тебе? — не понял сосредоточенный на усилителе Кланки.

— Ничего, — мотнула она головой, — продолжай.

И подала ему очередную деталь. Кланки углубился в сборку.

— Ну вот, — удовлетворённо подытожил он, через некоторое время, — всё как новенькое.

Алаун выглянула наружу. Мраки, увидев, что на востоке забрезжила светлая полоса, наконец, улетели в

тёмные колодцы.

— Скорее, скорее, — подгонял девушку Кланки, поглядывая на крохотные часики.

Алаун бережно втащила усилитель на площадку и захлопнула за собой тяжёлую крышку дверцы. Как только Кланки увидел светлеющее небо, он вспомнил то, что забыл за хлопотами — что для Алаун свет опасен.

— Иди вниз и выпей из своего глазастого плода, — сказал ей Кланки. — Всё же лучше тебе хлебнуть его не здесь. Включить усилитель я смогу и без тебя. А с тобой неясно, что может случиться. И, если зелье подействует, то мы, и правда, не знаем, как и когда.

Алаун с ним согласилась. Она нагнулась, взяла бурозубика в руки и, поцеловав в крохотную мохнатую щёчку, сказала:

— Кланки, ты самый лучший. После Тафари. Без тебя я бы не справилась.

— Это правда, — кивнул ей бурозубик, шмыгнув носиком, — но сейчас иди поскорее. Осталось пять минут, до того, как я должен включить прибор.

Только Алаун хотела открыть крышку лаза, как снизу раздались шаги и кто-то заколотил в дверь.

— Открой, Алаун, открой, — услышали они голос Хьюго, и он не предвещал ничего хорошего, — открой! Или я прикажу малумам стянуть тебя вниз прямо по воздуху!!!

Алаун села на дверцу сверху, чтобы придавить её своим телом, но весила она слишком мало. А здесь, на крыше, ничего не было тяжелее её и усилителя. Девушка подтащила прибор к дверце, но та подпрыгивала под ударами, трещала и всем своим видом показывала, что сейчас поддастся и развалится.

— Включай прибор! И мы все заснём, — сказала она Кланки.

— Срочно пей зелье! — закричал он ей.

Кланки забрался на крепостную стену и с ужасом наблюдал, как быстро начало светлеть.

Алаун вытащила пузырёк, но никак не могла его открыть. Она дергала крышку, но та словно приросла к плоду-бутылке.

Времени не осталось совсем. Кланки спрыгнул, вцепился в рычажок, чтобы нажать на него, как только девушка отхлебнёт напитка. Алаун подкинуло на дверце под последними оглушительными ударами снизу, девушку отбросило и крышка на бутылке открылась.

Всё произошло одновременно: Алаун сделала пару глотков, Кланки включил прибор, Хьюго вылез наружу и тут же упал назад, сражённый волнами глубокого сна, исходившего от усилителя. Волны же разрастались и накрывали собой одного жителя Дагхэда за другим где бы они ни находились.

Если бы Кланки мог увидеть полчища замерших малумов; заснувших, кто где, консунтов и даже застывших в полёте над развалинами стаю головастелей, то он бы несомненно гордился собой — он собрал механизм правильно. Но, к сожалению, и сам Кланки был погружён в глубокий сон...

А внутри усилителя, блеснув камнем перстня Воли, перевернулись часы, и медленно, очень медленно, по золотому зёрнышку, стал сыпаться вниз песок. Начался обратный отчёт до окончания сна.

В это время первые солнечные лучи, перевалившие за хребет, осветили Питера. Он открывал ворота к городу Чудотворцев.

За ночь защитная стена сначала покрылась пятнами, потом они стали расширяться, как полыньи на весенних реках, пока их остатки не разметал ветер. И когда войска выстроились, перед ними за холмом Вечности, на котором рос Биле Ушнег, открылись высокие Чёрные горы и огромное узкое ущелье.

Носик, стоявший рядом с Сиридином, присвистнул:

— Так вот в каких краях мы жили! А я и не знал. А что, правда, как говорилось в приданиях, что небо держится на Чёрных скалах? Вон как они его подпирают.

— Может глупость, а может оно и так, — задумчиво сказал Сиридин, глядя вверх, — а вот то, что солнце встаёт ровнёхонько из ущелья, то оказалось правдой! Мне моя бабка говорила, что город Чудотворцев настолько чудный, что при утреннем тумане его видно всяко: хоть гляди на него, хоть отвернись. Смотри!

Он показал, как на утреннем тумане за их спиной солнце, светившее сквозь развалины города Чудотворцев, отразило его очертания.

— Эй, — пронёсся над отрядами громогласный голос Питера — вперёд!

И передние ряды увидели, как Полководец с Прославленными пришпорили коней и направились к ущелью. Они спешили первыми подойти к обрыву реки.

Войска двинулись за ними.

Ёще в Стоунбоне Итиро придумал, как перебраться через бурные потоки реки Счастливой. Для этого они везли с собой в повозке созданные им железные стрелы и лёгкие прочные доски из стволов хиларитаты. Заготовить их Итиро помогли фермеры.

Когда дорога вплотную подошла к реке, Итиро вытащил лук и взял первую стрелу. Носик удивился — такая тяжёлая стрела вряд ли долетит до другого берега, а река в этом месте была достаточно широкой.

Итиро же нагнулся, прицелился и пустил стрелу ровнёхонько в воду. Стрела вонзилась в дно.

— Что он делает? — тихо спросил Носик у Стурлы, указывая на Итиро.

— В Стоунбоне мы нашли работу наших предков о железе, скованном в толах Мастерских. Попадая в воду, это железо увеличивается во много раз. Гляди, что теперь будет.

И Стурла кивнул на воду. Маленькая стрела Итиро разраслась и, выкинув во все стороны фонтаны воды, поднялась из реки прочной сваей.

За короткое время Итиро создал ещё целый ряд свай, на которые положили тонкую доску из лиан хиларитаты. Так за полчаса Итиро создал прочнейший мост, по которому армия легко перебралась на другую сторону.

...Солнце полностью осветило фигурку спящей Алаун в тот миг, когда длинная тень от Ведьминого Пальца показывала на дорогу в ущелье. До этого времени от прямого света девушка была спрятана за высокими зубцами ограждения. Алаун трясло. Её кожа покрылась пятнами и задымилась, проступили чёрные вены. Из горла девушки вырывались хрипы и стоны. В какой-то момент, от боли, она открыла невидящие глаза. В них отразилось небо. «Оно синее, глубокое. Какой замечательный цвет», — подумала Алаун.

Небо отпечаталось в её зрачках. И застыло. Глаза закрылись, и девушка перестала дышать.

Было слышно лишь шум ветра, трепавшего её волосы, да как тихий шелест последних золотых пещинок внутри усилителя.

На солнце набежала тучка. И на щёку Алаун упали первые капли дождя. Как будто само небо оплакивало несчастную. Капли покрывали разводами одежду Алаун, смывали грязь с лица. Дождинки скатывались в ложбинку у её ключицы и скопились там небольшой лужицей...

Но под каплями кожа девушки начала светлеть. На щеках сначала неясно, а потом всё сильнее стал проступать румянец и, наконец, с последней песчинкой упавшей в часах внутри усилителя, Алаун открыла глаза.

Она заслонила лицо руками, чувствуя их тепло. Холодные капли дождя приятно щекотали кожу. Алаун глубоко, словно впервые, вдохнула, почувствовав запахи вересковых пустошей, морских волн и еловой хвои из Забытого леса.

Она привстала, увидела спящего Кланки, прикрыла его от дождя тряпицей, валявшейся под рукой. Алаун поднялась, двинулась к парапету. Но тут снизу, с грохотом откинув остатки двери, к ней вышел грозный Хьюго. В зияющем проёме за ним стеной стояло полчище малумов. Казалось, они забили собой всё пространство башни.

Никогда Алаун не видела Хьюго в таком бешенстве. Он не задумался — почему она ещё жива. Нет, в нём кипела другая мысль: понять, что творит эта дрянь.

— Я любил тебя, — сказал он с горечью, — любил, так, как никого. Если бы ты знала, сколько произошло в этом мире ради тебя. Все сражения. Все мои достижения — всё это было брошено к твоим ногам. А ты...

— Ты никого никогда не любил, кроме себя, — упрямо качнула головой Алаун, — ты создал меня как куклу. Сшил из лоскутов для забавы.

Хьюго подошёл и нежно провёл по щеке девушки кончиками пальцев, а потом вдруг вцепился ей в горло и пригнул к парапету.

— Нет, не я тебя сделал такой! — заорал он ей. — Здесь, ровно на этом месте ты сама приняла решение стать консунтом. Жаль, что ты этого не помнишь. Я сказал тебе, много лет назад — что бы ты ни сделала, мы всегда будем вместе. И, как видишь, я выполнил обещание. И могу повторить его снова...

— Оставь её в покое, — закричал Кланки, взобравшийся на парапет.

Он махал мечом, но Хьюго же не церемонясь, почти не глядя, одним щелчком пальца скинул бурозубика с башни. И хотел было продолжить разговор с Алаун, но тут он увидел армию визидаров.

Сначала над холмами стали видны летучие отряды, а затем на дороге показались и остальные войска. Хьюго отбросил Алаун в сторону, приказав малумам засыпать вход в башню:

— Пусть эта дрянь живёт здесь, как героини из сказок, которых она начиталась, — зло сказал Хьюго, спускаясь с крыши, — пока мне некогда, а потом я с ней разберусь.

И Хозяин побежал вниз, на ходу поправляя латы. Несколько малумов облепило Алаун, не давая ей двигаться, а другие слетали вниз, брали камни и поднимаясь вверх, скидывали их на проход, пока его полностью не завалили. Тогда они отпустили девушку и спустились вниз к хозяину.

Через полчаса на большое поле перед развалинами выехал Хьюго. Перед ним стояла армия врагов. А он казалось, встречал их в гордом одиночестве.

Но Питер надел окуляры, и увидел бесконечную тучу малумов, стоящих за спиной Хьюго. Их ряды зависли в воздухе и, застыв, вперили чёрные взгляды в спину Хьюго, ожидая сигнала.

Питер подал знак, и его войско стало надевать очки вслед за ним.

Хьюго подъехал почти вплотную к Питеру и, оглядев армию позади него, засмеялся:

— Как же долго я мечтал об этом! Но даже я не ожидал, что буду сражаться с войском инвалидов. Даже как-то неудобно. А, хотя, нет. Удобно! Вы выполнили все мои желания: собрались в одном месте, пришли сюда сами. Это

так же невероятно, как если бы курица сама себя ощи́пала и, подойдя к котлу, сми́рно легла у огня.

— Хьюго, — перебил его Пит, — мы предлагаем тебе сдаться. Война — всегда потери.

— Конечно, — кивнул Хьюго, — но меня они не пугают. Я к ним подготовился.

— Мы не хотим сражаться, — сказал Питер.

— Понимаю. Ведь вы пришли сюда умирать, — криво ухмыльнулся Хьюго, — а я — вас победить.

— Нет, — мотнул головой Пит, — мы пришли сражаться. Защитить близких, даже если придётся умереть. А это разные вещи. Но тебе, Хьюго, не понять.

— Вам ПРИДЁТСЯ умереть, ведь победить невидимую армию невозможно, — посмотрел на него Хьюго, — обернись, погляди в глаза своей убогой армии. Это Я вам предлагаю сдаться...

— Давай, — перебил его Пит, — чтобы не было кровопролития, сразимся лишь мы с тобой. Так мы сэкономим время и жизнь своих армий. Проигравший сдастся.

Хьюго задумался, окинул ещё раз армию визидаров и неожиданно кивнул, приняв вызов.

— Только сразимся на мечах, как истинные воины, — уточнил Питер.

Питер и Хьюго спешили и встали друг напротив друга. Пит был сильнее и выше, но Хьюго обладал мощной фигурой. И имел в арсенале юркость с ловкостью, которые питались его коварством. В Питере чувствовалось благородство, Хьюго же не собирался соблюдать никаких правил. Это развязывало ему руки и давало ещё одно преимущество.

Противники достали оружие. Но Хьюго вдруг поднял руку, чтобы сделать паузу. Он снял с груди флакон, показал его Питу:

— За мою победу, — сказал Хьюго и отхлебнул пузырящейся жидкости, похожей на шампанское.

Потом он медленно закрутил крышку, и вдруг отбросив флакон в сторону, молниеносно нанёс удар в живот Питу. Тот успел увернуться, но всё же меч оцарапал его.

Увидев это, Янмей закричала. Но Питер не оборачиваясь, сказал:

— Янмей, со мной всё в порядке.

И обрушил свой удар, попав в плечо Хьюго. Тот взвился от боли и ярости. Глаза сверкнули и налились злобой.

— Сейчас ты сдохнешь, — сказал Хьюго и понёсся на Питера.

Началась смертельная схватка. Вкладывая всю силу в удары, Хьюго налетал на Пита. Тот отбивался, но меч он держал в руках меньше, чем Хьюго, поэтому иногда совершал ошибки, которыми тут же пользовался противник. Казалось, что звенят не только заточенные клинки, но и воздух вокруг дерущихся. Когда мечи с размаху сталкивались, искры летели во все стороны.

От Питера шёл пар. Один из ударов противника рассёк ему ухо, и кровь стекала на ворот рубахи.

Мэдлин нахмурилась, но не отрываясь, наблюдала за битвой. Одна её рука лежала на рукоятке меча, вторая была стиснута в кулак. Бёрнис думала, что подруга отвернётся, чтобы не видеть поединка. Но Мэд будто превратилась в стрелу, направленную на помощь Питу. Когда он заносил меч, она словно поднимала его вместе с ним.

Питер стал выдыхаться. Два тяжёлых ранения — в правую руку и бок, ослабляли его удары и делали неточными выпады. Но Хьюго тоже получил своё: на его шее и ноге кровоточили две серьёзные раны. В какой-то момент он поскользнулся и упал. Питер дал ему время подняться. Хьюго же вывернулся, со всей силы толкнул Пита, опрокинул его и размахнулся, чтобы воткнуть в него меч.

Но Питер перекатился, вскочил и рубанул наотмашь. Хьюго отшатнулся. И оказался распростёртым на земле.

Питер склонился над врагом, приставил меч к его горлу и чётко произнёс:

— Сдавайся.

Но тут вместо лица Хьюго он увидел своё собственное. Жалкое, плачущее.

Зеркальное лицо Пита было искажено от ужаса... Когда это было с Питером? Давно. В момент невыносимого горя и страха. Тогда, когда он хоронил отца. Он даже забыл, как тогда было больно. Но всё горе того далёкого момента сейчас мгновенно навалилось на Питера, рука его дрогнула и он, глядя сам себе в глаза, ослабил хватку.

Хьюго опять извернулся, поднялся, тряхнул рукой, на которой блеснул перстень, и громко крикнул малумам:

— Убейте их всех, до единого!

Леонар и Пинар успели схватить лошадь Янмей под уздцы и отогнать в сторону. Остальные, вытащив оружие, ринулись в атаку.

Как ураган, сошлись две силы. Схлестнулись два потока. В воздухе и на земле.

Со стороны визидаров раздались первые выстрелы, упали и рассыпались первые малумы — пули, скрещенные с ужастией действовали безотказно, оставляя от сумрачных рыцарей один пепел. Для Хьюго, это было неожиданностью. Он думал, что победа достанется легче. Каждый малум получил такой же флакон, как у него. В нём была та самая Зеркальная пена из пиратского магазина шалостей. Напиток, хлебнув которого, ты отражал лицо собеседника. Но Малыш с Джейкобом добавили в Зеркальную пену силы Мраков. Поэтому тот, с кем

сражались малумы, в их лицах начинал видеть себя из прошлого в моменты самой страшной скорби и бессилия. Это должно было обескуражить визидаров. Ибо труднее всего на свете бороться с собственными страхами и накрывшим горем. Хьюго не сомневался в успехе — разве не замрёт занесённая рука, когда ты увидишь собственное жалкое лицо, искажённое болью?

Так оно и случилось. Вторая волна малумов вызвала смятение в рядах визидаров. В открывающихся забралах рыцарей они видели свои лица. Искажённые мукой, слабые, незащитные, плачущие. Визидары застывали, а малумы, вцепившись в них, за одну секунду выпивали кровь, превращая тела в пыль.

Когда прошёл первый шок, кто-то с летающих островов, крикнул вниз:

— Не смотрите им в лицо!

И эта фраза помогла. Визидары собрали растерянное в первые минуты самообладание и продолжили борьбу.

На поле боя было настоящее месиво. Командиры стражи дули в свистки и ястребы налетали на малумов, сбивая их с пути. Летали пули. Взрывались бомбы из разрываив-травы с одной стороны и огненные клубки с другой.

Малумы, напившиеся до отвала и уже видимые невооружённым глазом, с жуткими перепачканными лицами, теперь просто сражались. Поглощать кровь они уже не могли, но наносили удары налево и направо. Небо стало черно от малумов. И, как разряды, сверкали, сталкиваясь, мечи.

Раздавались мушкетные выстрелы. Но браунинг Пита был быстрее. Заряженный волшебными пулями Ужастии, он разил врагов налево и направо. И малумы падали, не долетая до земли, рассыпались, как проткнутый мешок с пылью.

Малумы сворой охотились за теми, у кого видели браунинг — так уж они были заточены — мгновенно определять того, от кого исходит наивысшая опасность. И Питер теперь стал для них главной мишенью. Над ним вилась туча малумов, но достать Полководца не могли...

Стурла, рассеившись со своим отрядом, сражался с врагами внизу. Гномы, разбившись на тройки, прятались за камнями. При приближении малума, двое неожиданно налетали на него, и, подпрыгнув, втыкали в малума волшебные мечи с двух сторон. Жертва падала, как подкошенная. Добивал его выстрелом в упор мохнатой пулей ётретий коротыш.

Золотистый меч Итиро мелькал среди сражавшихся, будто молния, точно разившая рыцарей теней. Когда очередной малум был убит, Итиро кивал вслед рассыпавшегося чёрного духа и говорил: «Оясуми». Что означало на японском «спокойной ночи».

Он не заметил, как несколько малумов приготовились напасть на него сзади. Один из них кинулся к Итиро и вцепился парню в шею. Но успел лишь выбить меч и прокусить кожу — как неожиданно откуда то вихрем сбоку примчалась Бёрн. Нападавшего малума она застрелила, остальных раскидала мечом.

Итиро соскользнул с лошади, скатился в небольшой заросший овражек и упал, ударившись о камень головой.

А на Бёрнис тут же налетела целая стая врагов.

Бёрн, сражалась неистово. С рычанием пумы она кидалась вперёд и порой накальвала на длинный меч сразу двух рыцарей теней. На них появлялись её перекошенные болью лица, но это не убавляло её бесстрашия, а скорее наоборот, прибавляло сил.

Но один малум изловчился и ранил её. Бёрнис, даже не почувствовала, что чужой меч рассёк ей рубаху и оставил глубокий след на коже из которого брызнула кровь. Она размахнулась и отсекла врагу голову. И только потом упала на землю, потеряв сознание.

Берегиня — маленькая пчёлка, о которой девушка давно забыла, ожила на её воротнике, взмахнула крыльшками и полетела к Уильяму.

Она села ему на щёку, когда Уильям добивал очередного малума.

Уильям сразу всё понял. Тут же повернул коня, подняв его на дыбы, но поскакал не к Бёрн, а к Леонару. Уильям ворвался в медицинскую палатку, когда Леонар перевязывал змеелистником ногу визидарцу из троллей. Тот протянул свою волосатую ножищу через всю палатку, и его стопа торчала наружу. Уильям перепрыгнул через ногу тролля, и кинулся к Леонару.

— Бёрнис погибает, — сказал парень.

Леонар протянул ему перчатку. Схватив её, Уильям понёсся, отбиваясь от малумов, к Бёрнис.

Но когда он, наконец, нашёл её, то сам получил удар мечом и упал рядом с девушкой.

Они лежали совсем близко. Бёрнис открыла глаза и посмотрела на Уильяма. Он протянул ей перчатку и прижал к её ране.

— А ты? — одними губами спросила Бёрн.

— Тебе нужнее. Я справлюсь. Только отдохну, — и Уильям закрыл глаза.

Преодолевая боль, Бёрнис осторожно подползла к парню и зажала меж их ранами перчатку. Она обхватила Уильяма, и, сцепив свои руки на его спине, снова потеряла сознание.

Так они и лежали. Их разноцветная кровь смешивалась между собой, пропитывая землю, пока их не

обнаружили визидарцы из медицинской бригады.

Уильяма и Бёрнис положили на одни носилки, потому что расцепить руки девушки было невозможно. Она так крепко обняла Уильяма, словно срослась с ним. Под дождём из взрывающейся земли их потащили к шатрам. Сюда же несли тяжелораненого Тафари.

Вся его грудь была одним кровавым месивом. Пока Леонар и Янмей перевязывали остальных, к Тафари, открывая на ходу ведьмину сумку, кинулась Пинар. Она перевязала Следопыта, напоила его настоем и положила в шатре, рядом с другими ранеными.

Тафари стонал. Он то впадал в забытьё, то, возбуждённо махая руками, пытался приподняться, искал меч и рвался в бой. В такие моменты Янмей подходила к нему и поила успокоительным отваром. Но чуть только Тафари стало легче, он скатился с низкой лежанки и подполз к выходу. Откинув полог, Следопыт наблюдал за сражением.

— Нельзя! — сказала ему дежурная медсестра, — вам надо лежать. Ваши раны очень глубокие!

— Я подышу здесь, — улыбнулся он ей бледными губами, — мне не хватает воздуха.

Поколебавшись, она утвердительно кивнула.

Медсестра помогла ему устроиться поудобнее, подоткнув Тафари под спину свёрнутое одеяло. Поддержала руку на его горячем лбе — её лицо выражало беспокойство. Она сказала:

— Вы только недолго здесь дышите. И если что, зовите меня.

И отошла к стонавшему визидару-фермеру. Его случайно обжёт собственный дракон, и теперь кожа на боку пострадавшего была покрыта жуткими волдырями.

У Тафари кружилась голова, в руках была слабость, а в ногах дрожь. Но он всё же собрал силы в кулак, приподнялся, и окинул поле боя.

Отсюда всю долину Дагхэда было видно как на ладони. Медленно двигались визидары-тролли, но зато били точно в цель. Словно камни, сливались перед нападением с землёй гномы, а потом молниеносно разили врага. В воздухе носились драконы, сыпалась земля со взрываемых островков. Души и Музы вихрем сцеплялись с Мраками. Ни в том, ни в другом мире, казалось, нет конца и края сражению. Пламень, вопли, дым, земля — всё смешалось меж собой.

Соколиный взгляд Тафари вырвал из всей толпы Хьюго Хармуса. Тафари видел, что тот запускает огненные шары. Они, попадая в толпу, на какое-то время окутывали визидаров оранжевыми молниями, а потом пострадавшие падали, как подкошенные и на них налетали, малумы.

Тафари оглянулся, подождал, когда дежурившая медсестра отвлечётся на другого раненого и выполз из палатки. Он залёг под одной из повозок. Край ткани, прикрывавшей груз, был поднят. Тафари увидел в повозке знакомые ящики — в них лежали боеприпасы. Следопыт с усилием подтянулся, вытащил взрывной клубок, прицелился и запустил его в Хьюго.

Мощный удар прошёл мимо, но сбил Хьюго с ног. Тафаризастонал от досады. Хьюго же поднялся, по сизому взрывному следу увидел, откуда шёл удар. И в ярости запустил следующий огненный шар прямо в палатки с ранеными.

— Берегись! — только и успел крикнуть Следопыт, откатившись.

Алаун с башни тоже видела, что шар с молнией несётся прямо на Тафари. И закричала. Хьюго перевёл взгляд на неё. Он сразу понял, на кого смотрит Алаун. Отсюда ему не было слышно, что именно она кричит, но это было понятно и без слов.

Алаун в отчаянии протянула руку туда, куда нёсся смертельный шар. Она словно пыталась остановить его. «Нет, нет, — кричала Алаун, — Тафари! Я люблю тебя...»

В эту секунду казалось, что над этим жутким местом, пропитанным кровью, над болью, над визидарами, сражавшимися со своими страхами, над взлетающими Музами и нападающими малумами, над всем этим миром остались лишь три фигуры. Алаун, Тафари и Хьюго. Каждый из троих видел только друг друга. Через дым и расстояние. Через крики, смерти и разряды взрывов. Каждый понял, что чувствовал другой.

Хьюго затрясло от злобы. Сейчас он хотел только одного: вцепиться и разорвать лицо Алаун на самые мелкие кусочки. В её взгляде на Тафари было столько любви и нежности, которую он, Хьюго, ждал все четыреста лет. Ждал, но так и не получил.

Бомба Хьюго попала в пустующий шатёр, но Тафари отбросило, обдало комьями земли и оглушило. Из раны вновь стала сочиться кровь, окрашивая повязки. Леонар кинулся к нему, пытаясь помочь. Когда Тафари пришёл в себя, то он не слышал Леонара, не видел руки Янмей, протягивающей питьё. Он приподнялся и увидел, что Хьюго вертя в руках огненный шар, смотрит на Алаун. Тафари понял, что случится дальше.

Из последних сил Тафари поднялся, цепляясь за Леонара, и вдруг побежал к повозкам. Там стоял Огонёк. Дальше всё произошло в одно мгновение. Леонар не успел даже закричать, лишь протянул руку. Пинар в ужасе присела. А Тафари вскочил на летающую лошадь, пришпорив её, пронёсся над ними, и взмыл вверх.

Огненный клубок, запущенный Хьюго попал в Ведьмин Палец ровно посередине. Башня пошатнулась и Алаун,

вместе с водопадом осколков, камней и черепицы стала падать вниз.

Каким-то невероятным чудом, раненый Тафари, не только смог удержаться на брыкающемся Огоньке, но и подхватив в воздухе Алаун, успел перебросить её через сидение.

За этим следили многие. Одни с замиранием сердца, другие с ужасом. А Хьюго с ненавистью. Он не заметил, что к нему подбежал Питер. Схватив Хьюго, Пит скрутил ему сзади руки. Но Хьюго выскользнул, выхватил меч и нанёс косой удар в плечо Питера. Тот рухнул, но падая, уцепился за ногу Хьюго, повалил его и, подкатившись, навалился на врага телом.

— Мы можем тебе помочь, — сказал Пит, — только позволь нам это сделать. Хьюго, у нас есть Сад Сновидений, в котором ты сможешь прийти в себя. И снова стать настоящим визидаром.

— Лучше смерть, — мотнул головой Хьюго.

Пока они говорили, Хьюго незаметно достал нож и с размаху воткнул его в живот Пита. Голова могучего Пита упала, руки ослабили хватку, и он затих.

Хьюго выбрался из-под тела врага и занёс над ним меч, чтобы добить наверняка. Но к нему из дыма выскочили Стурла и Марио. Стурла схватил Хьюго за штанину, а Марио склонился над Питом.

— Как вы мне надоели, — досадливо проговорил Хьюго и лениво поднял над шлемом Стурлы меч.

Но он не ожидал от гнома такой прыти. Стурла подпрыгнул, сделал выпад и ранил Хьюго, оцарапав щёку.

— Ах ты уродец, — взвизгнул Хьюго и со всей мочи замахнулся на коротыша. Но тот отскочил, и удар прошёл мимо.

Меч Хьюго воткнулся в землю, но он быстро вытащил его и ещё раз ударил по маленькому врагу, попав по голове. Шлем выдержал удар, но Стурла повалился, потеряв сознание. Хьюго прицелился, чтобы отсечь ему голову, но сам получил оглушительный удар в бок от Марио.

Марио так спешил на помощь Стурле, что не заметил, как нога попала в ямку и меч, задев Хьюго, вырвало из рук. Оружие пролетело через голову владельца и воткнулось где-то за его спиной в землю. А Марио упав навзничь, ударился о камень.

Хьюго тоже не удержался на ногах. Меч Марио прошёл его латы и разорвал кожу. Хьюго упал, с удивлением глядя на нападавшего, которого из всех Прославленных посчитал в начале сражения самым слабым. Потому что тогда Муза Марио была самой неясной. Но теперь кровавыми очертаниями она стояла, над хозяином, цепляя головой облака. Такой огромной Музы Хьюго не видел ещё ни разу в жизни. Такой огромной и такой кровавой.

— Зачем...зачем вы это делаете? Ведь вы же отличаетесь от них, — почти прошептал Хьюго, схватившись за рану из которой хлестала чёрная кровь, — визидаров давно поглотили демоны, сделавшие из них наивных глупцов...

Из последних сил Хьюго поднял меч, залитый кровью, и, размахнувшись, занёс его над Марио.

— Они же уродцы... — сказал с раздражением он.

Марио осторожно полз назад, пытаясь нащупать меч. Наконец, он почувствовал его рукоять под пальцами.

И когда Хьюго обрушивал удар на него, Марио вывернулся и нанёс свой. Окончательный. Меч Марио пропорол врага насквозь.

Хьюго повалился. Его глаза выкатились из орбит. Побелевшими губами он прошептал:

— Вы все... ничтожество ...

— Граспек, — ответил, глядя в лицо Хьюго, Марио.

И вытащил из его тела меч.

Глаза Хьюго закрылись.

— Покойся с миром, — произнёс Марио, — хоть ты его и не заслуживаешь.

Из последних сил Хьюго вытащил ещё один шар и приподнял голову. Все, кто это видел, напряглись. Но то ли он уже ничего не соображал, то ли не видел — кровь застилала ему глаза, но бомбу он кинул в свой же собственный шатёр, стоявший поблизости.

Палатка взвилась и рассыпалась со всем своим содержимым.

А Хьюго затих. Его густая кровь, напоминавшая грязь, стекала на землю и трава, которую она заливала, чернела и умирала.

Как только Хьюго испустил последний вздох, огромная тень его Мрака поднялась над ним, словно ещё одна вершина Чёрных гор. Мрак склонился над хозяином, обвил его и потащил мёртвую душу Хьюго Хармуса вниз под землю.

Все малумы разом взвились. Казалось, что за мгновение началась буря. Над полем боя закрутились чёрные смерчи. Тёмная сила, издавая рыки, вой и протяжные стоны, плющилась и извивалась, пока вся не ушла под землю. Вслед за Хозяином.

Через пару минут на поле боя стало тихо. Так тихо, что было слышно, как в небе шуршат крылья стаи головастелей, косяком летевших с моря.

— Мы победили, — крикнул кто-то.

— Да! — подхватила толпа визидаров.

— Да! — неслось по рядам непохожих друг на друга перепачканных лиц. Но разные глаза визидарцев светились одним — радостью.

Кто-то перевязывал голову Стурлы, кто-то протягивал Пинар платок, чтобы она вытерла кровь с лица. Мэдлин же бежала к Питу.

Над ним постепенно проявлялась его большая Муза. Она протянула руки к Питу, чтобы подхватить его душу и отнести на небо. Мэдлин склонилась над его остывающим телом, не веря в происходящее. Хромая, к ней подошёл Леонар. Он протянул девушке перчатку, которую взял у Бёрнис с Ульямом, потому что им стало немного легче. Но сколько бы ни прикладывала Мэд перчатку к телу Питера, она уже не могла помочь.

Мэд тряслась в рыдании. Солдаты обступили Полководца, снимая шлемы. Но сквозь толпу прорвалась Алаун.

— Пойдите, — сказала девушка, — в том шатре, что взорвал Хьюго, был его воскрешающий ящик. Вот щепка от него!

Она подняла кусочек дерева нежного розового цвета.

— Если мы засыплем Пита этими щепками, может, они ещё смогут помочь!

И все, кто стоял рядом, кинулись собирать кусочки розовых досок. Визидары носили их к телу Пита. И вскоре он полностью скрылся под пышной копной деревянной щепы. Оставалось лишь ждать.

То тут, то там с поля брани взмывали вверх Музы умерших. Визидары помогали стаскивать раненых к палаткам. Понадобилась вода, и за нею к колодезю в подвалах замка отправились Стурла и Леонар. Алаун показывала им дорогу и открывала тайные засовы.

Консунты, которых они встречали, в страхе забивались по углам.

Алаун вела Стурлу и Леонара запутанными ходами и коридорами, по пути объясняя расположение комнат. Их дорога проходила мимо кабинета Хьюго и его мастерских. Они свернули за угол, и попали в узкую каменную комнату. Здесь из стены бил источник. Его вода лилась в длинный жёлоб, и по нему, огибая помещение, стекала в колодец. Алаун с Леонаром набирали воду в вёдра, а Стурла рассматривал древнюю фреску на стене — единственное украшение этой комнаты. На картине был изображён неровный многоцветный треугольный предмет. Из него росло красивое дерево, украшенное плодами в виде сердец.

— Странный рисунок, — разглядывая полотно, сказал гном.

— Это утерянное Древо Жизни — объяснила Алаун, подставляя под струю новое ведро.

— А треугольник? — указал на основание дерева Леонар, — что он символизирует?

— Это не треугольник. Так выглядели семена Древа. В жизни, конечно, они были крохотными, — объяснила Алаун, — Жаль их больше не существует. Как теперь и Воскрешающего ящика.

Леонар подошёл к фреске поближе и нахмурился. Ему не давал покоя этот треугольник. Но он не понимал, почему. Лишь когда они спустились за водой в третий раз, граф вдруг хлопнул себя по лбу и сказал Алаун.

— Я вспомнил, где видел эти семена! Пару таких треугольничков Питер нашёл в воняющем плоде. Он мне их показывали. Правда, тогда мы посчитали их мусором.

— Воняющий плод! — вскочила Алаун, — его надо найти и вылить содержимое в колодец, из которого пьют консунты. Тогда они тоже возродятся.

Девушка побежала искать снадобье.

— И как она его найдёт в обломках? — спросил Стурла.

— Думаю, по запаху это будет нетрудно, — предположил Леонар.

Они подхватили вёдра и потащили наверх.

На улице все суетились, кроме Мэдлин. Она сидела на земле рядом с Питом и держала его руку.

— Смотри, — обратилась она Леонару, указывая на плечо Пита, когда граф проходил мимо.

С кожи Питера стали сходить рисунки. Словно их и не было: сначала пропали узоры, потом исчезла саламандра. На плече Пита остался лишь круг визидара.

— Это плохой или хороший знак? — спросила Мэдлин у Леонара.

Он нагнулся, пытаясь нащупать пульс Питера. Но его не было.

— Давай подождём, — сказал он Мэдлин и отвёл глаза.

Но она и сама всё поняла. Заплакала, прижала руку Пита, но вдруг замолкла и прислушалась.

— Он жив! Он пошевелился, — сказала шёпотом она.

Леонар снова прикоснулся к кисти друга. А он легонько шевельнул пальцами.

Ремесленники боялись снимать с Пита все щепки. Они лишь освободили его лицо и, затаив дыхание, наблюдали, как потихоньку в великана возвращается жизнь.

Когда Стурла и Леонар натаскали из подвалов воды, гном сказал:

— Нужно проверить кабинет Хьюго. Даже после смерти этого негодяя, его надо опасаться. Не понятно, что он

замыслил? Не оставил ли ловушек?

Стурла с Леонаром спустились вниз. Консунты им больше не встречались — по-видимому, несчастные где-то спрятались.

Ремесленники исследовали полки кабинета Хьюго. В закрытом ящике стола, который Стурле пришлось вскрывать ножом, они нашли бумаги.

Быстро пробежав глазами записи, Леонар сказал:

— Это дневники Хьюго. Надо забрать их с собой.

Визидаров поразили залежи ауксиллов на полках:

— Им здесь тоже не место, — кивнул Стурла.

— Думаю, мы вернёмся за ними позже. Здесь нужна не одна подвода, — сказал Леонар, — пока же пойдём помогать остальным.

Они выбрались наверх и сразу встретили Алаун. Девушка несла в руках бурозубика. Тот был ранен, но жив.

— Не поверите, — радостно доложила Алаун, — Кланки нашёлся! Он лежал в обнимку с Воняющим Глазастиком!

Леонар склонился над бурозубиком и осмотрел его. У Кланки сильно кровоточила рана на голове, и отсутствовало одно ушко.

— Ты настоящий герой, — сказал ему граф. — Сейчас мы тебя перевяжем. Но не уверен, что ухо снова вырастет.

И Леонар потянулся к сумке за лечебными бинтами.

— Эх, подумаешь тоже, — сказал ослабевший бурозубик, вяло махнув лапкой, — зато будет что вспомнить на старости, — потом Кланки печально добавил, — но я потерял шлем.

— Я сделаю тебе новый, — пообещал ему Стурла, — золотой.

На поле боя всё ещё собирали раненых.

Но только Итиро никто не замечал. Он лежал в овраге, скрытый ото всех кустами. Из раны на шее сочилась кровь. Волосы над бледным лицом чуть ворошил ветер. В голове оглохшего от взрывов Итиро была пустота. Он бессмысленно блуждал взглядом по веткам хлипкого куста, но не мог сконцентрироваться. Всё перед глазами размылось, плавало и переворачивалось.

Вдруг Итиро достаточно чётко увидел над собой Музу. Она склонилась к нему близко-близко. У его Музы было лицо достопочтимой Кудо Минами.

«Бабушка, это ты? — мысленно спросил у неё Итиро, — ты пришла за мной?»

Она расцвела и обняла своего мальчика. Итиро закрыл глаза и улыбнулся. Притупилась боль в теле, стало теплее. Итиро окутала темнота. Но не пугающая чёрная тьма, а ночные, подсвеченный звёздами потёмки, в которых бабушка в детстве, пела ему колыбельную. Он услышал эту песню и сейчас.

Откуда-то сверху, словно осенний листик, опустилась на щёку Итиро жёлтая бабочка. Но он этого уже не видел и не чувствовал. Бабочка посидела немного, а потом взмыла вверх и полетела к шатрам.

...-Янмей, дай мне попить, — просил девочку раненый визидарец, когда неожиданно к ней на руку опустилась бабочка.

Сначала Янмей её отгоняла, но бабочка, упрямо сделав круг, снова и снова опускалась на плечо девочки. Тогда Янмей взглянула на неё внимательней. С минуту они смотрели друг на друга, а потом девочка в слезах кинулась к Пинар:

— Итиро умирает. Мы должны ему помочь, — плакала Янмей.

...Только через три часа Питер приподнялся с земли, сбросив с себя безжизненные щепки. Они отдали ему последние силы и почернели.

Толпа солдат приветствовали Полководца громкими криками радости.

Пит окинул взглядом поле боя. С него унесли раненых, недалеко на летучий остров загружали остатки оружия, расчищая землю. Самых тяжёлых больных срочно подготавливали к отправке в больницу Горячих топей. Сиридин и Леонар руководили сборами, носясь среди повозок и устраивая раненых получше.

Пит подошёл к ближайшей телеге. Первым он увидел перевязанного Итиро. Его лицо было замотан, но Питер узнал его по глазам меж бинтов. Полководец обнял друга и поправил ему плащ, прикрыв ноги от ветра. Рядом с Итиро лежал рыжий Лапе. Парень стонал — у него было ранение в живот. Увидев Пита, Лапе хотел приподняться и отдать честь. Пит остановил его. Полководец снял с себя сиреневый пояс и положил его на грудь парню.

— Это лично от меня, — сказал ему Пит. — Ты храбрец, Лапе. Храбрец. Твои родители будут тобой гордиться. Я желаю тебе поскорее выздороветь. Возничий, трогай, — обратился он к седоку на приступке.

— Слушаюсь! — повернулся к нему Мак Дара.

Питер улыбнулся старику, подошёл и крепко обнял:

— Мак, дружище, спасибо за помощь!

— Ладно-ладно, — спрятал скупые слёзы в шарф Дара, — чего уж там.

И, стеганув лошадей, поехал вслед за Сиридином.

А Пит побрёл к другим телегам. К тем, на которые стужали тела погибших. С болью он вглядывался в лица, желваки гуляли у него на щеках, но он упрямо шёл от повозки в повозке, закрывая веки тем, у кого они были открыты, поправляя руку или ногу умершим, когда ему казалось, что они лежат неудобно.

— Предводитель, — тронул его кто-то за руку.

Пит обернулся. Перед ним стоял Дойль — паренёк их фермеров, которого он когда-то ругал за пассы с драконом и яблоком. Голова Дойля была покрыта пеплом, отчего он казался седым, доспехи смяты и испачканы.

— Предводитель, — повторил парень, — они отказываются брать с собой Кроуна... Говорят, что нет места для тел визидаров. А не то что для драконов.

Пит пытался вникнуть в сказанное. Он посмотрел туда, куда указывал Дойль. Там кверху брюхом лежал дракон. С маленькой короной меж застывших глаз.

— А он... — голос Дойля дрогнул, — Кроун спас мне жизнь... Понимаете?! Жизнь...

— Да. Я понимаю, — положил ему на плечо руку Пит, — мы похороним его с почестями. Обещаю. Он тоже воин.

...Объявили сбор войск. Перед выстроившимися воинами выехал на гарцующей лошади Август Непомнящий. Одна его рука висела перевязанной, на щеке зияла огромная царапина с кровоподтёком. Но лицо главы Совета Визидаров было исполненным вдохновения. Он поднял руку, и наступила тишина. Августоглядел ряды изнурённой армии и громко сказал:

— Мы вернули себе свободу! Вернули себе мир! И за это — честь Прославленным.

Потом он увидел в стороне повозки, на которых под знамёнами лежали погибшие. Август спешил, подошёл к повозкам ближе и упал перед ними на колени. Он склонил голову, поприветствовал их по-визидарски и произнёс:

— И слава павшим. Мы никогда не забудем их бесценную жертву.

Августу помогли встать, и он продолжил:

— Мы возвращаемся домой. Чтобы вылечить раненых. Похоронить павших. И чтобы начать новую жизнь.

Толпа одобрительно загудела.

— Этот Август вечно в своём стиле, — недовольно пробурчал Стурла, держась за перевязанную голову, — почему ты не произносишь па-фос-ных речей вместо него? — спросил он сидящего рядом Пита.

— Я не умею, — мотнул головой Полководец, — и потом, он ведь всё верно говорит.

...В медицинской палатке очнулась Бёрнис. Уильям лежал совсем близко, его глаза были закрыты, но он дышал. Веки парня дрогнули, Уильям открыл их и посмотрел на Волчицу. Какое-то время, приходя в себя, он разглядывал лицо девушки. Потом, прислушавшись, спросил:

— Почему так тихо?

— Мы победили, — шёпотом ответила она ему.

Уильям улыбнулся и сжал её руку.

— Может быть, — сказал он ей, — когда-нибудь, ты меня полюбишь.

— Я тебя уже люблю, — ответила Бёрнис.

— Но ты же не знаешь меня, — удивился он.

— Порой одного поступка достаточно, чтобы узнать человека. И полюбить его на всю жизнь, — чуть кивнула Волчица, — а мне хватило с тобой одного сражения.

...Вся Визидария с ликованием и чествованиями встречала воинов.

Когда войска въехали в Горячие топи, из толпы навстречу Прославленным выскочил ребёнок, из гномичьей породы.

Мальш испугался грозного Вульфа, но лишь крепче прижал к себе меховую игрушку и зажмурил глаза. Питер спешил, поднял ребёнка на руки и погладил по голове.

— Полководец, я хотел спросить, — осипшим от страха голосом, обратился к нему мальш. — Мама говорит, что ты победил зло?

— Да, — кивнул Пит.

Он оглянулся на Прославленных. На Носика с друзьями. На славного Уильяма и подошедшего Сиридина. На всех, кто ехал за ними: на серьёзные лица визидарцев. В рваных плащах, обвешанных оберегами из драконовых костей, в ссадинах, в мятых шлемах с нацепленными окулярами. Ком встал в горле у Питера, он добавил с нажимом на первое слово:

— Но только не я. Мы победили зло.

— Я ещё хотел спросить, — продолжил мальш нетерпеливо.

— Спрашивай, — кивнул ему Пит.

— Что будет дальше? Как теперь-то мы будем жить? Мама говорит, что жизнь будет сказкой. Папа говорит, что мама говорит чепуху... А дед говорит о волшебных палочках... Теперь то вы вернёте нам волшебные палочки, о которых он рассказывал? Вы создадите их снова?

Все, кто слышал слова ребёнка, засмеялись. Питер тоже улыбнулся и ответил:

— Конечно. Теперь мы создадим много всего.

И передал дитя к подбежавшей матери.

У ворот Стоунбона Прославленных встречали родственники, работники и друзья. Шумная толпа высыпала к подбежавшим ремесленникам, и долго обнимали героев под сенью Эо Мугна.

Дэгни безостановочно вытирала низом кофты слёзы. Расцеловавшись с мужем, она надела его шлем и обнимала всех подряд, приглашая на рыбные пироги, которых наготовила «целую кучу».

Папа Бёрнис обнял Уильяма — до Джона Холла уже дошли рассказы о том, как юноша спас его дочь.

Кудо Таисуке вышел к раненому внуку окружённый компанией щенков, которых тут же по привычке все стали тискать — за время их пребывания в Визидарии они стали не меньше знамениты, чем сами Прославленные. Достопочтимый Кудо помог внуку приподняться, крепко обнял его, смахнув украдкой слезу и тихо сказал на ушко: «Мы с бабушкой гордимся тобой».

...Август Непомнящий вернулся в Медикат и объявил по всей стране праздники, которые перешли в рождественские гуляния.

И это было самое славные праздники за всю историю Визидарии.

Леонар рассказал Тафари о фреске у колодца в подвалах Дагхэда и Следопыт порадовался, что не выбросил треугольнички, а сунул их в карман пиджака, где они позже и нашлись. Тому, кто в те дни заходил к Тафари в кабинет, вначале бросалась в глаза огромная бочка. Её, по просьбе Следопыта, притащил туда Мак Дара. Они вместе наполнили её землёй и посадили в неё треугольные семена. Теперь Тафари начинал свой день с того, что наблюдал, не покажутся ли всходы.

В Мастерских Врачевания лечили консунтов, коих оказалось в подвале Дагхэда сто четырнадцать. Они напились воды из колодца и ожили, но, к сожалению, были в худшем состоянии, чем Алаун.

Тех консунтов, кого привозили истощёнными, лечили мазями и присыпками. Но даже выздоровев физически, консунты просто сидели по углам, уставившись в одну точку. Они могли сутками покачиваться, односложно отвечая на вопросы, или дремать сидя, пока их не уложат. Поэтому, для дальнейшего лечения, их решено было отправлять в Сад Сновидений. Зеркало Сада Сновидений аккуратно перенесли в Мастерские Врачевания и установили в отдельном зале. Рядом с ним всегда кто-то дежурил. Правда, оттуда пока ещё никто не вернулся — видимо, чтобы восстановить душу консунта, надо было много сил и времени.

Из Дагхэда привезли все ауксилы и толы, которые там нашли. Ремесленники составляли опись привезённых предметов и изучали их свойства.

Двадцать третьего декабря, направляясь в конюшню к Огоньку мимо Мастерских Архитектуры, Леонар услышал странные звуки изнутри здания. Он пошёл посмотреть, что происходит. Шум шёл из зала Солнца. Когда Леонар открыл двери, он увидел чудо — из центра комнаты на его глазах стала расти ель. Она увеличивалась, пока не коснулась солнца на потолке. Как только её верхняя ветка уткнулась в панно, на ёлке засверкали гирлянды и игрушки. По витражам побежала изморозь, и с потолка стал сыпать крупный снег, таявший, не долетая до пола.

— Представляете, — делился мыслями Леонар с остальными ремесленниками, когда они позже сидели в пабе «Жёлтый головастьель», перекрикивая веселившуюся толпу визидарцев, — это дерево выросло здесь на каждое Рождество. Подумать только! Мне эту ель даже жалко — четыреста раз стоять в полном одиночестве!

Ему кивали, чокались зелёным элем, пили горячий рубиновый пунш и много смеялись. Сегодня из больницы вернулись Итиро, Бёрнис и Уильям — от этого у всех настроение было ещё лучше.

Приближалось само Рождество. В Мастерских были объявлены выходные, и можно было расслабиться.

В утро Сочельника каждое окно Стоунбона покрылось морозными узорами. Часовая дева теперь ходила в белой мантии и каждый час горстями кидала вниз снежинки со временем. И Янмей никак не могла отойти от окна. Она делала тёплыми пальчиками в холодных узорах проталинки, а потом смотрела сквозь них на опорошенный изморозью, сверкающий Эо Мугн, пока стекло снова не замерзло.

В рождественскую ночь снег пошёл по все стране. Везде бегала ребятня, в каждом городке шли ярмарки, на которых визидары веселились, как никогда в жизни. Все городские ели были украшены ботинками, и каждый визидарец по давней традиции установил Кольцо Счастья — круглую нарядную арку перед входом в дом. Среди множества украшений и сладостей, на ней обязательно должны были висеть десять звёздочек — по одной в честь каждого из Прославленных.

Над страной висело радостное ожидание чуда.

В каждом доме Визидарии, накрывая праздничные столы, мечтали, как заработают на полную силу Ремесленные Мастерские. Как возродятся школы Мастерства, которые были утеряны. Как туда вернуться ученики.

Чтобы учиться создавать толпы и ауксилы. И как заживётся в стране, когда снова появятся волшебные палочки.

В Стоунбоне с утра готовились к Рождественскому рауту. В подворотне у харчевни носились, кидаясь снегом, поварята. А повариха Сисилия, опять делала вид, что сердится и гнала их взбивать сливки.

Улицы города ремесленников украшали гирлянды, везде раздавался шум шутих. На каждом фонаре крутились фейерверки. А в садах на ветках сидели разноцветные стеклянные птички, которые, при чьём-нибудь приближении начинали петь рождественские гимны.

В Туманном саду все растения казались хрустальными, усыпанными россыпью сверкающих камней. Переливались гранёные рубиновые ягоды, блестели бриллиантовые цветы, мерцали изумрудные листья. Над тихо звенящими кустами кружились маленькие снежные пчёлки. За каждой из них оставался цветной шлейф, постепенно исчезающих искорок. А в воздушном саду в фонтанах, вместо воды, искрились мыльные пузыри. Они падали на замёрзшее озеро и застывали прозрачными каскадами.

Бёрнис смотрела в окно.

К воротам Стоунбона, у которых жители установили самое большое в стране Кольцо Счастья, бесконечно тянулись повозки с подарками и провизией из всех уголков Визидарии. Гостинцы подвозили к парадной зале и расставляли на столах. Лакомств было несчётное множество. Особенно сладостей, которые визидарцы обожали.

Здесь были горки зажаренных листьев хиларитаты, которые от жара печек сворачивались в сладкие хрустящие спиральки покрытые шоколадными каплями. И запеченные Моховинки — особые камни Чёрных гор, которые под тонкой зелёной бархатной корочкой содержали до двадцати слоёв разных начинок — это зависело от возраста камня и того места, где он, созревая, лежал. Твёрдые, словно карамель или мягкие, будто трюфели. Такие начинки могли чередоваться с жидкими сиропными — если в какой-то сезон камень оказывался в воде горных родников. Говорят, чем выше были найдены Моховинки, тем они были вкуснее.

Тут были и знаменитые рождественские торты из Медиката — высокие кружевные Шакелии. Их готовили на специальном конусовидном вертеле. На горячий конус лили яичное тесто. От этого торт получался полым внутри с выступающими веточками снаружи. Иногда нутро торта наполняли пирожными. Порой обливали глазурями сверху — видам Шакелии не было числа. Причем каждая кондитерская хотела отличаться, и делала торт как можно выше. Вот и сейчас в Стоунбон ввозили высоченный короб — в нём томилась трёхъярдовая королевская Шакелия, усыпанная жареными орехами.

Ну, и, конечно, сегодня к праздничному столу везли множество блюд в виде обуви: капустные пироги в форме сапожков; маленькие пирожочки-тапочки, набитые грибами; вафельные клумпы, мясные варёные туфельки и рыбные шлёпки. Непонятно, откуда и когда появилась эта традиция, но праздничный стол визидарца не был бы им, если бы на нём не стояло хоть одно «обувное» блюдо.

Но сейчас, глядя в окно, Бёрнис видела не длинный ряд повозок с провиантом и подарками. Она смотрела на кельтские кресты в поле за Эо Мугном. Там, со времен Ужасной Битвы было безымянное кладбище. Но недавно оно сильно разрослось — там же похоронили погибших в сражении солдат. И с того же дня у кладбища появилось имя: его стали называть Святилищем Кроуна — в честь славного дракона, который тоже нашёл здесь покой.

Пошёл снег. Постепенно он занёс и поле, и дорогу. Бёрнис с удивлением подняла глаза вверх — над священным дубом медленно проплывал караван облаков, сыпавших снежинками. Одни из них были совсем крохотные, словно пыль, другие — чуть больше, а третьи — с детскую ладонку: крупные, резные. Волчица наблюдала, как снежинки медленно фланировали на землю. Они повисали на ветках Эо Мугна, искрились на краях крыш и карнизов, образуя меж собой затейливые гирлянды.

— Удивительно, какое прекрасное совпадение: Рождество — и пошёл снег! — сказала Бёрнис, обращаясь к Уильяму.

Он писал письмо, сидя за столом, но отложил перо и обернулся к ней.

Девушка была одета к праздничному вечеру. Её волосы уложили в изящную причёску, а светлое атласное платье очень ей шло. Но Бёрнис, которая ещё недавно так храбро сражалась, сейчас заметно волновалась, потому что никогда не была на балах.

— На самом деле, — подошёл и обнял её сзади Уильям, — в деревне Параящая Иде, у одной из хозяек есть белая муфта. Это древний ауксил её семьи. Она трясёт ею, и тогда над Визидарией идёт снег.

— Сколько же чудес на моей родине, — улыбнулась Бёрнис.

— О, ты даже не представляешь, сколько! — кивнул Уильям, — знаешь, каждый маленький визидарец знает, что в рождественскую ночь по крышам ходит Снежная Хозяйка. За ней бежит её белая лиса по имени Сан с тремя хвостами и замечает их следы. Снежная Хозяйка заглядывает в окна и смотрит, как подготовились к празднику дети. А Сан относит всем, кто заслужил, подарки и прячет их под кровать. И утром все дети Визидарии обязательно свешиваются с кровати в поисках следов Сан и подарков. Так вот, в моей жизни подарок от Снежной Хозяйки — это ты. И обязательно утром загляни под кровать. Я думаю, Снежная Хозяйка и Сан тебя навесят.

...Мэдлин подошла к двери Пита и постучала. Она тоже волновалась, расправляя шёлковые складки на

пышной юбке. Питер открыл, и Мэд сразу заметила, как он был бледен и встревожен.

— Что случилось? — спросила его девушка. И его волнение мгновенно передалось ей.

Она заткнула за ухо красивую кудряшку, так как тут же забыла и про бал, и про платье.

— На, прочти вот здесь, — Питер протянул ей тетрадь.

— Что это? — спросила Мэдлин.

Она взяла у него из рук пожелтевшие страницы и плюхнулась на диван.

— Это дневник Хьюго Хармуса, — разъяснил Питер.

— 13 октября 1525 года, — прочла вслух Мэдлин.

Она удивлённо подняла глаза:

— Так эта запись сделана Хьюго в день начала Ужасной битвы?

Питер кивнул. Мэд углубилась в чтение:

— «Она такая красивая. Никого я не обожаю так, как прекрасную дочь Георга Петрюссона...» Петрюссона?

Хьюго любил дочь твоего предка?!

Питер снова кивнул и попросил:

— Читай дальше...

— «Я её обожаю. Боготворю... Я увидел Нуалу год назад на рождественском балу в Медикате и понял, что никто мне не нужен, кроме неё. Она протанцевала со мной всего лишь один танец, и была всего лишь вежлива. Но я точно знаю, что женюсь только на ней. Но она почти не выходит из дома. Я ей пишу, но она не отвечает. Я попытался сойтись с её отцом. Приходил на все его дурацкие открытые лекции по снадобьям, чтобы подружиться, но он холоден со мной. После я попытался сблизиться с женой Петрюссона — Бригиттой, она редактор местной газеты, и я каждый день ходил к ней на работу подавать глупейшие объявления. Но она тоже осторожна. Но как же я ещё могу увидеть их дочь?! Их сын, Бриндан, жуткий задавака. Учится первый год в Мастерских Стоунбона, и не обращает на меня никакого внимания. Петрюссоны почти не выпускают из дома мою драгоценную Нуалу.

...А сегодня, когда я шёл по рыночной площади Города Чудотворцев, вдруг увидел её. Она стояла в толпе подруг и смеялась. Я подошёл ближе, боясь, что она меня даже не вспомнит, но Нуала назвала меня по имени. Она сказала, что приехала с подругами на Ярмарку за покупками, а потом улыбнулась и добавила: «Да, Хьюго, конечно, я помню вас. Вы были забавны». Повернулась и ушла.

Малумы ещё не готовы. Сражение до конца не продумано. Но я должен забрать Нуалу себе прямо сегодня. Пока она рядом. В городе Чудотворцев. Ждать больше у меня нет сил....»

Дальше текст обрывался, шёл пропуск, но через несколько страниц записи продолжались. Почерк Хьюго в них стал более размашистым и нервным.

«14 октября 1525 года.

Сначала всё было хорошо. Я сказал, что спас её от чёрных сил и теперь занимаюсь тем, чтобы спасти её семью. Она поверила. Она молится, но верит мне.

А сегодня мне доложили, что она сидит в комнате и рыдает. Оказывается, мать прислала ей с голубем известие. И Нуала прочла в письме правду. Я собственными руками свернул этой гадкой птице голову. Но когда я зашёл к Нуале, она сказала, что лучше умрёт, но не будет с таким чудовищем как я.

Я думаю, она со временем успокоится. Я приставил к ней слуг из консунтов, чтобы Нуала ни в чём не нуждалась, но она их боится».

«24 декабря, 1525 года.

Нуала сбежала. Консунты разыскивали её, но тщетно.

Я выбежал во двор, думая, что она кинулась к Городу Чудотворцев, но нет. Кармы хорошо сторожили все входы и выходы. И тут я увидел её. Она стояла на башне.

Я кинулся к ней, но она смотрела на меня, как на что-то ужасное и омерзительное. Нуала оттолкнула меня и спрыгнула вниз.

Я сбежал туда, где она лежала. Я сам закрыл ей глаза и поцеловал в окровавленные губы. Но я не мог её отпустить. Ради неё я был готов растерзать ещё полмира.

Тогда мы с Джейкобом отнесли Нуалу вниз в мастерскую и сшили из неё консунта. Я собрал её такой, какую она была. Лишь руки пришлось заменить на чужие, ибо на руках проступали рисунки её рода, которые могли ей напомнить о том, кто она была. В Нуале кровь бога силы и плодородия Кернунна. У тех, кто из его рода, на левой руке появляются знаки, направляющие их по жизни. Если меняется жизнь, меняются и их знаки. Левое предплечье Нуалы было покрыто рисунками цветов и звёзд. И я безжалостно от них избавился... Я дал ей новое имя. Перевернув её старое. Теперь, потеряв память, она останется навсегда в моей власти. Я заставлю её полюбить себя. Теперь ты моя навеки — драгоценная Алаун»...

Мэдлин потрясённо замолчала.

— Это значит, что Алаун — это Нуала. Моя родственница, — сказала Пит.

— Пойдём же скорее. Скажем ей! — вскочила Мэдлин и потянула Питера к выходу. — Алаун с Тафари отправились на бал, я встретила их по пути сюда.

...В Зале Солнца было шумно и весело. Играли музыканты. Столы ломились от угощений. Но присутствующие поглядывали на то, что происходит за главным столом. Там, где сидели Прославленные. Гости наблюдали, как ремесленники собрались в кучу, как что-то читали. Потом плакали, хватались за лица, обнимались.

Наконец, Сиридин с Носиком, не выдержав, подошли и напряжённо спросили у ремесленников:

— Что случилось? Опять какие-то дурные вести?

Питер, обнимая плачущую Алаун, обвёл радостным взором толпу и громко сказал:

— Всё хорошо! У нас радость! Я нашёл сестру! И надеемся, теперь у нас каждый день будут только радостные вести! Ура!

Визидары подняли бокалы, подхватили Ура! И стали друг с другом чокаяться по-визидарски, поздравляя с Рождеством.

Сиридин объявил танцы. Заиграли свирели и фиддлы, раздались звуки арфы и волынки. Все кинулись в пляс. От дружного топота на праздничной ёлке подпрыгивали игрушки. На столе среди тарелок, в окружении каких-то, несомненно, достопочтимых бурозубиков-визидарцев, отплясывал Кланки с дочерью. И в такт прыжков, подскакивало его единственное ушко.

Обняв за широкую талию повариху Сисилию, кружил её в танце счастливый Мак Дара. А она, хохоча, успевала кормить его заварным печеньем в виде башмачков, которые горстями черпала из необъятного кармана юбки.

В этой весёлой суতোлке к раскрасневшейся Бёрнис подошла Янмей. Она протянула девушке букет нежных белых цветов, с которых шлейфом рассыпались маленькие звёздочки.

— Это тебе от Уильяма, — сказала на ушко Бёрн Янмей, когда та ласково склонилась к ней.

Потом девочка взяла Волчицу за руку и подвела к Уильяму.

— Цветы зимой. Так мило. Спасибо, — улыбнулась ему Бёрнис.

— Ты вплетёшь их летом себе в волосы, чтобы прокатиться со мной в лодке по Счастливой реке? — спросил он её в ответ.

Щёки Бёрн вспыхнули, и она утвердительно закивала головой.

А радостная Янмей побежала к Мэдлин, ловко лавируя между веселящихся гостей. На дне корзины у девочки было ещё один нежный букетик лилелой.

Пит стоял у стола с подарками — как раз внесли новую партию. Кто-то в большой дутой клетке прислал Прославленным двух пёстрых погодных курочек. Их и рассматривал Питер, когда к нему подошла Мэдлин. Букет из лилелой она прикрепила на груди.

Пит взглянул на них и спросил:

— Это означает — Да?

Мэдлин засмеялась, чмокнула его в щёку и вдруг сказала:

— А вот если курочка предречет хорошую погоду, то тогда я выйду за тебя замуж.

— Какая из них? — уточнил Пит.

— Та, что заговорит второй.

Питер и Мэд склонились над клеткой. Нахохленные куры с разноцветными лентами на шеях, важно сидели по углам, поклёвывая зёрна из золочёных плошечек. Увидев зрителей, они некоторое время смотрели на них, а потом переглянулись. Та, что потемнее, сказала соседке:

— Завтрашний день принесёт нам отличную погоду.

Вторая курочка вышла на середину клетки, прочистила горло, поправила клювиком свою ленточку, склонила на бок голову и изрекла:

— Совершенно с вами согласна, сударыня.

Отрывки из Энциклопедии жизни визардаров, их летописей и сказаний

Сия энциклопедия выпущена в декабре 1525 года. Переведена с древне-визидарского с дополнениями Леонара Жобена, сделанными им в 1925 году.

Кастевидеус — редко встречаемая трава. Растёт в горах из чёрных камней-убийц. Название кастевидеуса произошло от латинского «чисто видеть». Это трава, чьё употребление вызывает успокоение, дарует видения, однако, постепенно убивает владельца. Высушенная трава кастевидеуса, положенная под подушку, избавляет от кошмаров. Если взять в рот цветок кастевидеуса и прикоснуться к вещи или визидару, то то можно всё про них узнать.

Но кастевидеус вызывает сильнейшее привыкание и достаточно быстро визидар теряет интерес к жизни. Пристрастившийся к употреблению этого цветка, апатичен, его начинают мучить кошмары.

Зависимый от кастевидеуса старается не двигаться и ничего не касаться, выбирает укромное тёмное место, где сидит в полусонном состоянии. Ему становится неинтересен окружающий мир, где коснувшись любого существа, он мгновенно узнаёт этапы его жизни. Эти многочисленные образы расщепляют сознание визидара, и собрать его обратно нет никакой возможности. Постепенно зависимые сходят с ума и умирают. Ремесленники Мастерских Врачевания работают над созданием Сада Сновидений, чтобы помочь визидарам, попавшим в зависимость от кастевидеуса.

Кастевидеус запрещён для выращивания. Но некоторое его количество культивируется в закрытых лабораториях Стоунбона для изучения свойств растения.

Воздушная рыхлея — растение, имеющее скромную надземную часть в виде группы былинки, покрытых мелкой листвой. Однако поз зёмлём воздушная рыхлея разрастается очень сильно. Имеет два вида корней: одни тонкие прочные и разветвленные, так называемые армирующие. Они быстро прорастают в землю и опутывают большой ком. Другой вид корней содержит запасы газа, нужного для питания рыхлеи. Эти корни эластичны. Они накапливают запасы газа и распухают. А так как содержащийся в них газ легче воздуха, то со временем, опутанный растением ком земли поднимается в воздух. Некоторые островки рыхлеи могут парить в воздухе на высоте до полумили.

Фермеры приспособились закреплять островки с рыхлей на якорях к своим домам и выращивать на них ценные культуры растений, например хиларитату.

Летающие Чёрные лошади — на самом деле, эти лошади не рождаются с даром летания. И вовсе не чёрные в полном смысле этого слова. Неизвестно почему именно так их стали называть визардарцы. Но на самом деле у лошадей этой породы белые морда, грива и хвост.

Когда Летающие лошади парят в воздухе, то из-за окраски создаётся ощущение, что у них нет голов. Недаром их ещё называют безголовыми. Визардарцы выучили их летать — другим видам лошадей это не удавалось. Их поили раствором летательного порошка (на ведро тёплой воды — пол чайной ложки порошка). Через час после употребления раствора, чёрная лошадь начинает парить.

Первое время они кувыркаются в воздухе, неустойчивы в движениях. Поэтому на обучение парению чёрной лошади уходит до полугода. К сожалению, после УБ (Ужасная Битва, далее — УБ) чёрные лошади одичали, сохранив при этом лишь навыков затяжных прыжков, которые помогают пастись им на крутых склонах гор, перепрыгивая с одного уступа на другой.

Синтезия обыкновенная — лиана, достигающая в длину до 30 м. Имеет мощный ствол, покрытый раздвоенными усиками-ответвлениями, которые являются воздушными корнями и одновременно прицепками, удерживающими растение на опоре.

Синтезии не нужен полив, она может расти в самой засушливой среде, добывая воду из воздуха. Листья Синтезии вытянутой прямоугольной формы. На одной лиане можно наблюдать листья во всех этапах их развития: молодые листья синтезии тёмно-зелёные, но со временем выцветают до бело-жёлтого. Когда на ветке все листья выцветают, среди них появляется завязь цветка. Бутон синтезии полупрозрачный, мясистый, многолепестковый, издаёт характерный слабый хлебный запах.

Птицы-пожиральщики охотятся на цветы синтезии. Поэтому кактолько Синтезия должна зацвести, близлежащие к цветку листья копируют на себя изображения окружающего мира, чтобы спрятать завязь.

Визидарцы используют листья синтезии обыкновенной для создания изображений. Они собирают незрелые листья и складывают в копиящик. Используют его по мере надобности.

Птицы-пожиральщики — небольшие серые птицы с массивным клювом и цепкими лапками. Селятся рядом с жильём визидаров. Питаются исключительно пшеницей, цветами Синтезии и хлебом, который воруют у

визидарцев. Живут стаями. На ночь, сбиваются в огромные клубки на деревьях. Биологи Визидарии предполагают, что делают это птицы, чтобы не замерзать ночью, а так же таким образом легче защищаться от хищников.

Копиящик — деревянный ящик с окошком для хранения листьев Синтезии Обыкновенной. Если собрать листья Синтезии до раскрытия цветка, расправить и положить в копиящик, то снимая крышку с окошка, можно получить изображение того, на что его направишь.

Морской броненосец — животное, достигающее в длину до трёх ярдов. Имеет массивное обтекаемое тело, обитает в солёной воде. Не имеет зубов, питается исключительно илом. У морского броненосца шкура, считающаяся самым прочным нерукотворным материалом на свете — тонкая, покрытая светло-сиреневыми пятнами, она защищает броненосца от любых хищников. Шкура, действительно, настолько устойчивая, что не разрушается даже после смерти животного. Визидарцы (шкурильщики) собирают выброшенные морем после бурь шкуры и используют их для создания защитных костюмов. Изготавливать такие костюмы могут лишь кузнецы — шкуру морского броненосца можно выделывать только под воздействием серьёзных температур.

Голубые попугаи — большие синие птицы. Переносят почту и небольшие грузы. Очень умны. Каждый голубой попугай стоит на учёте в Попуга-отделе почты. Используются только членами правления Визидаров. На 25 декабря 1925 года в Визидарии на учёте 34 Голубых попопугая.

Вертлявники — деревья болот. Растут долго и очень медленно. К ста годам достигают в высоту до двадцати ярдов. Имеют гладкий ствол, покрытый пористой тёмно-коричневой корой. Корни вертлявников сбиты в большой клубок и всегда находятся под водой. Практически в каждом корнях вертлявника можно найти гнездо вулукула. На поверхности болота вертлявника держат узловы ветви — ложные корни. Основные сучья располагаются на верхней части дерева, представляя собой плотное переплетение, торчащих в разные стороны ветвей. Такая конструкция позволяет вертлявнику не бояться даже самых больших ветров. Порывы лишь раскручивают дерево, но оставляют его в вертикальном положении.

Вулукулы — пресноводные жители болот. Устраивают гнезда в корнях вертлявника. Представляют из себя конусовидное змееподобное существо, покрытое чешуёй. Взрослый вулукул в длину примерно пять футов. Имеет три пары лап с шипами. На широкой части туловища находится круглый рот, усеянный двумя рядами длинных зубов, покрытых перламутром. Зубы вулукулов очень ценятся за красоту и с древних времён использовались в изготовлении украшений и дорогих предметов быта визидаров. Воины носят ожерелье из зубов вулукулов, так как считается, что они приносят удачу в бою. Питаются вулукулы ползехвостами и мелкими животными болот. Для этого вулукул высовывает из тины пасть, которая сверкая перламутром зубов, привлекает к себе насекомых и птиц, образуя для них смертельную ловушку.

Сахарумские коровы — вид домашних коров с вытянутыми мордами и длинными полосатыми ушами. Имеют два вымени. Питаются исключительно цветами Шоколадника, от этого их молоко приобретает густой тёмный цвет и имеет насыщенный сладкий медовый вкус.

Голубые ползехвосты — густо-мохнатые гусеницы тёмно-серого цвета. К концу сентября, когда ползехвосты набирают максимальную величину и вес, они становятся ярко-голубыми. Некоторые особи к этому времени достигают длины в один фут. Живут под корягами и камнями в болотах. У визидаров считаются деликатесом.

Драконы — все известные крупные виды этих животных исчезли. Те виды, что остались, небольшие по размеру, одомашненные. Несут яйца. Одним яйцом дракона разом можно накормить двенадцать визидарцев, к тому же из них, смешивая с молоком сахарумских коров, готовят отличный яичный сыр. Яичный сыр — любимый завтрак визидарцев. Он жемчужного цвета, сладковатый и пористый на вкус.

Лазоревые драконы — особи тёмно-бурого цвета с острыми голубыми зубами. На голове у них небольшой хохолок, напоминающий гриву. Фермеры используют лазоревых драконов, как тяговую силу для обработки и буксировки летающих островков.

Драстиды — одомашненное животное, получившееся путём естественного скрещивания в природе лошадей и драконов. Драстиды примерно в два раза крупнее своих сородичей — лошадей. Их тело покрыто мелкой чешуёй — тёмной сверху, светлеющей к брюху, с изумрудным отливом. Уши драстидов вытянутые, лошадиные. Грива отсутствует — вместо неё на загривке располагается волнистый кожаный гребень, напоминающий мягкие рыбы плавники. У драстидов мощный длинный хвост, доставшийся им от драконов.

Королевские бурозубки — единственный класс животных, причисленных к визидарам. Первая пара образовалась из-за падения двух особей обычных бурозубок в чан с экспериментальным снадобьем в Мастерских Врачевания Стоунбона.

Центральная Почта Медиката — (цвета флага учреждения: голубой круг на фоне темно-зелёной и белой полосы) Почта отвечает за распространение информации и передачу писем, посылок, грузов. Служащие почты носят отличительную форму: тёмно-зелёные брюки и суконный пиджак с золотыми пуговицами. На груди эмблема изображающая голубя, на голове шляпа-трилби с двумя перышками: белым и голубым.

На почте три отдела:

Государственная почта — распространяет срочные объявления: имеют в штате больших голубых попугаев, которые разносят важную информацию, В каждом важном населённом пункте на открытом месте стоит насест голубого цвета. Туда садится попугай и передаёт новости.

Отдел телеграммных голубей- распространяет обычные телеграммы и письма. Оснащён большим количеством почтовых голубей. Многие люди заводят своих голубей для личной передачи информации, но всё же почтовые голуби Медиката всё ещё пользуются большим спросом. Это крупные птицы с позолоченными клювами.

Отдел посылок и грузов — почтовые работники развозят грузы и другую различную почту на повозках, запряжённых летающими лошадьми. В связи с участвовавшими случаями недоразумений и несанкционированных чудес, пока к пересылке через почту запрещены ауксилы и толы, а так же животные и визардары — долгосонники.

Разрывай-трава — изобретена Алланом Пьером Пинаром для помощи крестьянам в засушливых районах Визидарии. Имеет оросительную, а так же взрыхляющую функции. Её сажали рядами на поле. Разрывай-траве мгновенно вырастала, не требуя воды, и по виду напоминала сухую солому. При вызревании, которое наступало в течении трёх-четырёх часов, верхушка каждой травинки с завязью вспыхивала и огонь бежал по сильно разветвленным корням. Корни вспыхивали и взрывали землю. От этого по всей длине посева образовывалась канавка, которую использовали для орошения — по ним пускали воду из канала. Таким образом в короткие сроки могла быть решена проблема полива и рыхления. Идея остановлена на этапе экспериментов из-за УБ.

Так же, разрывай-трава объединённая в толах с металлом должна была использоваться в строительстве для удержания объёмных конструкций. Но эти работы не доведены до конца из-за Ужасной битвы.

Совет Визардаров. Избирался раз в три года выдвижением кандидатур каждого округа долины Сиреневых ветров. Состав Совета Визардаров на момент Ужасной битвы:

Глава Совета визардаров: Грегор Гослинг — начальник управы города Медиката;

Аластар Справедливый О,Ши — Главный военачальник Визидарии;

Верус Кук— Главный летописец управления документов;

Свон Тролль — визардар из брауни. Председатель отдела образования;

Йоникс Цыл — визардар из сидов, член комитета по этике визардараской деятельности (принимал активное участие во внесении поправок в Великий Устав Визардаров.

Великий Устав Визардаров — свод законов и правил, принятый визардарами в **1237 году**. Включал в себя главное правило — равенства между всеми визардарами.

Содержал законы, в частности о неэтичности проводить опыты над визардарами, чудовищами и животными и любым волшебным способом с помощью толлов пытаться преобразовывать их организмы.

В ВУВ вносились поправки в 1523 году Членами комитета по визардарской деятельности под руководством Йоникса Цыла (особенно важными были уточнения о запрещении опытов над животными. И дано чёткое определение, когда именно можно применять работу ауксиллов в связи с животными, и когда же это строжайше запрещено. (В частности: ауксил не должен применяться против животного, если не даёт ему пищу, не наделяет животное помогающими ему в жизни свойствами). Так же подтверждалось, если растение не имеет свойств разума животного, то его возможно преобразовывать, но не наделять его мыслительной деятельностью.

Последние поправки в ВУВ внесены в 1526 году. А именно: устав пополнился блоком законов против любых военных действий.

Аластар Справедливый О,Ши(1474–1525 -51 год) предок одного из первых визардаров-ремесленников Огмы О, Ши.

Аластар отвечал за оборону страны, много писал об опасности любого проникновения людей в общество визардаров из-за их отставания в науке, жизни и «особой человеческой агрессивности» (Сейчас визидарами Мастерских Врачевания, под руководством Леонара Жобена разрабатываются исследования, цель которых — развенчать миф: никакой особой человеческой агрессивности не существует.)

Аластар Справедливый настаивал на тактике полного закрытия от людей и отсечения от их мира. Имел в этом вопросе множество сторонников. Красноречивый, умный, честолюбивый, Аластар известен фразой: «Сначала послушай, и тогда тебе будет что сказать». Имел слабость к собственным изображениям и статьям о себе. Был добр, разводил бабочек, гордился маленькой брошюрой, собственного авторства: «Редкие бабочки и два вида летающих гусениц долины визардаров». В молодости несколько раз побеждал на олимпиадах в битвах на топорах и считался одним из самых сильных противников в этом виде спорта. Погиб в Ужасной битве во второй день, дав со своим войском серьёзный отпор малумам.

Тибериус Шёлк-Хармус — (1397–1472) визардар из рода фавнов. Возглавил первый преподавательский состав Мастерских Стоунбона со дня их открытия. Был первым его ректором и главным Мастером Стоунбона.

Профессор Тибериус Шёлк-Хармус работал в Мастерских Промышленной магии, заведовал лабораториями. Е 1456 году начал разрабатывать волшебную палочку. Идея палочки пришла Тибериусу после его работы над

расшифровкой старинного философского трактата «О бренности бытия, силе духа визардаров и высшем» (автор неизвестен), после строк: «...и как на руке пять пальцев, соединяет она пять стихий в себе и порождает могущественную силу. Лишь собрав четыре элемента, и вложив их в один живой, ты получишь источник власти над энергиями. Впрочем, развивать его ты сможешь бесконечно...»

Написал труды: «Классификация магических материй», «Влияние огненной палочки на изменения свойств металлов», «Конденсаты и прочие проблемы при работе с ауксилами и как этого избежать», «Будущее за волшебной палочкой. Моё видение пути её создания». Последней работой он вызвал фурор на Общей Научной Конференции Мастерских Визидарии, прошедшей в Стоунбоне осенью 1459 года. После его выступления, профессура и ремесленники Мастерских Визидарии решили создать Комитет для работы над палочкой.

К сожалению, Тибериус Шёлк-Хармус, ушёл из жизни после продолжительной болезни, ровно за год до первых положительных результатов опытов с волшебной палочкой.

Тибериус Шёлк был женат, имел сыновей-близнецов.

Сын — **Марио Шёлк** (в последствии отказался от второй фамилии Хармус) посвятил свою жизнь работе в Стоунбоне главным лаборантом Мастерских Природоведания. Возглавлял множество исследовательских экспедиций.

Второй сын Тибериуса — **Самюэль Хармус** (напротив, отказался от фамилии Шёлк). Со смерти отца с братом не общался, из-за споров в наследственных моментах. Служил в Экспедиционном Отряде визардаров в Человеческий Мир. Но позже ушёл на покой и разбогател на продаже зелий.

Изаму Кудо Воин (27 лет на момент Ужасной Битвы), — был помощником главного защитника Страны Визардаров — Аластара Справедливого. Имел Сиреневый пояс за верную службу. Спокоен, хладнокровен. Умён.

Ассистент в Стоунбоне при Мастерской Природоведания и личный секретарь Аластара Справедливого. В двадцать три года Изаму чуть не попал в опалу из-за двух решительных выступлений на Совете Визардаров о том, что с помощью некоего фонаря теней, который якобы видит невидимых духов, обнаружил неизвестных «чёрных рыцарей», состоящих из тёмной материи.

В своих речах утверждал, что надо активнее развивать внутреннюю защиту страны, занимаясь не столько охраной границ от людей, сколько обороной от внутренних врагов. За эти выступления сильно осуждался, многие члены Совета Визардаров считали его идеи кощунственными, опасными и враждебными.

Но Изаму Кудо, рискуя репутацией, защитили и поручились за него профессор Делмар Иму То, (юноша у него обучался) и Аластар Справедливый у которого Изаму служил. Всё списали на молодость и горячий нрав юноши.

Аластар чтит в Изаму честность и открытость, Профессор Делмар из-за этой ситуации чуть не потерял пост декана Мастерских Природоведания.

Впоследствии именно тайные личные исследования Изаму Кудо, которые он проводил, рискуя собственной репутацией в лабораториях Мастерских, на основе работ визардаров над волшебной палочкой, помогли в кратчайшие сроки спасти страну, накрыв колпаком защиты.

Изаму из рода ёкай — род японских духов. Был одинок, не имел детей. После УБ срочно отправлен в эмиграцию с ранением — к сожалению, в одной из первых битв с малумами потерял правую кисть руки. В эмиграции осел в Японии на родине предков — острове Хонсю.

Агнар Гутторсмен Умный (17 лет на момент Ужасной Битвы) — первый ремесленник в своём роду, чем очень гордился.

Но повествуя об Агнаре Гутторсмене, нельзя не сказать о его отце. Его отец — Бреки Гутторсмен Бесстрашный был капитаном шхуны. О нем слагали легенды.

Бреки заработал деньги, переправляя визардаров в Визидарию. Он собирал их в людском мире, выпутывая из самых сложных ситуаций: иногда высвобождал из заключений, когда им грозила виселица или сожжение из-за обвинений в колдовстве. Бреки Гутторсмен доставлял освобождённых в Медикат. Он отправлялся в походы на своей шхуне «Фирлез» в самых сложных погодных условиях, когда за эту работу не брались другие. Но брал за свои услуги дорого, порой всё, что у визардаров было. На шхуне Бреки служила вооружённая до зубов команда, больше похожая на пиратов. Сам Бреки был одноглаз, коренаст. В роду имел викингов и гномов.

Агнар Гутторсмен — средний сын Бреки. Двое других стали капитанами, но погибли в сражении с малумами. Агнар учился в обычной школе, но смог самостоятельно подготовиться к поступлению в Стоунбон блестяще сдав входные экзамены. Агнар выбрал профессию технического ремесленника по классу волшебных свойств металлов. На начало УБ подрабатывал уборщиком в Мастерских, при которых проходили экстренные заседания по спасению долины.

Агнар вызвался установить оборудование-усилитель на Башню Силы. Выбрали Агнара из-за маленького роста, лёгкого веса, ловкости и отваги, так как на самый верх Башни силы нужно было взбираться по сложной открытой вертикальной лестнице на большой высоте. Он блестяще справился с заданием, и только его решительные и смелые действия, его ум и хитрость помогли накрыть долину колпаком защиты и остановить нападения малумов.

Сразу после возвращения с Башни Силы, Агнару вручён сиреневый пояс за мужество.

После УБ Агнар Гутторсмен тайно отправлен во Фьорд Оса, где позже женился на девушке-визидарке произошедшей от троллей. Занимался фермерством. Собирал оружие, изучал историю викингов.

Делмар Иму То (90), — на момент нападения малумов самый опытный ремесленник и педагог из тех, кого позже отправили в мир людей.

В 1525 году ему было 90 лет, но выглядел он на сорок пять. Последние 46 лет занимал пост декана в Мастерских Природоведения в Стоунбоне.

Работал над созданием переводных ауксиллов с языков животных, живущих в миру. Имел в роду русалок. Жил в доме под водой, находящемся в заливе рядом с Медикатом, так как мог спать только в водной среде. Дышал через кожу, имел голубую кровь.

В возрасте сорока пяти лет чуть не погиб в экспедиции в пустыне Африки, когда цистерна с водой для его сна, была пробита воинственными племенами людей. Спасён раствором плода Древа Жизни. Приобрёл долгожительство. Имел два сиреневых пояса.

В Ужасной Битве возглавил Комитет Экстренного Спасения.

После УБ отправлен в Африку. Поселился там на восточном побережье, где жил вместе с дочерью Атвой и её сыном Тафари То (это полный тёзка нашего героя Тафари, его прадед) в пещерах заполненных водой. В вынужденном переезде продолжал заниматься изучением природы. Умер в возрасте 221 года.

Супруги Хлоя (39) и Сид(45) Дилманы Работали в Мастерских Времени в Стоунбоне, где пытались создать приборы влияющие на движение времени.

Имели по сиреневому поясу.

У Сида Дилмана был младший брат Асто Дилман (35), преподававший в Технических Мастерских Стоунбона.

Асто Дилман работал над сжатием и растяжением пространства. Создал немало ауксиллов, включавших эти свойства. В 1524 году начал совместную работу с Вульфом Сториганом из Мастерских Архитектуры волшебных сооружений над совершенно новым типом домов с расширенными пространствами. Но работу доделать они не успели, лишь провели серию блестящих шумевших экспериментов.

Супруги Хлоя и Сид Дилманы, рискуя жизнью, первыми подняли тревогу в студенческом городке Стоунбона, закрыли Воздушные и Земные врата, чем спасли Мастерские, так остальные крупные мастерские были уничтожены. Такая участь ждала и Стоунбон, если бы не слаженные и храбрые действия супругов Дилманов.

Они принимали активное участие в обороне Визидарии и позднее были отправлены и спрятаны в Америке, куда выехали вместе с Амалией Холл и её сыном Родом.

Амалия Холл (31), была замужем за **Асто Дилманом(35)** из рода эльфов. Оба работали педагогами и ведущими мастерами в Стоунбоне.

Супруги имели совместное домашнее хобби: в свободное время изготавливали мебель и предметы интерьера.

Амалия Холл, темнокожая, была из рода вампиров, питалась исключительно кровью, но потребность в пище у неё была всего лишь раз в год. Она ассистировала врачевателям, которые занимались кровопусканием, и таким образом получала питание. Её сын Род с детства ел только сырое мясо, он в крови уже не нуждался.

Амалия была одним из создателей волшебной палочки, и именно она предложила объединить свойства магического металла и священной древесины. Также участвовала в разработке усилительных шаров волшебной палочки. Написала на эту тему работу «Влияние усилительных шаров на стабильные потоки энергии ВП».

Имела один сиреневый пояс.

В момент ужасной битвы муж Амалии Асто входил в группу, экстренно создававшую защитный экран. Погиб при защите Башни Силы, заслонив собой Агнара Гутторсмена, когда группа занималась подготовкой к установке усилителя.

Амалия Холл, как ценный ремесленник, отправлена с ребёнком в Америку с семьёй ремесленников Дилманов.

Роз Руис (28) из рода фавнов, одна из потомков Марио Шёлка — сына Тибериуса Шёлка.

Была замужем за визардарцем **Антонио Руисом(33)** из рода чанеке (Мексика). Антонио работал на Центральной почте Медиката. Заведовал отделом телеграммных голубей.

Роза Руис работала в Стоунбоне в Мастерских Промышленной Магии. Преподавала магическую физику. Занималась разработкой волшебных линз и созданием толлов и ауксиллов на их основе. Имела один сиреневый пояс. После Ужасной битвы уехала с мужем и маленьким сыном Хуаном в Мексику.

Абсолон Жобен (45 лет) профессор Стоунбона, работал в Мастерских Промышленной Магии.

Отец Абсолона **Госс Жобен(98 лет на момент УБ)** был из очень бедной фермерской семьи жившей на землях Медовых холмов. Он нанялся на работу в замок Хармусов, где занимался взвешиванием и расфасовкой некоего зелёного порошка. Как оказалось, это был порошок из плодов Древа Жизни. Порошок имел весьма агрессивные

свойства: он был весьма летуч, раздражал глаза и слизистые. И, если фасовать его долго, то он серьёзно повреждал кожу, хотя она тут же мгновенно восстанавливалась, но рука, казавшаяся целой, после этого долго и сильно болела. Госс Жобен принёс из дома на работу старую кожаную перчатку и стал насыпать порошок исключительно в ней. Был уволен хозяином из-за попытки защитить бедную визардарку, которая просила продать ей лекарство немного дешевле, так как у неё не хватало денег. Позже оказалось, что приобрёл долгожительство и та самая перчатка начала исцелять людей.

Абсолон Жобен был одним из самых популярных профессоров Стоунбона — его лекции старались посещать все студенты. Он обладал даром рассказчика и прекрасного лектора. Преподавал элементарную магическую материю, Техническое акусиловедение. Имел один сиреневый пояс.

Принимал участие в создании волшебной палочки. Конкретно Абсолон Жобен с командой ассистентов разработал точный состав водной эссенции для погружения ВП и написал трактат: «О важности точного соблюдения временных отрезков и их влияние на ВП в роднике Силь».

В момент начала Ужасной Битвы находился с семьёй дома. Их дом был разрушен одним из первых, вся семья погибла под обломками, но самого Абсолона позже спасли — его придавило плитой первого этажа, и он провалился в отсек подвала, как раз именно туда, где хранилась лечащая кожаная перчатка.

Позже отправлен во Францию.

Био Доу (41) из рода демонов и драконов, смешанных с родом людей. На лбу имела третий глаз. Прячала его под длинной чёлкой. Профессор Стоунбона и главный ремесленник в Мастерских Врачевания. Умела предсказывать, в чёрной комнате видела тела визардарцев насквозь и умела определять причины болезней. Имела два сиреневых пояса.

Была замужем за **Эхри Доу (51)** — педагогом левитации в Стоунбоне.

Супруги имели пять дочерей. К сожалению, на второй день Ужасной Битвы, находясь всей семьёй на территории Воздушного сада Стоунбона увидели массовую гибель учащихся за куполом у священного дуба. Большая часть учащихся нарушила приказ ректора и решили, создав отряд, принять бой, тайно выбравшись с территории. Семья Доу не смогла оставаться в стороне и, желая помочь, выбрали за защитный купол. (В саду находится тайный проход к дубу, которым они воспользовались, чтобы попасть за стены.) Многих студентов они спасли, втащив на защищённую территорию Мастерских. Но Био Доу получила тяжёлую травму, а её семья погибла на её глазах.

Био Доу отправлена в Китай, уже добравшись до места жительства, родила последнего ребенка от погибшего мужа — сына Зихао До.

Аллан Пьер Пинар (74) — фамилия предка времён Ужасной битвы стала именем Пинар.

Преподавал Растениеводство Мастерских Ремесленников. Занимался биологией, Имел усадьбу с собственной лабораторией, где выращивал новые виды растений и испытывал на них новые вещества.

Изобрёл разрывай-траву. Имел два сиреневых пояса.

Аллан Пьер Пинар из рода фениксов. Был женат на визардарке из брауни, у которой осталось во внешности много от рода, поэтому их дети были низенькие и смуглые. Имел 9 детей, к сожалению, все, кроме 2-летнего Френсиса, погибли при нападении малумов. После первого нападения малумов Аллана Пьера срочно вызвали в Главную Ремесленную Мастерскую (ГРМ), где он с группой ремесленников начал искать способы защитить долину Сиреневых ветров от малумов.

Жена Аллана, оставаясь дома, при очередной атаке успела спрятаться с детьми в сарае. Но именно сарай малумы подожгли первым, обсыпав взрывной серой и устроив поджог. Френсиса — самого младшего ребёнка Пинаров, нашли без сознания под телом матери.

После Ужасной битвы, Советом Визардаров Аллан Пьер Пинар с сыном Френсисом срочно отправлен в Англию.

В вынужденной эмиграции сын Френсис занялся изучением, трав и их лечебных свойств. Имел двух сыновей и дочь Дайну, которая увлеклась английским фольклором. Она собирала рецепты снадобий, изучала флору Англии, слыла ведьмой, потому что научилась заговаривать раны и исцелять. Надолго уходила из дома, бродила по побережью, собирая травы. Многие считали её сумасшедшей. Детей не имела, но передала свой дар и знания племяннице Аурите — старшей дочери старшего брата.

Георг Петрюссон (48) визардар из рода Кернунна (кельтский бог плодородия, войны, силы и загробного мира).

Красивый, статный мужчина атлетического телосложения. Плечи и живот его были покрыты самопроступающими кельтскими татуировками. Не раз в молодости был победителем олимпиады в гонках на дельфинах. Один из самых умных мастеров и педагогов Стоунбона. Георг Петрюссон, о котором все, кто его знали, отзывались, как о визидаре, от которого исходила недюжинная энергетика. Он покорял и зачаровывал с первых минут общения.

Работал в Мастерских Врачевания, преподавал Изготовление Снадобий. (единственный обладатель трёх сиреневых поясов). Проводил исследования на основе Сада хищных растений, с сильнейшей командой студентов и ассистентов, в которую многие мечтали попасть. Разрабатывал и изготавливал новые лекарственные средства.

Был женат на первой красавице-визардарке светлокожей рыжеволосой **Бригитте (39)**, названной именем кельтской богини огня, чьи потомком она была.

Бригитта Петюрссон была главным специалистом в редакции Медиката. Супруги жили недалеко от Стоунбона в деревушке Три ручья.

Супруги Петрюссоны имели двух детей: сына **Бриндана** (19 лет, в 1925 году учился на 1 курсе Мастерских Стоунбона), и дочь **Нуалу** (17 лет).

В день Ужасной Битвы Георг вёл занятия в Стоунбоне. Бригитта находилась в Медикате в редакции, которая была расположена в одном здании с почтой. Бригитта получила почтового голубя от мужа с известием о нападении. Он просил её спрятаться в подвале, писал, что власти уже предупреждены. Но Бригитта не смогла остаться в стороне. Она посылала голубей во все населённые пункты с предупреждениями и одновременно разыскивала дочь. Выйдя на улицу, была убита малумами.

За день до Ужасной Битвы дочь Петрюссонов Нуала уехала с подругами в город Чудотворцев на ярмарку и пропала без вести. По сведениям, погибла в первые часы при первом же нападении малумов.

Сын Петрюссонов Бриндан принял участие в сражении у священного дуба с другими учениками Мастерских Стоунбона. Его одним из первых спасли супруги Бию и Эхру Доу, втащив на территорию ремесленного города. Георг Петрюссон отправился с командой лучших к Башне Силы и погиб, самоотверженно защищая её плечом к плечу, вместе с другом Асто Дилманом.

Единственный, оставшийся в живых из семьи Петрюссонов — девятнадцатилетний Бриндан отправлен за стены защитного поля в Ирландию в виде исключения. Он не обладал сиреневым поясом, но его родители обладали 4-мя поясами (по два каждый).

Ужасная Битва — Серия сражений, произошедшая с 13 по 15 ноября 1525 года в долине Сиреневых ветров.

В некоторых источниках упоминается, как Великая Битва, но истинные визардарцы, живущие на территории долины называют это время исключительно Ужасная Битва. Сражение, которое трудно назвать сражением из-за того, что визардарцы были не готовы к такому масштабному нападению.

Во время УБ на территории Визидарии проживало 5 464 060 визардарцев, после неё — около 900 000. Из проживающих до УБ визардарцев, примерно 150 000 были заняты в исследованиях, работе и обучению Магическим Ремесленным Профессиям. После УБ на территории долины осталось около 100 визардарцев, которые косвенно работали в лабораториях и на территории Ремесленных Мастерских, но всё это были люди из обслуживающего персонала. Вся элита высшего педагогического ремесленного состава и лучшие ученики были уничтожены малумами.

После битвы осталось только восемь ремесленников, обладающих статусом фиолетовых поясов — то есть, получивших сакральные, глубокие магические знания. За мужество в бою сиреневый пояс вручили ещё одному визардарцу — Агнару Гутторсмену. После битвы никто не знал, насколько силен защитный купол и выдержит ли он ещё один напор, поэтому Экстренный Совет визардаров решил спрятать десять последних ремесленников среди людей.

К сожалению, видимо, некоторая часть малумов выбралась на свободу за территории границ долины Сиреневых ветров. Поэтому первые двести лет в мире ещё случались нападения и уничтожения потомков ремесленников, но позже такие случаи практически не повторялись.

Во времена Ужасной Битвы за защиту и охрану долины отвечал Аластар Справедливый О,Ши — визардарец из древнего и прославленного рода. Его серьёзной ошибкой было видеть врага лишь в людях. Много раз за свою карьеру в своих выступлениях и статьях он говорил об опасности сосуществования с миром людей, из-за серьёзного отставания прогресса последних. Аластар говорил, что мирное соседское открытое сосуществование с людьми возможно лишь тогда, когда те преодолеют расовые и иные предрассудки и достигнут хотя бы сегодняшнего визардарского уровня в науках. Некоторые учёные ему возражали, но после разгрома людьми двух визидарских экспедиций и убийства темнокожих визардарцев по всему свету, в Визидарии поддержали мысли Аластара.

При нападении малумов, Аластар Справедливый уже через несколько часов в срочном порядке выдвинулся к границам долины в районе Биле Ушнега. Ибо именно оттуда, из города Чудотворцев, прилетели первые почтовые голуби с дурными вестями о нападении.

У города Чудотворцев на берегу реки Счастливой, Аластар Справедливый со своей дружиной принял первый решительный бой и отразил атаку многочисленных малумов.

Аластар успел отправить в Медикат голубя с описанием малумов и их повадок. Эта информация в последствии оказалась очень важной для понимания сути происходящего и выбора путей защиты.

Сам же Аластар, как и все его 99 воинов погибли. Но на поле боя обнаружили 100 гладких вытянутых обтёсанных камней (примерно в полтора ярда каждый). Камни эти назвали защитными, так как они обладали сильным полем. Визардарцы верили, что в них живут души погибших воинов. Так как сражение происходило в долине Ясеня Биле Ушнег, позже стало понятно, что именносила этого дерева пыталась спастивойско. Поэтому рядом с Биле Ушнегом визардацы не испепелились, а превратились в камни. У других священных деревьев тоже наблюдались многочисленные случаи превращения погибших от малумов визардарцев в каменные столпы. Особенно много таких столпов было найдено у священного дуба Эо Мугна.

Сиреневые пояса — У ремесленников-визидаров этот пояс — высший знак отличия. Сделанный из тёмно-сиреневого шёлка, украшенный золотой вышивкой и семью кистями по каждому краю, пояс был гордостью для своего обладателя.

Надевали его лишь по праздникам и на торжественные мероприятия. Ежегодно сиреневые пояса вручали лучшим ремесленникам за их заслуги на рождественской церемонии в Медикате. Единственным обладателем трёх поясов за свои открытия и достижения был профессор Мастерской Врачевания Георг Петрюссон (преподаёт Изготовление Снадобий). Пояса он получил за изготовления лекарства Невротин (прорастивает повреждённые нервы в живых тканях), Сонус (восстанавливает слух), и за глубокую исследовательскую работу по изучению ядов северных камней.

Управление Документооборотом — главное учреждение визидаров, через отделы которого проходили все бумаги: свитки, справки, прочая документация.

В Управлении Документами есть несколько отделов:

Отдел Круглых печатей — Круглыми печатями заверялись самые важные личные документы,

Отдел Ромбовидных печатей — для важных общественных документов,

Отдел Овальных печатей — здесь ставили печати на заверяющие и подтверждающие бумаги,

Отдел Квадратных печатей — отвечал за технические справки,

Отдел Треугольных печатей — для врачебных бумаг и справок.

Возглавлял Управление Документооборотом Главный Летописец **Верус Нос**. Им лично заверялись все самые важные бумаги. У него была именная круглая печать с его подписью и гербом.

Огненная палочка — простейший тол.

В ремесленных мастерских создана одной из первых. Относится к разряду помогающих, то есть, чаще всего, выполняет одну простейшую функцию преобразования одного вещества в другое. Назначение Огненной палочки — нагревать. Огненная палочка, кроме толов, разогревала практически все вещества на Земле, доводя до высоких температур, которых до этого можно было достичь только в особых условиях мастерских. Была одним из первых катализаторов-усилителей для создания многих толов, ауксиллов в ремесленных лабораториях. Но именно на них позднее она уже не действовала. Создатель ОП неизвестен, по легендам визардарам её подарили боги затерянного Острова Бессмертия.

Бамбуковый стержень — древний ауксил, созданный для добычи воды в любых условиях. Имеет сильное энергетическое поле. Касаясь любой поверхности, силовое поле БС мгновенно расходится во всех направлениях, собирая и концентрируя воду. Создана одним из первых ремесленников предков Аластара Справедливого — Огмой О,Ши.

Фонарь теней — ауксил, созданный профессором Делмаром Иму То в команде с учеником Изаму Кудо Воином. Изаму Кудо был из рода духов, и ещё учась в Ригнруфе в Мастерских Связи, увлёкся темой создания некоего светильника, который может освещать мир духов. Позже перевёлся в Стоунбон и, продолжив обучение у профессора Делмара, предложил идею фонаря. Профессор же создал Фонарь теней, который усиливал невидимый глазу спектр изображений и позволял увидеть то, что раньше оставалось невидимым. Позднее визардарами прозван Фонариком от малумов.

Ремесленные Мастерские долины Сиреневых ветров — В Визидарии существовало пять крупных Ремесленных Мастерских. Самой большой по площади и самой сильной по преподавательскому составу считалась Мастерская Стоунбон.

Кроме неё существовало ещё четыре Ремесленных Мастерских:

Холибрэнч (северо-восток страны, специализировались на врачевании и ветеринарии),

Гринсноу (северо-запад Визидарии, изучали минералогию, астрономию, занимались исследовательской работой в природоведении),

Рингруф (юго-запад страны, Ремесленная Мастерская занималась исследованиями, путешествиями и добычей полезных ископаемых, волшебных предметов),

Фокскэсил (юго-восток страны, самая маленькая Ремесленная Мастерская, занималась развитием быта

визидарцев — ткачество, кулинария, посуда и т. д.).

Каждая мастерская находилась недалеко от священных деревьев Визидарии. К сожалению, в ходе Ужасной Битвы Мастерские Холибрэнча, Гринсноу, Рингруфа и Фокскэсила были полностью разрушены их ученики и ремесленники погибли.

Визидарская Независимая Комиссия — создана в 1431 году при Стоунбоне, в ответ на потребность более тщательного отбора и более серьёзной подготовки детей, поступающих в Мастерские.

Комиссия принимала экзамены у одарённых детей, желавших в будущем стать ремесленниками. К экзаменам допускались дети с 12 лет. Они могли попытаться пройти испытания трижды — один раз в полгода. Ученик, сдавший экзамены, переводился в специальный класс для одарённых детей. Программа этих классов включала всё то, что изучали их сверстники, но углублённо преподавались История Визардаров, Ауксилимоведение, Начало Анализа Волшебной Энергии, Фундаментальные труды Ремесленников.

После наступления тринадцати с половиной лет в ремесленники можно было попасть после положительного ответа Специальной Комиссии Образования, которая проводила собеседование, а после внимательно и всесторонне изучала дело предложенной кандидатуры. Учитывались её заслуги, прилежание, работы и выдающиеся поступки.

Башня Силы и Чёрная Башня — Башню Силы часто путают с Чёрной башней, собственно, из-за близости их расположения друг к другу. И из-за того, что обе являются атмосферными столпами. На этом их сходство заканчивается.

Чёрная Башня (267 ярдов) — находится на территории Стоунбона. И является самой высокой постройкой Ремесленных Мастерских Стоунбона. Возведена в 1423 году. В нижних уровнях Чёрной Башни располагались классы левитации, в верхних — лаборатории Мастерских Времени. Чёрная башня известна самыми крутыми винтовыми лестницами без ступеней. Из-за замкнутого пространства и особой конструкции за визидаром, ступившим на площадку лестницы, закрывалась дверь, а направленный поток сильного воздуха подхватывал его и возносил на верхние этажи. По другой винтовой лестнице вниз скатывались.

В Чёрную Башню в 1490 году учащиеся, педагоги и ремесленники Стоунбона вделали сконструированные ими Часы с Девой. Часовая Дева — Муза погибшего педагога левитации — Риолы Сайрос. Она случайно упала с Башни в 1439 году и осталась там жить в виде духа.

Башня Силы возведена в двух милях от Стоунбона гораздо позже Чёрной — начато строительство в 1496 году, закончено весной 1502 года. Башня Силы возводилась как техническое здание для создания силового поля в ходе работы над волшебной палочкой.

Её построили на Сакральном холме. Башня Силы была возведена из особых морских камней и специально разработанной в Мастерских Архитектуры волшебных сооружений, массы на основе магического песка и каучука.

Башня Силы стала самым высоким сооружением на территории Визидарии. Её высота составляет 821 ярд.

Внутри башни на первых этажах располагается бассейн с Родником Силы, выше следуют технические помещения и залы просушки — винтовые продуваемые комнаты с брамантовыми (закруглёнными сверху) проёмами. В этих комнатах подвешивали для сушки волшебные палочки.

Башня Силы выстроена пирамидальной формы — состоит из двенадцати уровней, которые сужаются один над другим. Издали Башня Силы напоминает большую иглу, которой сшивают обувь, чем в народе заслужила второе название — **Игла сапожника**. Самый опасный — верхний участок Башни Силы, её последние 123 ярда. Чтобы забраться на верхнюю точку, нужно подняться по незащищённой вертикальной лестнице. К сожалению, на этой высоте законы левитации не работают, ветер настолько сильный, что серьёзно относит в сторону любого, кто пытается подлететь к верхушке Башни Силы. Поэтому наверху башни визардары побывали лишь дважды — в момент её возведения, когда она была окружена строительными лесами, и при падении малумов — это сделал семнадцатилетний Агнар Гутторсмен.

Волшебная палочка — или палочка пяти элементов. Самый мощный тол-ауксил, когда либо созданный ремесленниками. К сожалению, на сегодняшний момент, неработающий. Палочка создавалась, как концентрация всех волшебных свойств и сил визардаров, призванная помочь в жизни каждого жителя долины Сиреневых ветров.

Работа над идеей палочки началась ещё в 1456 году профессором **Тибериусом Шёлком-Хармусом**. Осенью в 1459 году на базе Стоунбона был создан Комитет для работы над палочкой, куда вошли ведущие специалисты всех мастерских. Комитет возглавил профессор Тибериус Шёлк-Хармус.

В 1473 году образцы волшебных палочек, наконец, дали первые устойчивые положительные результаты опытов.

Опытным путём группа учёных установила, что действующую волшебную палочку следует изготавливать, объединяя пять элементов (металл, дерево, вода, воздух, визардар). Только так её энергия, увеличенная Башней Силы, была устойчивой.

Стержень волшебной палочки должен был быть сделан из магического металла, и изготавливался из

различных сплавов. Самым сильным и мощным, но и самым дорогим, являлся для этого сплав серебра с золотом. Длина стержня — один фут и один дюйм, форма стержня — чуть суженная сверху, через равное количество промежутков на стержне были 7 усилительных шаров. Самый большой помещался в одном дюйме от конца палочки, самый маленький — в одном дюйме от начала.

Затем металлическую основу вставляли в тонкую деревянную оболочку, и палочка приобретала гладкий вид. Древесина бралась только Пяти Священных деревьев. Если нужно было придать палочке невероятную силу и власть, то брали древесину самого мощного на свете дуба — Эо Мугна. Если волшебная палочка доставалась творческой личности, то её следовало изготовить из древесины яблони Крэб Дейти. Мудрость и отвагу давал палочке ясень Биле Ушнег. Врачевание, спокойствие и ясность мысли придавала палочке древесина тиса Эо Росса. Усидчивость, прилежание и склонность к открытиям усиливала и помогала раскрывать в визардарах волшебная палочка, сделанная из ясеня Биле Тортан (такие палочки изготавливались для учеников ремесленников).

Иногда деревянную часть волшебной палочки покрывали растительным орнаментом, но скорее из эстетических соображений.

Следующим этапом было погружение волшебных палочек в исток Родника Силы, куда добавляли пепел из порошка листьев всех пяти священных деревьев. Волшебные палочки должны были пролежать в воде ровно 12 дней. Сначала палочки плавали на поверхности, но об окончательном их созревании говорил процесс, когда они опускались на дно. Это происходило на 11-12-ый день. Их вытаскивали из воды и относили в Башню Силы, где подвешивали на пересечении семи ветров. Она должна была провисеть сорок дней и ночей. И только тогда она была готова.

Пятым элементом, дающим силу волшебной палочке и оживляющем её, был хозяин, который брал её в руки. Первый раз он ощупывал несколько палочек и прислушивался к своим ощущениям. Когда в его руку попадала нужная, то между пальцами и инструментом пробегала искра, и ВП нагревалась. Палочку надо было держать в руке до тех пор, пока она не заряжалась окончательно и не объединялась с хозяином энергией. Визардар чувствовал окончание этого процесса это по лёгкой вибрации палочки. С этого момента она была готова к использованию. Обычно после этого на нижнем торце палочки обязательно наносилась маркировка и имя владельца.

Все волшебные палочки хозяева должны были зарегистрировать в Управлении Документооборота в Отделах квадратных и круглых печатей.

Постоянно заряжал палочку большой усилитель, расположенный на Башне Силы. Ремесленники работали над тем, чтобы внедрить в саму палочку постоянное силовое поле и тогда бы она больше не нуждалась в работе Башни Силы. К сожалению, эти работы на момент 1525 года не были завершены.

Мода долины Сириневых ветров. Визардары издавна заселили земли Визидарии, но на протяжении всех веков к ним постоянно прибывали новые члены, жившие до этого среди людей, которым по тем или иным причинам, пришлось покинуть родные края. Поэтому в одежде визардацев можно было найти, пожалуй, все стили.

Визардацы одного клана старались селиться рядом. Например, существует множество прибрежных селений визардарцев-русалок, чьи дома наполовину находятся в воде, а крыльцо расположено на берегу. Их домашняя одежда часто представляет набедренные повязки, хотя выбираясь на верхние этажи они носят широкие серые балахоны с цветными ремнями-завязками. В миру же они одеты как многие — носят килты, брюки и сюртуки. Девушки из селений часто надевают длинные платья из льна, перевязанные под грудью широким поясом из ткани или переплетением вёрёвок или тонких кожаных лент. Часто пояса украшают цветами кружевницы.

Или визардарцы-долгосонники. Они произошли от людей, ночных фэй-сомнамбул и древних вампиров, и могут погрузиться в недолгий сон в любой момент, поэтому их одежда специфична — они всегда носят плащ с капюшоном. Задняя часть плаща простёгана квадратиками и эти кармашками, набитыми пухом. Под плащами они носят удобные длинные пижамы.

Женщины-визардарки предпочитают носить различные платья и юбки разной длины.

Верхняя одежда визардарцев — это плащи, накидки и пальто.

Дети-визардарцы обычно носят укороченные сюртуки, широкие брючки и юбки из ткани в клетку. У каждой школы долины своя форма, включающая в себя рубаху, определённого цвета костюм, жилет с большим количеством пуговиц и плащ. Оознавательным знаком школы выступает шейная лента, надеваемая под воротник с металлической запонкой, на которой изображён герб учреждения.

Так как погода в долине неустойчива и часто меняется, в одежде визидаров применяется мех, кожа. Часто одежда украшается лентами с кельтскими орнаментами.

Визардарцы носят много разных моделей необычных головных уборов и обуви. Их тип часто зависит от того, к какому роду себя относит владелец. Обувь у визидарцев является культом и имеет сакральное значение. Это просматривается в любом сегменте жизни Визидарии: от искусства (у многих визидарцев увлечение собирать картины с изображением обуви, слепки ступней известных визидарцев) до праздников и суеверий.

Родник Силы, Сакральный холм — в двух милях от Стуонбона находится важное историческое место: Сакральный холм. Это небольшая возвышенность правильной округлой формы. До наших дней дошло изображение Сакрального холма, датированное 500-ым годом до нашей эры, которое доказывает, что уже в то время это место считалось священным и использовалось древними племенами, жившими на этих землях до визардаров, для ритуалов. Об этом говорят и плоские круглые ритуальные камни, найденные в основании холма. На самой верхней точке холма расположен Родник Силы. Его вода холодная, но дающая Силу. В древние времена племена пили эту воду только перед сражениями, охотой или принятием важного решения. Во времена визардаров рядом с родником был создан небольшой бассейн, в котором скапливалась вода. Позже о над ним была построена Башня Силы.

Хиларитата — с латинского «бодрость». Пузырящийся напиток, который снискал большую популярность среди жителей Визидарии. Готовится из корней и плодов дерева Татуа, произрастающего на вершинах гор. В наши дни плантации татуа выращиваются на летающих островках в селениях долины. Они находятся в местах, где нет больших ветров.

Над фермерскими селениями высоко на привязи толстых канатов парят острова с красивыми темно-фиолетовыми лианами, свисающими вниз. На лианах три раза в год созревают длинные стручки, полные сладких зелёных бобов. Это и естеплоды татуа. Их жарят и вываривают в молоке сахарумских коров, чьё молоко тёмное и сладкое. При подогревании напиток начинает пузыриться и приобретает цвета всех оттенков зелёного. Самые известные татные в долине «Лулу» и «Зелёная Луна».

Пять Священных деревьев. В долине Сиреневых ветров растут пять священных деревьев. Они выделяются необычайностью размеров для своего вида, мощностью раскидистой кроны и силой корней.

Им поклонялись с древнейших времён, на все праздники визардарцы украшали деревья и совершали вокруг них ритуалы,

В середине долины близ территории Стоунбона растёт самое мощное священное дерево — Дуб Эо Мугна. Ствол дереваневоозможно обхватить даже тридцати взрослым людям, взявшимся за руки.

На Северо-востоке страны, на Холме Снов произрастает Тис Эо Росса. Самое высокое священное дерево — высотой в 52 ярда. В его стволе находится хижина. В этой хижине «каменная постель» — плита из белого мрамора. Туда приносили тяжёлых больных, чтобы тис дал им силу. Этому дереву особо поклонялись и врачи. Если прикоснуться к его коре, Тис Эо Росса успокаивает душу, разгоняет тревоги и даёт спокойствие уму.

На Северо-Западе, у самого хребта Чёрных гор, там, где начинается ущелье города Чудотворцев, на Холме Вечности, произрастает Ясень Биле Ушнег. Во все стороны раскидал он свои мощные ветви, весь холм заволокли его корни, бегущие до самой земли. Если забраться по корням на холм, то увидишь, что покрыт ствол и толстые ветки Ясеня круглыми дуплами. А всего их на стволе 12. Если хочешь, чтобы твоё желание точно исполнилось, попроси у Ясеня помощи. Для этого нужно собрать 12 белых камней и положить в двенадцать дупел. Только до двенадцатого дупла, которое находится очень высоко, редко кто добирается. Если хочешь узнать ответ на свой вопрос, то надо прийти к Ясеню Биле Ушнег рано утром, сесть, прислонившись спиной к стволу и громко задать вопрос. Если сбросит тебе Ясень лист, то отвечает Да. Даёт Ясень визидару отвагу и храбрость.

На Юго-западе у самого Синего фьорда на высоком утёсе стоит Ясень Биле Торган. К нему приходят ученики и студенты. И глядят его шершавую кору, чтобы дерево помогло в испытаниях и экзаменах. Этот Ясень добр ко всем, кто открыт новому, кто хочет получить знания. Но добраться до него очень сложно — на утёс приходится взбираться по крутой длинной каменной дороге.

На Юго-Востоке — посреди зелёного луга стоит Яблоня Крэб Дейти. Высотой она 45 ярдов. Крона деревьев разраслась на 33 ярда в диаметре. Это самое красивое священное дерево. Весной оно покрывается белыми цветами, а летом созревают на нём красные маленькие дикие яблочки. Яблоне поклоняются творцы и отправляются к ней съесть волшебных яблочек, чтобы развить фантазию.

Про священные деревья сложено много сказаний, былин и песен.

Ремесленные Мастерские Стоунбон. Одни из крупнейших ремесленных Мастерских Долины сиреневых ветров. Они были созданы в 1430 году по указу Совета Визидаров. Возглавил их Тибериус Шёлк-Хармус. Он объединил разрозненные ремесленные мастерские центральной части страны с лабораториями Научной Станции.

Стоунбон — лучшие Ремесленные Мастерские страны. Обучение в них начинается с практических занятий. Со второго года занятий перед студентами-ремесленниками ставятся технические задачи. И они, объединяясь в группы под руководством сильнейшего педагогического и ремесленного состава, решают их, создавая толпы и многочисленные ауксилы

На основе работы Ремесленных Мастерских Стоунбон в 1431 году была организована Визидарская Независимая Комиссия, для отбора детей в специальные классы одарённых. Но окончание такого класса не было гарантией поступления в Ремесленные Мастерские, хотя и сильно увеличивало шансы. (Статистика: в 1524 году классы для одарённых закончили 1324 ученика, в этом же году стали студентами первого курса Стоунбона стало

882 человека, из них из 74 ученика сами подготовились к поступлению, обучавшись до этого в обычных классах).

Поступали в Ремесленные Мастерские Стоунбон после десятилетнего обучения в школе, в возрасте 15-ти лет.

Стоунбон имел несколько отделений: Технические Мастерские, включавшие лаборатории развития Связи; Мастерскую Культуры; Мастерскую Врачевания; Мастерскую Промышленной Магии; Мастерскую Архитектуру волшебных сооружений; Мастерскую Времени; Мастерскую Природоведения.

С исторической точки зрения было очень интересно главное здание Стоунбона — Замок Знаний или Административное крыло. Замок представляет собой длинное трёхэтажное здание из тёмного камня, сверху увенчанное резными зубцами Воздушных Врат. Слева и справа от Замка Знаний отходит высокая каменная стена, опоясывающая Ремесленный город.

Замок Знаний был возведён в 1423 году. В последующие 30 лет вокруг него появились ремесленные корпуса, лаборатории, здание лекарского пункта, общежития для подмастерьев и учеников, спортивные залы, где раз в три года проводились олимпиады.

Весь комплекс построек был окружён невидимым пирамидальным куполом, который возвели позднее, для создания особой природной атмосферы. При его создании купола его оборонительной функции не придавали большого значения. Но сила купола оказалась такой мощной, что стала серьёзным препятствием для малумов. Пирамидальный купол имел два входа: Воздушные и Земные врата. Существует легенда, что были ещё и третьи врата — Подземные, но эту информацию относят скорее к разряду студенческих баек.

На территории Стоунбона есть множество парков, оранжерей и питомников с разнообразными представителями флоры и фауны. Здесь был, закрытый для общих посещений, уголок хищных растений, включавший в себя семьдесят три вида растений-убийц; Сад воздушных садов, состоящий из сорока двух лавирующих островков над поверхностью озера Сильвий.

Под зданием Природоведения находились Гроты с водяным лесом. На территории Стоунбона был миниатюрный Туманный сад. Педагоги Мастерских Природоведения гордились оранжереей с самой обширной коллекцией цветов лилеолой.

В лабораториях и оранжереях Стоунбона ведётся большая исследовательская работа.

Но особую гордость Стоунбона составлял расположенный у его стен дуб Эо Мугн. Ученики и ремесленники Стоунбона ухаживали за территорией священного дерева. Именно под ним обычно проходили шумные праздничные студенческие шествия. На данный момент поляна вокруг дуба является мемориалом погибшим при Ужасной Битве ремесленникам и студентам.

Ремесленная олимпиада — проводится раз в три года. Сильнейшие жители страны соревнуются в различных видах магического спорта. В соревнованиях запрещено применять ауксилы.

Всего в ходе олимпиады проводится семь соревнований:

1. Бег в повязках. Спортсмены с развитым ясновидением, бегут по пересечённой местности с препятствиями и испытаниями. Побеждает первый, кто добрался до финиша без ошибок.

2. Перетягивание каната «троллей» — команды из 5 человек перетягивают канат «троллей» — толстую верёвку, которая ведёт себя, как извивающаяся змея. Соревнования проводятся на тонких мостках над рекой Счастливой.

3. Гонки на дельфинах. Эти соревнования проводятся на воде залива Медиката. Снаряжение: тонкая доска, на которую встаёт спортсмен и держит в руках поводья, накинута на дельфина. Побеждает первый пришедший к финишу.

4. Борьба на топорах. Используются легкие кельтские топоры и круглые щиты. Щит не должен закрывать больше половины туловища спортсмена. Бой происходит с оголёнными туловищами, спортсмены надевают килты цвета своей земли.

5. Прыжки в Ведьмину впадину. Недалеко от селения Глубокая вода находится Ведьмина впадина. Это красивое овальное озеро, у которого, как говорят, нет дна. Вода в этом озере буро-коричневого цвета, напоминающая прозрачную кровь. А стены покрыты стеклянным мохом, который при прикосновении повреждает кожу.

Из стенок впадины в воду выделяются несколько видов различных газов. Они поднимаются на поверхность озера большими разноцветными пузырями, наполненными как приятными, так и зловонными запахами.

Со специальных мостков спортсмены ныряют в воду. На талию они надевают кожаный ремень, к которому привязана прочная цепь. У каждого спортсмена также с собой имеется корзина.

Под водой, в местах выхода газов из расщелин, живут колонии моллюсков — острошипые актиды. Именно в их раковинах находят многогранные жемчужины, похожие на звёзды. Кто из спортсменов наберёт больше всего раковин и найдёт самую большую жемчужину, тот объявляется победителем.

К этим соревнованиям не допускаются визардары из рода русалок и рождённых от иных водных существ, могущих дышать под водой, до пятого поколения. Обычно на таких соревнованиях они являются зрителями и

судьями подводного уровня.

6. Самый опасный, но и один из самых зрелищных видов спорта: гонки на летающих лошадях.

Лилелоя — один из самых воспетых и романтических цветов в стране визардаров. На небольшой ветке расположено соцветие мелких бело-зелёных цветов, напоминающих собой эдельвейс и ландыш. Пахнет цветок лилией, боярышником и фрезией одновременно. Как только лилелоя расцветает, из каждого цветка начинает сыпаться звёздная пыль. Такой шлейф лилелоя оставляет за собой, пока полностью не засохнет.

Про лилелюю есть легенда, сложено много песен. И, по традиции, каждая невеста украшает голову цветами лилелюи на свадьбу, считая её символом чистоты, мудрости и счастливого брака.

Сад хищных растений — эти растения запрещены к высадке в частных садах и на общественных территориях. Собственно, на сегодня их можно увидеть только в закрытом саду Ремесленных Мастерских Стоунбона. К сожалению, детям до 12 лет и домашним питомцам вход туда строго воспрещён. За высокую каменную стену закрытого Сада хищных растений вы сможете пройти только в специальном костюме из прочной кожи морского броненосца.

Вас обязательно предупредят, чтобы вы не сходили с дорожек, не трогали и не кормили растения. В 1513 году в хищном саду в зарослях Удушника трагически погибла семья визардаров из трёх человек, и тогда сад был закрыт на год. После реконструкции, он снова открыт для посещения. В саду 73 вида хищных растений.

Здесь вы увидите Змеелистник. Обратите внимание на его подвижные корни-треноги, с помощью них эта лиана передвигается. Не трогайте листья Змеелистника, которые притянут вас запахом ванильного пирога. Этот запах имеет снотворный эффект. Именно растёртый порошок Змеелистника вы покупаете в пилюлях для деда, страдающего бессонницей. И именно им пропитаны все бинты и медицинские повязки, так как его сок восстанавливает ткани. Но в природе встреча с ним опасна.

В саду хищных растений вы встретите великолепную Ядовитию. Её цветы похожи на яркие красивые бабочки. Но эти «бабочки» очень опасны — как понятно из названия растения, они содержат серьёзный яд.

Не трогайте даже красивых скромных Ромашек Форчуна. Их лепестки острые, словно лезвия.

Интересно вам будет взглянуть на коллекцию северных ядовитых камней. Одни из них опасны только в воде. Другие пористы, словно губки и выделяют сладкий сок, отравляющий мелких животных. Когда животное падает, камни постепенно объедают попавшую к ним в ловушку жертву. Самые агрессивные из северных камней — Красные булжники, напоминающие расцветкой мухоморы. Они убивают и питаются кровью, выстреливая из белых точек тонкими иголками с ядом. Но пройти по Камням-стрелкам, привезённым из Гренландии, которые брызгают кипятком или их близким родственникам — Камнями-сковородками, тут же нагревающимся до высоких температур, приятно тоже мало.

Самые опасные растения Сада хищных цветов теперь находятся за прочными стеклянными витринами. Например, Ужастия. У Ужастии толстые разветвлённые стебли, покрытые мехом. Она раскидывает ветки далеко от основного стебля. Когда жертва подходит ближе, ужастия приятно обвивает мягкими ветвями. Но на самом деле таким образом растение ищет места пульса — там, где у жертвы на поверхность выходят артерии и вены. Найдя такие места, Ужастия сжимает хватку и душит. Пусть вас не очаровывают её небольшие мясистые серебряные цветы. Они только кажутся безобидными. Соприкоснувшись с жертвой, эти цветы выпускают острые зубы и, вцепившись в кожу, вырывают кусок. Меньше чем за минуту, заросли Ужастии, могут обглодать небольшое животное.

В Саду имеется Пушковой горошек. При созревании он выстреливает из стручков тяжёлыми горошинами, способными пробить кожу или оставить синяки.

Вас покорают крупные цветы Морсы Прекрасной. Выглядят они, как огромная фарфоровая чаша из пяти лепестков, покрытая тонким узором зелёных и розовых прожилок. А на дне это чаши пузырится, переливаясь, притягивающая душистая масса. Но недаром Морсу называют ещё Прекрасная Убийца. Говорят, в её объятиях умирают только со счастливыми лицами. Её цветы пахнут так божественно, что невозможно не приблизиться к ним, чтобы не вдохнуть этот аромат. Первая нота запаха Морсы Прекрасной: смесь белой лили, лаванды, и апельсиновых цветов. После по очереди вступают нотки жасмина, розы и ландыша. Оторваться невозможно, потому что один роскошный аромат, словно дразня, сменяется другим. Запах поистине королевский! Но к этому времени цветок неожиданно обхватывает лицо нюхающего и, облепив его прочными плотными листьями, держит, пока жертва не потеряет сознание. Тогда Прекрасная Убийца обхватывает пойманную еду широкими листьями и поедает.

А до чего хорошо кошачье дерево! Это небольшое пышное растение покрыто пушистыми плодами, напоминающими мордочки спящих котят. Но попробуй, погладь, и плод раскроет нутро наполненное рядами острых кльков, которые легко откусят палец. Именно от этого дерева пошла визардарская поговорка: «Не верь котёнку, пока не посмотрел ему в рот».

Однако многие Хищные растения обладают мощными лечебными свойствами. Например, из плодов Сонницы опасной изготавливают капли Сонус. Они возвращают слух. А из Прекрасной Убийцы делают редкое лекарство — Невротин, которое помогает прорастить нервы и восстановить прохождение нервных импульсов. То есть, с его открытием стало возможно вылечить последствия тяжелейших переломов позвоночника. Поэтому Сад хищных растений находится в ведении Мастерской Врачевания, на его основе работает лаборатория, изготавливающая лекарства. За сад отвечает профессор Мастерских Врачевания Георг Петрюссон (учит изготавливать снадобья)

Воздушные сады — самый известный общественный воздушный сад, который вы можете посетить, находится на территории Стоунбона.

Открыты Воздушные сады для общего посещения с пятницы по воскресенье. С 9 утра до 17 вечера. Вход через Центральные ворота Стоунбона. Входной билет стоит 4 визифунта.

Воздушные сады Стоунбона расположены над озером Сильвий.

Они представляют из себя группу небольших левитирующих островков (самый большой — площадью около 8 кв. метров). Острова висят над водой озера на разных уровнях (самый верхний — на расстоянии около 14 ярдов над водой).

Острова Воздушного сада соединены между собой канатными лесеницами и переходами. На самом большом из островов расположен Фонтан Задумчивой Девы. На двух островках бьют ключи, водопадами падая в озеро.

Острова засажены растениями семейства Аер (Воздушные). Например, здесь широко представлена Кружевница обыкновенная — высокое разветвлённое травяное растение до 3 ярдов в высоту. Оно покрыто огромными плоскими кружевными цветами, словно сплетёнными из тонких нитей. Осенью цветы высыхают, и многие визардарцы используют их в виде салфеток. Или, сшивая их между собой, изготавливают скатерти, лёгкие шторы и другие изделия.

В воздушных садах можно встретить и более редкие виды семейства Аер, например: Плачущая бегония — это большие воздушные кусты, в которых тонкие стебли и остролистные листья перевиты между собой и украшены крупными яркими цветами, покрытыми каплями, которые наливаясь, скатываются по лепесткам. Сок этих цветов очень любят маленькие лазоревые птички арикули. Арикуля небесная величиной всего 2 дюйма, но узнаваема по невероятной окраске перьев и чистым, переливающимся трелям. Если вы посетите воздушные сады весной, то обязательно насладитесь невероятным пением арикуль. Их называют лучшими певчими птицами, но в неволе они не поют.

В саду так же можно встретить Небесную туберозу. Её белые цветы распускаются в фуе над толстым извилистым стволом и сплетаются меж собой в длинные, до ярда, махровые спирали.

В воздушном саду представлены Пузырьковые деревья (3 вида). Интерес представляют не их невзрачные цветы в виде конусов, а то, что они постоянно выпускают переливающиеся неустойчивые хрупкие пузыри, наполненные приятно пахнущей пылью. Пчёлы подлетают, передними лапками касаются пузыря, он мгновенно лопается, распыляя фонтаном пыльцу.

Туманный сад — находится на территории Ремесленных Мастерских Стоунбона, но так же большой частный Туманный сад имеется у семьи Атвы То, проживающей с семьёй в известном Доме-Змее Медиката на Миндальной улице.

Позади этого дома есть затопленные луга, на которых расположен туманный сад. Семья То пускает посетить бесплатно свой сад по четвергам с 15 до 21 часа. Туманный сад Стоунбона занимает небольшую территорию — всего в один акр. Как и любой туманный сад, он расположен на болоте, через которое проложены деревянные дорожки. Это место всегда погружено в туман. Тут собраны лучшие виды семейства Вуалевых.

Знаете, как образуется радуга? Это преломление света в маленьких капельках воды, парящей в воздухе. В туманных растениях всё точно так же. Вуалевые состоят из прозрачных капель, но источник света находится в них же — в центральном стержне растения. От этого вуалевые растения переливаются всеми цветами радуги, принимая различные очертания в зависимости от того, как и какой силы в них появляется свет. Растения сада то рассеиваются, погасая, то появляются снова. В дождь они выглядят стеклянными, в мороз — заледеневшими.

12 лет — возраст совершеннолетия визардаров.

В этом возрасте все визардары получали Документ Совершеннолетия — пергамент, подписанный Главным Летописцем Управления Документов отдела Круглых печатей.

День двенадцатилетия отмечается шумным праздником. Фасад дома, где живёт именинник, в этот день обычно украшается двенадцатью пар ботинок — по паре на каждый год. Чаще всего теми, которые и носил сам именинник. Люди, проходящие мимо, поднимают шляпу или машут рукой в сторону дома с возгласом: «Топ-топ дальше!»

С этого дня мальчики могли носить удлинённые («взрослые») сюртуки. А девочки-визардарки надевали многослойные юбки. Особым шиком считались те, где было несколько слоев подъюбников, украшенных

кружевами ручной работы.

На праздник совершеннолетия обязательно подносили подарки не только имениннику, но и его родителям. Считается, что именно с этого возраста именинник отвечает за свои поступки, а родители могут увидеть плоды своего воспитания.

Сказания, легенды, песни.

Сказание о появлении визидаров.

(перевод с древне-визидарского)

В давние времена, когда не было на свете ни дня, ни ночи, а лишь вечность, на священном празднике в поцелуе сошлись Луна и Солнце. Воспылали они чувствами сильными, да такими, что засветились. Окрасилось от их любви небо в алый цвет. Решили Луна и Солнце пожениться и дать друг другу вечную клятву.

Но не попросили они на это разрешения у Богов Неба и Земли. И от этого сильно разгневали их.

Боги решили навеки разлучили влюблённых меж собою. Тёплое Солнце женили они с Белым Днём. А Ледяную Луну отдали в жёны Чёрной Ночи.

Бродили по небу Солнце и Луна, спускались под землю, но друг друга не могли найти. Осталось им любоваться лишь на след своей любви — рассветы, которые теперь красили небо утром и вечером.

От Белого Дня и Солнца пошёл род людей. От Чёрной Ночи и Ледяной Луны стали рождаться чудовища.

Но любовь никуда не исчезает. Глеет она, как огонь, а подуй — разгорится. И те из Детей Солнца, кто встречал Детей Луны в момент рассвета, влюблялся в них. Они давали друг другу клятву, что Солнце Луне не сказал.

Так и рождались на свет визидары. Кровь Солнца смешалась в них с кровью Лунной. И вполовину люди они, но другой своей частью — чудища из иного мира. В них приумножена сила. И в подвигах бранных будут всегда помогать им Луна и Солнце.

Сказание о пяти ведьмах.

Долго бродили в миру визардары.

Место искали они без людей и чудовищ.

Плыли по морю как рыбы, не зная покоя.

Ввысь поднимались на крыльях, не ведая страха.

Но где бы ни шли они, тяготы преодолевая,

Везде были люди, а в тени чудовища жили.

В поисках как-то пролив небольшой проплывая,

Что расположен левее земель славных бритов,

В бурю лихую визидарская лодка попала.

Братья погибли, а те, что остались живыми,

Были спасённые высшею доброю силой.

На берегбросило их на земле Тирнаног.

Острова вечные жители там и нашли их.

И исцелили. Оружие, лодку им дали.

Огненный шест им вручили волшебный,

Что огонь из себя изрыгает.

Дали наказы свои и им путь указали

Там, где найдут свою землю и дом визардары.

И визардары поплыли, как велено было им дальше

К землям туманным великой богини Эриу.

Только на острове чудища жили и люди.

Вечно сражались они, мир деля меж собою.

Был лишь секрет в подземельях Эблана Цивитас

Там начинался проход в затаённые земли.

Земли те были свободны от кельтов и вигов.

Меж двух миров там проходы гигантские змеи прорыли,

Змей тех в час ярости рогатая Домну родила.

Змеи гигантскиете с головами чудовищ

Всех, кто ни встретится им, поедали.

Но визардарышестом змей огня победили,

А уж оружием только хвосты отрубали.
И из проходов змеиных нашли они выход на волю.
Остров увидели вереском буйным покрытый
Весь был в деревьях гигантских тот остров забытый
Скалы и выступы землю ту от чужих ограждали.
Но были у этих земель пять злобных хозяек.
Ведьм, что сбросить хотели с земли визардаров.
Ведьмы костры разожгли к чёрным силам зывая.
И подношения страшные сделали тёмным духам.
Духи учуяли кровь и услышали просьбы,
Подняли море они высоко и накрыли им остров.
Ветры прислали с вершин и ту землю трягнули.
По их велению вырвали волны деревья.
И утопили их в море чёрные силы.
Только в деревьях тех прятались ведьмы злые.
А визардарам осталась земля, где они поселились.
Лишь на холмах пять священных деревьев осталось.
Им поклонялись с тех самых пор визардары.

Легенда о Лилелое.

Когда-то давно жил на свете визардарец Бриартак. Был он из рода морского чудища, но похож на человека.

Был Бриартак смелым и сильным рыбаком, и море ему благоволило. Когда Бриартак выходил рыбачить, то добыча сама прыгала к нему в сети, потому что отец его — водный житель, подарил Бриатраку кольцо, на которое шли косяки рыб. И от этого из всех рыбаков Бриартак был самым богатым — имел хороший дом на берегу, и полные закрома добра.

Влюбился Бриартак в девушку Блатнейд. И она его полюбила. Но Блатнейд была дочерью кельтского короля. И не захотел король отдавать её в жёны простому рыбаку, да ещё и сыну чудища. Но прямо отказать побоялся. Сказал, что согласится на свадьбу, если принесёт Бриартак ему к следующему утру большого лосося мудрости, которого не так то просто было поймать. И дал король Бриатраку всего одну ночь, думая, что парень точно не справится.

Пошёл Бриартак к морю. Он лишь трижды закинул сеть, да вытащил лосося мудрости. Обратился Бриартак к своему отцу морскому, чтобы готовился тот к свадьбе. Его отец обрадовался, достал со дна морского много жемчуга в подарок своей невестке и бросил этот жемчуг к дверям дома сына своего Бриартака.

Но кельтский царь, узнав, что Бриартак справился с заданием, решил схитрить. Он обманом посадил дочь на корабль и сказал, что перед свадьбой ей надо помолиться. А лучше всего это сделать в море, раз она выходит замуж за сына морского.

Поверила девушка, но не знала, что корабль повезёт её к чужим берегам и выдадут её замуж за северного царя, с которым давно уже была договорённость. Чтобы дочь молясь на палубе, ничего не заподозрила, повелел кельтский царь всем в городе да по берегу потушить огни. А капитану корабля сказал, чтобы шёл он на самый большой костёр, который разожгли люди северного короля на соседнем острове.

Прознал про хитрость и обман Бриартак. Кинулся к отцу родному. Тот поднял на море волны, чтобы сбить с пути корабль. А Бриартак поджёг собственный дом. Запылал дом Бриартака, среди волн увидел этот пожар капитан и повёл корабль на него. Приплыл корабль с прекрасной Блатнейд, прямо в объятия возлюбленного, ожидающего её рядом с пепелищем.

И сказал Бриартак, обнимая суженную:

— Я готовил тебе дом, подарки и богатства, но теперь нет у меня ничего.

— У тебя есть любовь, сила и храбрость. И эти три подарка заменят мне всё остальное, — ответила ему невеста.

Увидела богиня Рианнон такую любовь, взмахнула рукой, и встал дом Бриартака на месте пожарища, лучше прежнего. А сгоревший жемчуг, рассыпанный перед домом отцом жениха, богиня соединила с блеском небесных звёзд, и он стал цветами прекрасной лилелои.

Сыграли влюблённые свадьбу и жили долгие годы, пока правнуки не отправили в море их остывшие в один день тела.

Старинная визидарская свадебная песня невесты.

Сорву лист я с Эо Мугна,

Принесу тебе под дверь
Я дождусь тебя, мой милый.
Только лишь и ты мне верь.

Отнесу камней двенадцать
Я под ясень под Ушнег
 Попрошу его я счастья.
Для меня даст оберег.

Поднимусь я на утёсы.
Биле Торган упрошу
Дать мне мудрости немножко,
Чтобы жить с тобой в ладу.

Даст мне Яблоня Крэб Дейти
В нашей жизни красоты
Потому что нужен, милый,
Только ты мне, только ты.

Только к Тису Эо Росса
Не пойду я, милый мой.
Не хочу лечить я сердце,
Хоть оно больно тобой.

Свадебная визидарская песня жениха.

У моего порога
Упадает осенний лист
Строю дом просторный,
Будет он светел и чист.

Пусть за окном холодным
Кружится первый снег
Зажгу огонь в печи я
Чтобы был им наш дом согрет.

Весна стучится в двери,
Бурлит Счастливая река.
А ты как эта речка
Красива и далека.

Пришло долгожданное лето.
Украшу я наши покои.
Когда для меня ты наденешь
На голову цвет лилелой?